

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»

Т.Х. Алоев

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ХАДЖРЕТСКОЙ КАБАРДЫ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Нальчик
2017

УДК 94(470.64).07
ББК 63.3(2Рос.Каб)521
А51

Печатается по решению Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН
от 7.12.2017

Алоев Т.Х.

А51 Очерки политической истории хаджретской Кабарды в первой половине XIX в. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 126 с.

В монографии отражен значительный пласт малоизученных в кавказоведческой литературе аспектов истории восточных черкесов. Приоритетным представляется осмысление исторического опыта той части кабардинцев, с которой на протяжении всей первой половины XIX в. связывалась сохранность черкесского «габитуса» и традиции самобытности – хаджретам. Исследовательский интерес фокусируется на важнейших факторах, обусловивших мощный миграционный всплеск в Кабарде в начале XIX в. в условиях Кавказской войны. Однако перипетии военного противостояния важнейших акторов региона (к коим относилась и хаджретская Кабарда) не заслонили других существенно значимых аспектов, характеризовавших процессы, так или иначе детерминированные кабардинским присутствием в Восточном Закубанье в первой половине XIX в.

Издание предназначено для специалистов-историков и широкого круга читателей, интересующихся историей черкесов.

УДК 94(470.64).07
ББК 63.3(2Рос.Каб)521

© Алоев Т.Х., 2017
© ИГИ КБНЦ РАН, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Формирование хаджретской Кабарды и ее участие в Кавказской войне в первой трети XIX в.	4
Хаджретское присутствие и его значение в начальный период военной активизации России в Закубанье (конец 1830–1831 гг.)	29
Нападение на Ладожскую станицу в сентябре 1832 г.: неудачный штурм или успешный побег?	47
Особенности военного противостояния на Кубанской линии в 1832–1833 гг.	58
Эпизоды колониальной дискурсивной практики (к описанию некоторых сюжетов военного противостояния на Кубанской линии в середине 1833 г.)	66
Куруцы и хаджреты: к (не)контрапунктичности сюжетов	75
«...Самые слова подданство и покорность в адыгском языке не существуют»: хаджретский «нерв» в черкесском сопротивлении России в XIX в.	100

Формирование хаджретской Кабарды и ее участие в Кавказской войне в первой трети XIX в.

Заложение подошедшим 17 (28) июля 1763 г. к урочищу Моздок российским отрядом одноименной крепости ознаменовало начало открытой конфронтации Российской империи с княжеством Большой Кабарды. В течение последующих тридцати лет политика Петербурга в отношении крупнейшего на Северном Кавказе государственного образования, проводилась путем аннексий его территорий и военного подавления сопротивления.

С самого начала противостояния России часть кабардинской политической элиты склонялась к инициативам по осуществлению миграций. Каждый всплеск миграционной активности в Кабарде являлся прямым следствием посягательств на ее суверенные права. Так, первый из них последовал вскоре после начала строительства в 1763 г. на территории Кабарды крепости Моздок; начались военные столкновения и как следствие этого в 1765–1767 гг. в среде политической элиты страны возникло стремление к переселению на запад. Аналогичные сценарии повторялись и в последующем: в 1777–1778 гг. на территории Кабарды была построена линия из десяти российских укреплений. Это обусловило возобновление боевых действий в 1779 г. Военное поражение кабардинцев в 1779 г. вызвало стремление части политической элиты страны к эмиграции в Грузию и переселению за Кубань в 1780–1782 гг.¹

Подобный алгоритм наблюдался и в середине 80-х гг. XVIII в. В 1784 г. на территории Малой Кабарды российское военное командование построило линию из 4 укреплений. Новые захваты России привели к тому, что часть малокабардинских феодалов принимает активное участие в движении шейха Мансура в 1785 г. и осуществляет перемещение своих населенных пунктов в Чечню.

Таким образом, следует говорить о том, что с 1763 по 1793 г. в Кабарде периодически возникали ситуации «миграционных всплесков» вызванных внешним воздействием.

В этот период определились три направления миграционной активности кабардинцев: «западный» вектор миграции – в сторону бассейна р. Кубань – обозначился практически сразу же после начала кабардино-русского противостояния. Оседанием восточных черкесов в пределах распространения антирусской активности на правобережье Сунжи около 1785 г. обозначилось второе направление миграции. Разумеется, этот вектор, ввиду определенных причин был более актуален для жителей Малой Кабарды. Возможность эмиграции в Картло-Кахетию, представлявшаяся такой реальной в начале 1780-х гг., оказалась эфемерной как в силу слабости этого политического образования в тот период, так и последующей потере им суверенитета.

За три военных десятилетия территориальные, материальные и людские потери Кабарды были значительны. Однако воздействие негативных факторов не достигло критической планки – системного подрыва устойчивости кабардинского социума не произошло. Ввиду данного обстоятельства миграционные всплески затухали, так и не находя полноценной реализации.

К 1793 г. Российская империя перешла к качественно новой стадии подчинения Кабарды. К практиковавшимся в предыдущие десятилетия методам захвата территорий и подавления сопротивления добавилось стремление к контролю внутренней жизни ведущего черкесского княжества посредством учреждения «родовых судов и расправ». Именно с этим периодом, когда кабардинцы вели борьбу за их упразднение и замену шариатским судом, получившую в историографии название шариатского движения, связан первый этап миграции кабардинцев в Закубанье.

Как известно, основной поток кабардинской миграции в период с 1799 по 1822 гг. был направлен в восточную часть Закубанья. Ключевым фактором, обусловившим «западное» направление переселения, явилось то обстоятельство, что на протяжении многих столетий верховная власть в Восточном Закубанье осуществлялась кабардинской ветвью княжеского дома Иналидов. Это позволяет характеризовать данный субрегион в качестве неотъемлемой части территории Большой Кабарды. Наличие ее суверенитета над восточной частью Закубанья вплоть до бассейна р. Уруп (что признавалось на международном уровне) автоматически снимает вопрос об эмиграции туда кабардинцев в 1799–1822 гг., т.е. переселение носило характер внутренней миграции².

Инициированием переселенческого процесса лидером шариатского движения князем Адильгиреем Хатокшоко ознаменовалось начало

первого периода миграции (1799–1803). За князем Адильгиреем последовали не только его вассалы – уорки с подвластным им крестьянским населением, но и идейные сподвижники. Он основал новое поселение «в весьма крепком месте при речке Малый Зеленчук» и, по сведениям П.Г. Буткова, в 1802 г. при нем находились 200 человек, причем их число увеличивалось с каждым днем³. Впоследствии Адильгирей Хатокшоко неоднократно возвращался в центр страны и уводил кабардинцев за Кубань. Идеи, проповедуемые князем Адильгиреем, вполне закономерно стали популярны не только среди кабардинцев, но и среди абазин. Переселение в это время осуществлялось с целью обеспечения лидером шариатского движения прочного тыла и свободы действий для реализации своих целей по введению в Кабарде «духовного суда». Характерной чертой миграционных акций в этот период являлось то, что они осуществлялись в относительно мирных условиях и затрагивали сравнительно небольшую часть кабардинцев.

Период с 1804 по 1807 г. ознаменовался интенсивными военными действиями между Кабардой и Россией, чему способствовали возобновление Владикавказской крепости и, в особенности, «сооружение в 1803 году Кисловодского укрепления и новых казачьих станиц в районе Пятигорья»⁴. Постройка военного укрепления при так называемых «кислых источниках» сильно осложняло кабардинцам доступ в долину Кубани не только по плоскости, но и по предгорьям, что ограничивало связь, как с осевшими на Малом Зеленчуке кабардинцами, так и с Западной Черкесией. Поток кабардинской миграции в Закубанье значительно увеличился во время военных экспедиций Глазенапа в 1804 и 1805 гг. И если принять во внимание, что к кабардинским мигрантам присоединилось большинство абазин-тапанта, можно утверждать, что миграционные процессы в Кабарде приобрели массовый характер. Состояние источников не позволяет выявить точное количество переселенцев, однако, можно с уверенностью сказать о том, что на закубанские территории Кабарды эвакуировались, по меньшей мере, несколько тысяч человек. Особенностью переселения в этот период было то, что оно осуществлялось в условиях военных действий в Кабарде.

Время с 1807 по 1810 г. является наиболее противоречивым для миграционного движения в Кабарде. С одной стороны, переселение перестает быть одной из основных задач руководителей борьбы за независимость Кабарды после смерти князя Адильгирея Хатокшоко и эфенди Исхака Абука в 1807 г.⁵ С другой, – установление военно-экономической блокады центра Кабарды способствовало миграционному процес-

су. Эта противоречивость проявилась, в частности, в том, что, в период, когда в центре Кабарды практически прекратились боевые действия (до 1810 г.), они продолжались в ее закубанской части. В целом, можно сказать, что к 1810 г. миграционный поток в закубанскую часть Кабарды прекратился. Соответственно завершение первого этапа миграции кабардинцев в Закубанье можно отнести к данному времени.

Новый виток кабардино-русского противостояния и всплеск массового миграционного движения восточных черкесов связаны с именем генерала А.П. Ермолова, который в мае 1816 г. был назначен командиром Отдельного Грузинского (позже Кавказского) корпуса. К этому времени Россия уже довольно прочно утвердила свое господство в Закавказье. Но, несмотря на все попытки, она не сумела к тому времени обеспечить, в достаточной мере, надежную связь с Закавказьем, так как народы Северного Кавказа (пожалуй, за исключением осетин) фактически находились вне сферы имперского контроля.

Новый главнокомандующий требовал от кабардинцев безусловной покорности и смирения, на что они, в тех условиях, разумеется, не могли пойти. Возобновление военного противостояния, вытекавшее из фундаментальных противоречий, было неизбежным. Сожжение аула Трам в мае 1818 г. стало началом очередного этапа переселения – «бегства» кабардинцев в Закубанье. Хронологически второй этап миграции можно разделить на два периода. Первый охватывает промежуток времени с 1818 по конец 1821 г. включительно. Характеризовался он непрерывным усилением противостояния на Кавказской линии и нарастающими настроениями к переселению среди населения центра Кабарды. В это время предводителями военных рейдов на Линию являлись будущие лидеры хаджретов: князя Таусултан Хатокшоко, Асланбек Бесланокко, Исмаил Касей и др.

Второй период относится ко времени с конца 1821 по конец 1822 г. В это время в центр Кабарды было направлено несколько военных экспедиций. Отдельные группировки русских войск (как, например, отряд Коцарева) месяцами действовали здесь⁶. В условиях военных действий, продолжавшихся с разной степенью интенсивности, как можно полагать, непрерывно в течение года, резко увеличился поток переселенцев в Закубанье. К исходу 1822 г., когда центр страны был окончательно завоеван Российской империей, на закубанские территории Кабарды эвакуировалось от 13 до 20 тысяч человек. К началу 30-х гг. XIX в. они проживали в 62 хаджретских аулах⁷.

Хотя именно «западный» вектор кабардинской миграции был определяющим как по масштабам, так и по историческому значению, сле-

дует указать и на альтернативное направление переселенческой активности, также получившее значительный размах. Речь идет о миграции кабардинцев в Чечню. Если после военных действий 1804–1805 гг. за Кубанью действовали кабардинские военные отряды во главе с князьями Асланбеком (Росламбеком) Мисостом и Шумахо Наурузом, то со стороны Малой Чечни главными организаторами нападений на станции и отдельные русские колонны стали джиляхстанеевские князья Албаксид Канчоко (Мудар), Хатокшуко Адильгирей и уорк Эльжеруко Абей. Вплоть до их гибели в июне 1810 г. они, предводительствуя довольно крупным отрядом из кабардинцев и чеченцев, осуществляли нападения в районе Военно-Грузинской дороги⁸.

В этой связи необходимо отметить, что масштабы миграции из центра Кабарды в Закубань и Чечню в первое десятилетие XIX в. были во многом сопоставимыми.

Наглядной иллюстрацией весьма интенсивного общения жителей Кабарды с чеченскими «обществами», а также переселенческих акций кабардинцев в Чечню вплоть до конца второго десятилетия XIX в. является письмо генерала А.П. Ермолова к князю-валию Кучуку Джанхоту от 11 июня 1818 г. Здесь Ермолов, в частности, писал: «... Уверяю вас, что кабардинцы скоро заплатят нам... и разбойников я достану; разве по обыкновению прибегнут они под покровительство милостивых для них чеченцев»⁹.

Признаваемая самим Ермоловым неспособность российских войск к эффективной нейтрализации кабардинских мигрантов, находившихся «под покровительством чеченцев», была одной из причин того, что «чеченский» вектор миграции временами становился равноценным направлением переселения за Кубань. Такая ситуация в преобладающей степени обуславливалась значительно большим демографическим потенциалом населения Чечни, нежели субрегиона Восточного Закубанья, куда первоначально было направлено миграционное движение кабардинцев. Другими словами, наличие значительных людских и военных ресурсов в Чечне, а значит, и высокой степени защищенности переселенцев уравновешивали привлекательность Восточного Закубанья, где относительно немногочисленное население абазин, ногайцев и карачаевцев не могло оказывать значительной военной поддержки относительно небольшим анклавам кабардинских мигрантов. К тому же нельзя сбрасывать со счетов фактор удобства сообщений с Чечней, на путях в которую не было значительных естественных преград и военных линий. С точки зрения обеспечения эффективной коммуникации

возобновление Владикавказской крепости на аннексированной территории княжества Талостаней в 1803 г. имело в значительной степени символический характер. Лишь в 1818 г. Ермолов начал строительство крепости Грозной в дополнение к Назрановскому укреплению по р. Сунжа. В этом плане коммуникации центра Кабарды с Закубаньем были куда более сложными.

К исходу 1822 г. завоевание Кабарды (исключая ее закубанскую территорию) Российской империей было завершено. За Кубанью сформировалось крупное социополитическое образование, которое получило название хаджретской или «беглой Кабарды».

Ее военный потенциал (с учетом сил подвластных ей абазин и карачаевцев) доходил примерно до двух тысяч всадников. Они характеризовались как конница, «которая превосходит любую кавалерию в мире»¹⁰. Однако это количество значительно увеличивалось в ходе крупных боевых операций, когда в хаджретские инициативы вовлекались абадзехи, бесленеевцы, темиргоевцы и др. По словам Щербины, «кабардинцы эти считали себя независимыми от России и вместе с другими черкесскими племенами вели упорную борьбу с русскими войсками и казачеством». Это противостояние развернулось в районе от устья Лабы до Каменного моста в верховьях р. Кубань¹¹.

С апреля 1823 г. нападения хаджретов совместно с западными адыгами на правый фланг усилились. В мае 1823 г. в результате нападения на Круглолесское этот населенный пункт был разрушен. При этом людские потери убитыми, ранеными и уведёнными в плен исчислялись сотнями. Психологическое воздействие этих атак было значительным, вызвав бегство крестьян «из всех деревень», расположенных на «Ставропольской дороге».

В июне и сентябре 1823 г. в Закубанье были направлены две экспедиции под командованием генерала Вельяминова. В первом случае войска состояли из 2000 человек с 25 орудиями, во втором – из 3000 пехоты и 800 линейных казаков при 18 орудиях. О том, насколько поставленные задачи удавалось решать, говорит один из очевидцев этих событий: «... Правый фланг Линии доселе еще не успокаивается от вторжения закубанских хищников, несмотря на то, что... Вельяминов... беспрерывно почти находится на Кубани, с довольно значительным отрядом, в котором собраны почти все здесь находящиеся войска»¹².

Две экспедиции генерала Вельяминова практически не коснулись аулов «беглой» Кабарды. Это позволяло хаджретам не снижать свою активность на Кубанской линии. Весь 1824 г. практически беспрерыв-

но в Закубанье и на Линии происходили военные действия. Примечательно, что и в этот год кабардинцы серьезных потерь не имели.

Между тем следует отметить, что в марте 1824 г. хаджретская Кабарда инициировала переговоры с Россией. Для этого к генералу Ермолову, находившемуся в Дагестане, был направлен князь Асланбек Бесланко. В ходе переговоров хаджреты выдвинули предложения об уничтожении крепостей, построенных в центре Кабарды в 1822 г., и восстановлении шариатского суда. По сути это означало восстановление status quo, существовавший до 1822 г. Вполне понятно, что Ермолов не мог согласиться на такие условия¹³.

Весной-летом 1824 г. русские войска активизировали свои действия в районе правого фланга с целью уничтожения хаджретских аулов (особенно в долине р. Уруп). Однако существенных результатов достичь им не удалось. Более того, черкесы отвечали стремительными кавалерийскими рейдами на Линию, приводившими к весьма чувствительным людским и материальным потерям.

В последующую военную кампанию хаджреты понесли наиболее чувствительные потери со времени второй волны переселения 1822 г. В апреле 1825 г. был полностью уничтожен, пожалуй, самый большой аул хаджретской Кабарды, принадлежавший князю Али Карамурзе. Количество погибших жителей этого аула превысило 1000 человек¹⁴.

Русские войска под командованием генерала Вельяминова действовали в Закубанье и летом 1825 г., однако на этот раз хаджреты не имели существенных людских потерь.

В ответ, к началу осени хаджреты предприняли совместный с западными адыгами рейд в центр Линии. В результате их прорыва 29 сентября 1825 г. селение Солдатское было разгромлено. Во время отхода из центра Кабарды в Закубанье осенью 1825 г. черкесские войска совершили беспрецедентный в истории Кавказской войны 120-километровый «ледовый» переход вдоль Главного Кавказского хребта¹⁵.

В период с 1823 по 1825 гг. хаджреты были наиболее последовательными противниками Российской империи на правом фланге и центре Кавказской линии. Они являлись организаторами и активными участниками практически всех сколько-нибудь значимых акций против указанных участков Линии.

Военные экспедиции русских войск в глубь закубанской территории Кабарды и Абдзахию (где также присутствовали хаджретские населенные пункты) не привели в обозначенный период к разрушению основ их военного сопротивления. Ощутимые потери, которые понесли

хаджреты в это время, относились к возобновляемым ресурсам: скот, жилища, съестные припасы и т.д. Людские же ресурсы, составлявшие основу военного потенциала, в целом не имели (за исключением разгрома аула князя Али Карамурзы) масштабных потерь.

В 1826–1827 гг. на правом фланге Кавказской линии установилось относительное затишье. В период с 1825 по 1827 гг. была осуществлена передислокация Хоперского полка с Предкавказской степи на линию р. Кубань – Верхняя Кума. На Кубани были образованы станицы Баталпашинская, Беломечетская, Невинномысская и Барсуковская, а на Куме – Бекешевская и Карантинная. Вперед продвинулась и не отсидевшаяся к Хоперскому полку станица Воровсколеская¹⁶.

Территориальное приближение этих станиц к ареалу расселения «беглой Кабарды» обусловили особую актуальность охраны правого фланга в новых условиях. Наряду с мерами по его защите составлялись и планы по наращиванию дальнейшей экспансии.

Явственно обозначившееся в этот период повторное стремление хаджретской Кабарды к урегулированию отношений с Россией не нашло отклика со стороны империи.

25 апреля 1828 г. (практически синхронно с объявлением Россией войны Турции) командующий Кавказской линией генерал-лейтенант Емануель обратился с призывом к «закубанским народам» не принимать участия в военных действиях. Однако русскому командованию на Кавказе не удалось обеспечить их лояльность.

Примечательно, что из всей палитры названий адыгских и абазинских локально-этнографических и субэтнических подразделений закубанской Черкесии в прокламации Емануеля выделены лишь хаджреты. «От беглых кабардинцев, находящихся за Кубанью, один раз [и] навсегда я требую, чтобы они от хищничеств удержались, в противном же случае добычами не заменятся им потери, которые понесут они, если привлекут на себя русское оружие. К тому же и сами жители закубанские, давшие им убежище, должны за стыд почитать следовать их легкомысленным советам, а и того еще более – терпеть в них своих притеснителей и им повиноваться»¹⁷.

Генерал Емануель весьма оптимистично оценивал влияние своей прокламации на население закубанской Черкесии. Однако «беглые» кабардинцы и абадзехи остались равнодушны к ней. С конца апреля хаджреты и абадзехи начали проводить совещания для выработки плана совместных действий. Российское командование только в течение

мая 1828 г. предприняло две безуспешные попытки пресечь всякие действия черкесов.

Несмотря на усиленный режим охраны Кубанской линии, в начале июня трехтысячная черкесская кавалерия, костяк которой составляли хаджреты, прорвала ее и разгромила в центре Линии село Незлобное¹⁸.

В ходе разворачивающейся кампании русские войска совершили с июня по сентябрь 1828 г. ряд экспедиций за р. Кубань. Тогда хаджретские аулы остались в стороне от удара. Более того, хаджретские рейды на Линию настолько усилились, что Емануэлю адресовались обвинения «в потворстве кабардинцам».

В октябре 1828 г. позиции закубанских кабардинцев были серьезно осложнены в Карачае, выступавшем длительный период в качестве своеобразной операционной базы для осуществления рейдов на Линию и в центр оккупированной территории Кабарды. Многие кабардинцы до этого даже проживали в карачаевских аулах. Так, духовным главой карачаевцев был хаджретский эфенди Агуей. Фактически до октября 1828 г. карачаевцы оставались под безусловным сюзеренитетом хаджретской Кабарды. Хаджретское влияние в верховьях Кубани оставалось значительным и в последующие годы.

В начале ноября 1828 г. генерал Емануэль собрал четыре крупных отряда для действий против «беглых» кабардинцев и абадзехов. Силы одного отряда были сосредоточены против хаджретских аулов Хатокшоко и бесленеевцев в верховьях р. Чалмык. Другой отряд развернул свои действия в верховьях р. Уруп против князя Мурзабека Хамурзы. Третий имел целью разгром аула князя Кучука Ажджерия. Четвертый отряд составлял прикрытие. Лишь третий отряд сумел выполнить поставленные задачи. По сравнению с потерями абадзехов в ноябре-декабре 1828 г. ущерб, нанесенный хаджретам, был не очень значительным, но пленение более ста человек из аула Кучука Ажджерия все же тяжело воспринималось среди хаджретов¹⁹.

В середине марта 1829 г. представители хаджретской Кабарды князя Асланбек Бесланокко и Мурзабек Хамурза прибыли в Ставрополь для встречи с генералом Емануэлем. В ходе переговоров они обещали не предпринимать военных действий против России, если она не будет направлять свои войска на занимаемую хаджретами территорию.

В этой позиции не содержалось ничего принципиально нового. Она отражала их стремление к самосохранению при столкновении с колоссальной военной мощью Российской империи. Новое же заключалось в том, что хаджреты выразили желание оставаться на Кубани, не вы-

ставляя, как в 1824 г., требований о возвращении им владений в центре Кабарды, уничтожении возведенных там крепостей, восстановлении шариатского суда и т.д.²⁰

Можно по-разному оценивать это обстоятельство. Но в любом случае оно свидетельствовало о том, что хаджреты хорошо адаптировались к новым условиям своего существования и желали сохранить себя в новом качестве, оставаясь тем самым мощным и долговременным фактором этнополитических процессов в закубанской Черкесии. Однако расчеты избежать войны, сохраняя при этом свой суверенитет, были, конечно же, иллюзорными. Россия не могла смириться с их независимостью, учитывая свои устремления на Кавказе. Поэтому вскоре военные действия возобновились.

Геостратегическое, военно-политическое и субъектно-правовое положение закубанской (хаджретской) Кабарды к середине 1829 г. во многом определялось внешними факторами. Наиболее выраженный императивный характер из них имели следующие обстоятельства. Во-первых, в 1829 г. российское командование приступило к возведению военной линии по р. Большой Зеленчук, прямо направленной против «беглых» кабардинцев²¹. Во-вторых, командуя Кавказской линией генерал-лейтенант Емануэль тогда же, как выше отмечалось, отверг инициативу по прекращению конфронтации, выдвинутую лидерами хаджретов²². И, наконец, определяющую роль в дальнейших судьбах хаджретов сыграло подписание в сентябре 1829 г. Адрианопольского трактата между Петербургом и Стамбулом, по которому последний признавал суверенитет России над Закубаньем, в частности, и над западными территориями Кабарды, сохранявшими *de facto* независимый статус после завершения завоевания центра страны в 1822 г.

В целом, в отличие от предыдущего года, в 1829 г. наблюдается существенный спад военной активности на Линии. При этом следует отметить, что львиную долю военных потерь в 1828 г. российские войска понесли в боях с черкесами в районе правого фланга и примыкающих к нему территорий²³. Судя по всему, и в 1829 г. указанный район оставался наиболее опасным (для обеих сторон) участком Кавказской линии. Однако спад интенсивности противостояния также был бесспорным²⁴.

Такое положение было вызвано сопряжением определенности перспектив (по крайней мере, со стороны Российской империи) последующего взаимодействия военно-политических сил на Северо-Западном Кавказе с неясностью форм и временных параметров их проявления. Иными словами, Российская империя, получив карт-бланш в

отношении Западной Черкесии и закубанской (хаджретской) Кабарды, и определив основной формат взаимодействия с ними, еще не успела (во второй половине 1829 г.) привести в действие громоздкий имперский механизм «поглощения» «новоприобретенных» территорий. Примечательно, что главные носители сопротивления Западной Черкесии – абадзехи, шапсуги, натухайцы и убыхи не создали интегрированного политического образования, гибко реагирующего на враждебное воздействие извне. Более того, можно говорить, что и указанные жители соответствующих историко-этнографических областей и княжеские владения Западной Черкесии (последние вне зависимости от того, присягали они в предыдущий период на верноподданство России или нет) в это время находились в состоянии «растерянности» перед лицом радикальной смены привычной геополитической картины в регионе.

В отличие от них лидеры хаджретской Кабарды (до этого не раз демонстрировавшие наличие консолидированной субъектности) не имели иллюзий относительно сценария дальнейшего взаимодействия с Россией. Учитывая это обстоятельство, становится ясно, что определенная «пассивность» хаджретов в это время была следствием осознанной политики выжидания, наиболее отвечавшая их интересам в условиях скудости военного потенциала (в сравнении с ресурсными возможностями крупнейших западночеркесских исторических областей). При этом следует отметить, что указанная «пассивность» хаджретской Кабарды в военном противостоянии России носила диспозитивный характер и не была результатом деструкции её политической воли. Это наглядно подтверждается инициированием и участием закубанских кабардинцев в наиболее заметных акциях 1829 г. Прежде всего это относится к нападению в апреле отряда князя Кучука Ажджерия на ногайский улус служившего проводником в ходе многих экспедиций российских войск на правом фланге Измаила Алиева, а также к нейтрализации в сентябре 1829 г. кавалеристами Джамбулата Болотоко (значительную часть которого, по-видимому, составляли кабардинцы) казачьего разъезда во главе с сотником А. Гречишкиным. Тогда казачий отряд из 62 человек был полностью уничтожен²⁵.

В целом неизменность общей конфигурации взаимоотношений между сторонами в указанном районе продолжала генерировать привычные и соответствующие ей формы взаимодействия в период, когда в Петербурге еще детально не разработали алгоритм наращивания своего присутствия во всем Закубанье и в частности на правом фланге.

Достаточно яркой иллюстрацией этого утверждения является рейд российских войск в ареал расселения находившихся в политической орбите хаджретской Кабарды абазин-шкарауа, предпринятый в самом начале 1830 г.

Судя по российским источникам, следует говорить о наличии связи между данным мероприятием и смертью одного из лидеров хаджретской Кабарды – князя Кучука Ажджерия. В источнике это событие характеризуется следующим образом: «между убитыми находится также известный за Кубанью наездник и всеобщий возмутитель горцев кабардинский князь Кучук Хаджи-гирей»²⁶. Впрочем, подобное суждение не находит прямого подтверждения в адыгском фольклоре, в котором князь занимает весьма значительное место.

Как бы то ни было, вполне очевидно, что зимой 1830 г. приоритет в военной активности на Линии принадлежал не хаджретской Кабарде, а коалиции шапсугов, абадзехов и натухайцев, многотысячные отряды которых расшатывали устойчивость казачьей обороны в низовье р. Кубань. В доношении, направленном в Петербург, фельдмаршал И.Ф. Паскевич 6 февраля 1830 г. сообщал: «Закубанские народы не смотря на настоящее положение дел (по-видимому, имеется в виду действие условий Адрианопольского договора. – Т.А.) не перестают предпринимать вторжения в пределы наши, и сии покушения со стороны их в последнее время в особенности обращены на границы войска Черноморскаго, к чему наиболее способствуют теперешние удобные там переправы через Кубань по льду»²⁷.

При всей несопоставимости военного потенциала западных адыгов и хаджретов нельзя игнорировать сложившуюся в рассматриваемое время ситуацию, когда «беглые» кабардинцы устойчиво демонстрировали «непропорциональное» своей численности влияние и военную активность в закубанской Черкесии, что позволяло им угрожать непосредственно оккупированному центру Кабарды. По меньшей мере, один раз в течение 1830 г. кабардинская милиция вынуждена была собраться для противодействия угрозе из-за Кубани²⁸. То, что со времени эвакуации значительной части населения Кабарды на ее закубанские территории в 1822 г. все рейды в центр страны инициировались хаджретами общеизвестно и не требует дополнительного подтверждения.

Гораздо важнее (с точки зрения поставленных в настоящей работе задач) выявить степень «весомости» кабардинского присутствия в Закубанье в период, когда Российская империя уже приступила к военному подчинению этой части Черкесии. В этом плане не удивительно,

что наиболее красноречивые характеристики хаджретов (в той мере, в какой они относились к их военно-политическим параметрам) и той «ниши», которую занял массив мигрировавшего с центра Кабарды в её закубанскую часть населения, отражаются в ведомственной документации их военного противника – Российской империи.

В этой связи весьма любопытен рапорт, составленный генерал-майором Бекович-Черкасским и полковником Гасфортом на имя Паскевича от 17 сентября 1830 г. В частности, в нем отмечалось: «... знатнейшие Кабардинские князья и дворяне с их фамилиями и подвластными ушли за Кубань, Кабардинцы продолжают пользоваться уважением между другими племенами, давшими им пристанище. Большая часть беглых кабардинцев живет на Урупе в смежности с Башильбаями»²⁹.

Достоин примечания, что здесь авторы доклада сумели в предельно лапидарных выражениях показать три фундаментальных параметра, характеризующих социополитическую общность хаджретской Кабарды. Во-первых, указание на то, что мигрировавшая в закубанскую часть Кабарды феодальная знать представляла собой «знатнейших кабардинских князей и дворян», позволяет последних признать наиболее дееспособной частью политической элиты, отторгавшей конформизм в отношениях с российскими властями и способной продолжать традиции независимости (в условиях феодализма понятия «знатнейшие» и «влиятельнейшие» практически всегда тождественны). Во-вторых, в докладе довольно недвусмысленно отражена констатация того, что хаджреты продолжали сохранять весьма комфортные позиции в Восточном Закубанье, характеризовавшиеся если не прежней прочностью сюзеренно-вассальной зависимости народов субрегиона, то, по крайней мере, наличием продолжающегося доминирующего идеологического влияния на них. И, в-третьих, локализация поселений большей части «беглых» кабардинцев по р. Уруп означало, что людские ресурсы хаджретов к этому времени были еще сконцентрированы в границах Кабарды, или же в смежности с территорией родственных бесленевцев. То обстоятельство, что кабардинское население Закубанья, несмотря на давление с востока (Зеленчукская укрепленная линия) и возможность дальнейшей миграции западнее бассейна р. Уруп, в целом предпочитало оставаться в рамках границ феодальной Кабарды в свою очередь, иллюстрировало стремление хаджретов сохранять независимость в максимально полном объеме.

Для понимания степени репрезентативности представленных в докладе оценок следует отметить, что один из его авторов, генерал-майор

Бекович-Черкасский, сам был представителем одного из четырех княжеских родов Большой Кабарды – Бекмурзы. Более того, он не раз участвовал в карательных экспедициях против своих соплеменников и, в частности, был одним из виновников уничтожения хаджретского аула Али Карамурзы в апреле 1825 г.³⁰ Поэтому вряд ли можно его упрекнуть в незнании рассмотренного им предмета. Тем интереснее познакомиться с соображениями, которые были выдвинуты в докладе для решения «хаджретского вопроса». Там указывается: «... что полезно было бы вызвать обратно в Кабарду на жительство находящихся ныне в бегах за Кубанью кабардинцев, оставя однако без уважения объявленные ими излишния и несовместные с теперешним положением края претензии и домогательства (по-видимому, имеются в виду выдвинутые в 1824 г. требования о возвращении хаджретам владений в центре Кабарды, уничтожении возведенных там крепостей, восстановлении шариатского суда и т.д. – Т.А.)³¹. Мера сия необходима сколько и для того, чтобы, оставаясь доле между Закубанскими народами, они не могли вновь вооружать их против России, ибо замечено, что до сего времени кабардинцы всегда были там первыми зачинщиками и участниками грабежей, произведенных в пределах наших, увлекая обыкновенно примером своим и те колена, которые изъявляли прежде к нам благонамеренность»³².

Каким бы ни был побудительный мотив к составлению данного документа и вне зависимости от возможных субъективных оценок его авторами роли закубанских кабардинцев, можно сказать, что в нем отражена констатация того факта, что в рассматриваемый период хаджретская Кабарда оказывала долговременное и устойчивое воздействие на этнополитические процессы в Восточном Закубанье, существенно влияя на расстановку военно-политических сил в субрегионе.

К концу 1830 г. одни из главных носителей военного потенциала Западной Черкесии – абадзехи и натухайцы воздерживались от открытой войны с Россией. К исходу ноября 1830 г. уже и наиболее авторитетный западночеркесский военный лидер, темиргоевский князь Джамбулат Болотоко относился к присягнувшим «на верноподданство России». В это время российскому правительству присягали также князя черченейского и жанеевского владений³³.

Понятно, что на фоне такой ситуации геополитическое положение хаджретской Кабарды серьезно осложнилось. По сути, она в этот период составила второй, наряду с Шапсугией, очаг сопротивления в Закубанье. При этом и та часть закубанских кабардинцев (локализовав-

шаяся в бассейне р. Уруп) которая находилась в положении «замирившейся» с российским командованием общности проводила политику латентной поддержки военных акций остальных хаджетов. Об этом свидетельствует участие проживавшего на р. Уруп уорка Магометмурзы Боташа в рейде на Ерсаконское укрепление 15 ноября 1830 г.³⁴, а также образ действий сына старшего князя «урупских» кабардинцев – Аслангирея Бесланого во время преследования русскими войсками отступавших черкесов. Тогда, предводительствуя отрядом из двадцати кабардинских дворян, он подошел к месту боя. Однако князь Аслангирей «отказался содействовать поражению партии черкесов и оставался простым зрителем»³⁵.

Один из лучших генералов российской армии за всю Кавказскую войну, А.А. Вельяминов, отмечая «усиление» с осени 1830 г. черкесского натиска на Линию признавал, что «почти все набеги Закубанцев обращены на пространство», находившееся «между Ставрополем и Георгиевском», т.е. правый фланг³⁶. Уже длительный период главным противником России на этом участке Кавказской линии являлась хаджетская Кабарда.

В целом, в 1830 г. действия хаджетов против Линии носили систематический характер и имели весьма большой географический охват. Об этом можно судить по содержанию «именного списка закубанских владельцев и узденей участвовавших в разных злодеяниях». Примечательно, что из шести упомянутых в нем нападений четыре сопровождалось угоном лошадей. Это объяснялось, в частности, стремлением хаджетов сохранять преимущество в кавалерии, что гарантировало доминирование на поле боя, несмотря на общее технологическое превосходство противника.

Все вышеуказанные события происходили до конца января 1831 г. Примерно к апрелю этого года на правом фланге российское командование располагало более 11 батальонами пехоты и 44 сотнями кавалерии со 140 орудиями полевой и гарнизонной артиллерии. Численность этих войск превышала отметку 10 тыс. человек.

Ввиду возникшей угрозы в марте 1831 г. хаджеты и абазины, проживавшие по р.р. Уруп, Большая и Малая Тегини эвакуировались в более отдаленные горные районы и в Абадзехию. Инициаторами переселения выступили князя Асланбек и Аслангирей Бесланого.

Вывод населения из зоны ландшафтной досягаемости российских войск, позволял хаджетам теперь уже в союзе с абадзехами и шапсугами использовать тактику активной обороны. Их небольшие отряды

численностью от нескольких десятков до нескольких сотен человек в это время непрерывно перемещались в междуречье Лабы и Урупа, заставляя противника пребывать в постоянном напряжении.

С апреля 1831 г. напряжение на всей линии российско-черкесского противостояния нарастало. В это время адыги еще не приступили к координированным масштабным военным действиям, однако с низовьев Кубани до бассейна Урупа они демонстрировали редкое единодушие в стремлении остановить российский натиск на Черкессию. Новые укрепления на р.р. Шебш и Афипс подвергались постоянным нападениям, до 2000 абадзехов находились на р. Шхагуаша (Белая), около 4000 абадзехов и шапсугов сосредоточились на р. Псефирь «и до 2000 горцев стояло в близи тех же пунктов; бесленеевские и особенно кабардинские князья... в свою очередь собирали более или менее значительные партии, которые группировались на верховьях Урупа, Б. и М. Тегеней (Тегиней. – Т.А.)»³⁷.

Таким образом хаджреты продолжали активные действия в районе междуречья Лабы и Урупа.

В «многолюдном собрании» из 6–7 тыс. человек на р. Шхагуаша (есть другие сведения, что оно проходило по р. Пшеха, однако ввиду того, что последняя является притоком первой говорить о противоречии не приходится) у аула Аджи-Тляша, где черкесы пытались выработать план совместных действий самое активное участие принимали хаджреты. В частности там выступал кабардинский князь Тембот Бесланок (Тума Тембот)³⁸. В источнике о роли хаджретов в этом собрании в частности отмечается: «в критический момент, когда решалось приступить к нападению или нет, в собрание явились беглые кабардинские князья Мисост Наурузов (Науруз. – Т.А.) и два брата Атажукины (Хатокшоко. – Т.А.), которые сообщили о строгих мерах обороны, принятых на границе, и хотя им удалось проникнуть за Кубань, но они вынуждены были вернуться назад без всякого успеха»³⁹.

Как бы ни складывались в это время военные инициативы хаджретов их влияние в Восточном Закубанье не становилось менее значительным. Несомненно, что именно они генерировали здесь основной очаг сопротивления, и их воздействие во многом стимулировало остальные черкесские этнолокальные политики проявлять волю в противодействии агрессии.

Российское командование в регионе понимало это обстоятельство. Именно поэтому, формируя первостепенные и вместе с тем основополагающие принципы действий в Закубанье, фельдмаршал Паскевич

уделял особое внимание хаджретам. Седьмым пунктом его программы (от 5 июня 1831 г.) фигурируют следующие соображения: «Вызвать из-за Кубани бежавших туда кабардинцев, ибо они, живя между Закубанцами, возбуждают их против Русских. Но с другой стороны опыт показал нам, что те из них, которые были уже вызваны и поселены в Кабарде, будучи близ границ, делали еще более разбоев»⁴⁰.

С этого времени налаживаются связи лидера мюридизма в Дагестане имама Гази-Магомеда (Кази Муллы) с воюющей Черкесией. Он направил в Закубанье специальное посольство, встреченное весьма доброжелательно. Вот что писал по этому поводу генерал Емануэль: «Кази Мулла... обратился к Закубанским народам. 15 августа явились в абхазские (абадзехские. – Т.А.) владения четыре чеченца с прокламациями от возмутителя коими он приглашает всех горцев к соединению для вторжения в наши границы. Они принимают с восторгом его воззвания, вооружаются и составляют значительные сборища за Кубанью против центра Кавказской линии, абазехи составляют главную часть одного, но к ним начинают присоединяться и прочие народы»⁴¹. К последним, безусловно, относились и хаджреты (строго говоря, весь контекст обстановки позволяет предположить, что именно кабардинцы были в авангарде обозначившейся тенденции) значительная часть которых уже проживала в пределах Абадзехии. Эту ситуацию подметил и генерал Вельяминов. Он писал: «Теперь при появлении Кази Муллы, готовы присоединиться к нему почти все кабардинцы и все закубанские народы, с которыми находился он почти в бесперебойных сношениях»⁴².

Таким образом, с середины 1831 г. хаджретская Кабарда, как впрочем, и Западная Черкесия получила дополнительный импульс для продолжения борьбы за независимость, что отразилось в учащении атак на Линию.

В августе объектом нападения стала станица Баталпашинская, а в сентябре была «разграблена» Эссентукская⁴³. В своем рапорте от 8-го сентября 1831 г. генерал Вельяминов отмечал: «Теперь, с понижением вод, хищничества сии возобновились и едва-ли не превосходят случившиеся в прошедшем году»⁴⁴. Такая оценка полностью подтвердилась ходом последующих событий. Так, согласно информации главнокомандующего на Кавказе барона Розена, в том же сентябре противник продемонстрировал «дерзость» превосходящую «всякое вероятие»⁴⁵.

До конца года также были атакованы станицы Убеженская, Григорополисская, Темижбекская, Прочноокопская, селения Новомарьев-

ское, Татарка, Медвежье, Ладожская балка, Расшеватское, Александровское. «Каждый раз нападавшим удавалось захватывать имущество поселян, уводить их скот. В неволе оказывались мужчины, женщины, дети. Несли потери и отряды казаков, пытавшихся отбить очередной набег», – отмечает современный исследователь⁴⁶.

Указанная география рейдов и характер противодействия российским войскам позволяет говорить о том, что решающая роль в организации сопротивления в субрегионе, по-прежнему, принадлежала хаджретской Кабарде. Об этом можно судить исходя из слов высших командиров кавказского корпуса. Так, характеризуя «опасное положение Кавказской линии» барон Розен заключал: «Большая часть набегов их, произведенных с некоторым соображением, была сопровождается успехом. Кроме множества не столь важных случаев, в 1825 году они истребили станицу Солдатскую (в одном из документов относительно роли хаджретов в этой акции прямо говорится, что «во время разграбления в 1825 году... в собрании этом по большей части были беглые кабардинцы». – *Т.А.*)⁴⁷; в 1828 году сел. Незлобное (и здесь главными организаторами нападения выступили хаджреты. – *Т.А.*), а в 1831 году хищничества их были значительнее» настолько, что «в текущем-же году разные удачные нападения на Линию увеличили дерзость неприятных нам поколений ... могущаго иметь гибельнейшия последствия...»⁴⁸.

Принимая во внимание, что в начале 1831 г. российское командование планировало придерживаться наступательной тактики на правом фланге⁴⁹ уместно говорить о потере им контроля над ситуацией.

Общая картина военного противостояния не изменилась и в следующем 1832 г. Этому способствовало то, что для исправления «пограничной цепи» Линии оцененной в предыдущем году «слабой»⁵⁰, по-видимому, не было предпринято решительных мер. По крайней мере, к последней декаде апреля 1832 г. корпусной командующий продолжал считать, что зона интенсивной хаджретской активности на Линии «представляет все удобства для хищников»⁵¹. Характеризуя образ действий противника, он отмечал: «Неожиданно и быстро прорываясь чрез слабую пограничную черту, они, внутри границ, по неимению кавалерийских резервов не встречают никакого препятствия и по плоскому, удобному для конницы, местоположению могут наносить безнаказанно разорение селениям внутри Кавказской области расположенным, и самое сообщение по большой дороге от Ставрополя к Георгиевску делают часто крайне опасным»⁵².

В апреле черкесы произвели рейд на Троицкие хутора и под Константиногорское укрепление. В ходе сентябрьских прорывов «близ Ставрополя» и на Ладожскую станицу российская сторона имела чувствительный урон и среди офицерского состава⁵³. В октябре нападениям подверглись селение Ореховское и Нагайский аул. Намереваясь, по предположениям российского командования, «произвести целый ряд нападений на Прочноокопскую и другие станицы, расположенные по Кубани», в начале ноября близ Каладжинского укрепления на Лабе сосредоточился восьмитысячный черкесский отряд. Однако осведомленность противника о планах предприятия и превентивный бросок 9 ноября «большого отряда войск из Невинномысского укрепления» под командованием одного из генералов побудил черкесов «разойтись по аулам»⁵⁴.

Вернув войска в исходный пункт, генерал-майор Фролов решил перехватить инициативу. Согласно Ф.А. Щербины ночью 20 ноября он выступил с «сильным отрядом» вверх по Кубани в направлении «аулов абазинских князей». Окружив их, артиллерия начала «громить горские аулы» и в атаку пошли казаки сразу четырех полков (Кубанского, Хоперского, Волжского и Донского).

Вышеупомянутый автор описывал последующее развитие событий таким образом. «После отчаянного сопротивления горцев, казаки приступом взяли аулы и начали расправляться с их населением. В мечети и в нескольких саклях заперлись отчаянные абреки-кабардинцы и отказались сдаться. Тогда к мечети и саклям придвинуты были пушки и был открыт по ним пушечный огонь. Те из абреков, которые уцелели от пушечной картечи, погибли под штыками русской пехоты, успевшей соединиться с кавалерией»⁵⁵. В ходе этого «жесточкого дела» российские войска потеряли убитыми и ранеными 27 человек⁵⁶.

Не вдаваясь в детальный анализ выше представленного текста, отметим только, что его содержание определенно показывает, что кубанские кабардинцы выступили наиболее организованной силой в ходе обороны абазинских аулов.

Устойчивая резистентность проявляемая противником в этот период вынуждала определенную часть российских военных кругов признавать неэффективность осуществления «репрессалий» с точки зрения перспектив скорой пацификации военно-политических акторов региона. Однако, несмотря на обилие «прожектов» по окончательному усмирению Кавказа, направляемых в военное ведомство, альтернативы подобной тактике не было выработано. В июле 1832 г. генерал А.А. Ве-

Вельяминов отмечал, что «экспедиции сии не могут служить к окончательному и решительному покорению горцев, но они необходимы для удержания сих хищных народов от вторжения в... границы наши... если успешная оборона противу набегов почти невозможна, то что же будет удерживать горцев от нападения на селения наши, если отнимут у них страх равного воздаяния?» На замечания о том, что подобного рода действия лишь усугубляют конфронтацию между сторонами, многоопытный генерал с наивным видом отвечал: «Я готов согласиться с сим заключением, если кто-нибудь докажет что горцы оставят нас в покое, когда мы не будем нападать на них»⁵⁷. По Вельяминову получается, что черкесы, и, в частности хаджреты нападали не на укрепления и крепости, основанные на оккупированных территориях Западной Черкесии и Кабарды, а на населенные пункты в самой России. Однако такое предположение само собой отпадает, когда на страницах того же издания встречаешь план под названием «Кавказская оборонительная линия» (1832), составленный инженером-подполковником Бюрно, где последний предлагает действовать «преимущественно наступательно» (выделено нами. – Т.А.)⁵⁸.

Хаджреты со своими западночеркесскими союзниками отвечали адекватной тактикой ведения боевых действий. Приведем ставшую хрестоматийной цитату внимательного наблюдателя за событиями на Кавказе Ф. Энгельса. Он писал про черкесов: «Сила их была во внезапных нападениях на посты и военные укрепления русских войск, дерзких рейдах в их тыл, умелых засадах и т.д. Они были мобильны, активны, и всегда пытались действовать на опережение неприятеля, придерживаясь в основном наступательной тактики»⁵⁹. Специфика хаджретского сопротивления вполне соответствовала подобной характеристике. Об этом свидетельствуют и данные о потерях российских войск за 1832 г., опубликованные А. Гизетти. Судя по его таблице из 435 офицеров и солдат, погибших тогда на Кавказе ошутимое большинство – 284, приходится на левый фланг Линии. И это справедливо с учетом того, что тогда в ходе подавления «мюридистского» движения Кази-Муллы военное противостояние на Восточном Кавказе достигло особого напряжения.

Остальная часть погибших, числом в 151 человек приходится в основном на участки Кавказской линии противозащитной Западной Черкесии и хаджретской Кабарде. Примечательно, что все потери среди офицерского состава из числа погибших 151 человек приходится на район правого фланга Линии (следует отметить, что в указанном сбор-

нике в отличие от нижних чинов, указываются имена, звания офицеров и место, а также время их гибели)⁶⁰, поэтому логично, если предположить, что основная масса потерь среди нижних чинов также относится к этому району. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что, в основном, именно хаджретской активностью здесь обуславливались такие потери.

Сведения о структуре потерь российских войск высвечивают и другие черты, характеризующие общий характер ведения хаджретами войны. Так, из 219 случаев пленения российских военнослужащих в 1832 г. только девять можно отнести к Дагестану и Чечне⁶¹. Остальные 210 были захвачены черкесами. Опять-таки есть все основания полагать, что именно в ходе хаджретских рейдов удавалось указанным способом нейтрализовать довольно ощутимые силы противника. В пользу этого говорит и то, что при другом характере действий на левом фланге, когда отряды мюридов в основном оборонялись в укрепленных селениях от «правильно» организованной осады российских войск первым практически не удавалось захватывать солдат в плен. Львиную долю потерь среди российских войск в таких условиях составляли раненые⁶². Наоборот, войска, участвовавшие в боевых действиях с хаджретами, имели относительно мало потерь ранеными. Таким образом, даже в период интенсивных военных действий в период подавления движения Кази-Муллы в 1832 г., российские войска понесли значительно больший невосполнимый урон в ходе войны с черкесами, в частности закубанскими кабардинцами, нежели в ходе кампании на левом фланге.

Одним из ключевых факторов эффективного сопротивления хаджретов, в частности их успешных рейдов на Линию являлось то обстоятельство, что закубанские кабардинцы, несмотря на прекращение (в массе) своего этнического присутствия в ареале расселения карачаевцев (1828), продолжали пользоваться существенным (необходимым для осуществления военных задач) влиянием в данном районе. Это выражалось в проявлении карачаевцами устойчивой лояльности к осуществлявшим военные акции на Линии хаджретам. При этом режим благоприятствования реализовывался по отношению к ним не только на начальных, во многом латентных для российского военного командования стадиях «операций», но и во время отхода через территории, занимавшиеся карачаевцами⁶³. По большому счету Карачай в этот период сохранил положение плацдарма и «операционной базы» для хаджретских рейдов на Линию.

К исходу 1832 г. хаджретская Кабарда, демонстрировавшая до этого высокую степень устойчивости к неблагоприятному внешнему воздействию в условиях перманентной войны, стала проявлять симптомы социального кризиса. Несмотря на то, что глубинные детерминировавшие всю кризисную симптоматику факторы носили экзогенный характер и были генерированы логикой противостояния колоссальной мощи Российской империи, можно все-таки говорить о некоторых проявлениях внутренней деструкции в системе социальных практик закубанских кабардинцев. Негативные тенденции проявились в адаптационно-интеграционной сфере⁶⁴. Также стали обнаруживаться прострационная симптоматика среди определенной части социальной элиты и проявления общей «усталости» в целом среди населения.

Наименьшую значимость среди указанных тенденций имели, безусловно, проблемы адаптации кабардинцев в субрегионе и их дальнейшей интеграции с населением Бесленевского княжества и Абдзехии. При этом они отслеживаются настолько слабо и эпизодично (по крайней мере, в указанный период), что можно говорить об их казуальности.

В последующие почти три десятилетия фактор хаджретского присутствия в Восточном Закубанье оставался одним из определяющих с точки зрения обеспечения устойчивой резистентности военному натиску Российской империи в данном субрегионе воюющей Черкесии. Несмотря на колоссальные потери относительно немногочисленного хаджретского социума на протяжении десятков лет войны, временные «замирения» с противником, частую смену ареала расселения и систематическую потерю военных лидеров закубанские кабардинцы неизменно рассматривались в качестве одного из ведущих военно-политических акторов Северо-Западного Кавказа. Так, российские военные специалисты аттестовали хаджретов как «самое доблестное и храброе племя на правом фланге» (1851)⁶⁵. Спустя несколько лет, на завершающей стадии военных действий в бассейне Лабы отмечалось, что наряду с бесленевцами «беглые кабардинцы составляли самую крепкую защиту и оплот абдзехов со стороны верховьев рек Ходзи и Белой» (1860)⁶⁶. И, наконец, в год завершения векового противостояния, анонимный автор охарактеризовал наблюдаемых им уже «за-Лабинских кабардинцев (бежавших назад тому 45 лет из Кабарды)» как «наиболее воинственных, на которых лежала вся тяжесть прежней войны с горцами, так как они составляли авангард неприязненного нам населения – и которые наиболее нам вредили своею предприимчивостью и знанием местности» (1864)⁶⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М., 1957. С. 341–344.

² *Алоев Т.Х.* Вопрос о закубанских территориях Кабарды в контексте миграции кабардинцев в первой четверти XIX века // Исторический Вестник. Вып. III. Нальчик, 2006. С. 260–268.

³ *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. II. СПб., 1869. С. 561.

⁴ *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. С. 281.

⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Тифлис, 1869. Т. III. С. 898–899.

⁶ *Ермолов А.П.* Записки. 1816–1825 гг. // Осада Кавказа. СПб., 2000. С. 63.

⁷ *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 2008. С. 202–203.

⁸ АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 841.

⁹ АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. I. С. 466.

¹⁰ *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 189.

¹¹ *Толстов В.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696–1896). Тифлис, 1901. С. 126.

¹² Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки, 1999. С. 43.

¹³ Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. II. 1816–1827. М., 1868. С. 156.

¹⁴ *Кажаров В.Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 63.

¹⁵ *Алоев Т.Х.* «Беглые» кабардинцы: формирование в Закубанье массива кабардинского населения и его участие в Кавказской войне в 1799–1829 гг. Дисс. на соиск. учен. степ. к.и.н. Нальчик, 2006. С. 135.

¹⁶ *Толстов В.* Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Екатеринодар, 1896. С. 25–26.

¹⁷ *Филонов С.* Кавказская линия под управлением генерала Емануэля // Кавказский сборник (Далее – КС). Тифлис, 1894. Т. XV. С. 446–447.

¹⁸ *Потто В.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. V. С. 296.

¹⁹ Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА). Ф. 13454. Оп. 2. Д. 63. Л. 127–129.

²⁰ *Томкеев В.* Кавказская линия под управлением генерала Емануэля // КС. Т. XIX. Тифлис, 1898. С. 135.

²¹ Очерки истории Карачаево-Черкесии. С древнейших времен до Великой Октябрьской революции. Ставрополь, 1967. Т. I. С. 279.

²² *Томкеев В.* Указ. соч. С. 135.

²³ *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. Тифлис, 1901. С. 22–23.

²⁴ Там же.

²⁵ *Эсадзе С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказ-гор. войны в Закубан. крае и Черномор. побережье. М., 2004. С. 297–301.

²⁶ АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 885.

²⁷ Там же. С. 882.

²⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 242. Л. 6.

²⁹ АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 905.

³⁰ *Кажаров В.Х.* Указ. соч. С. 62–65.

³¹ Записки Алексея Петровича Ермолова. Часть II. 1816–1827 г. М., 1868. С. 155–156.

³² АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 907.

³³ Там же. С. 898–899.

³⁴ Центральный Государственный Архив Кабардино-Балкарской республики (Далее – ЦГА КБР). Ф.Р-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 47–49.

³⁵ *Томкеев В.* Указ. соч. С. 191.

³⁶ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 339.

³⁷ *Томкеев В.* Указ. соч. С. 224.

³⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 43. Л. 14–15. Цит. по: *Панеш А.Д.* Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп, 2006. С. 48.

³⁹ *Томкеев В.* Указ. соч. С. 227.

⁴⁰ АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 903.

⁴¹ *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000, С. 217.

⁴² Там же. С. 218.

⁴³ РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁴⁴ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 340.

⁴⁵ Там же. С. 343.

⁴⁶ *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С.440.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 67. Л. 6.

⁴⁸ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 340–342.

⁴⁹ *Томкеев В.* Указ. соч. С. 200.

⁵⁰ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 341.

⁵¹ Там же. С. 342.

⁵² Там же. С. 343–344.

⁵³ *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 31.

⁵⁴ *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913, Т. II. С. 399–400.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Н.Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // КС. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 5–6.

⁵⁸ *Бюроно*. Кавказская оборонительная Линия // КС. Тифлис. 1878. Т. VII. С. 51.

⁵⁹ *Энгельс Ф.* Избранные военные произведения. М., 1956. С. 100.

⁶⁰ *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 31.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 29–30.

⁶³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 101. Л. 36.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 165. Л. 25.

⁶⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-ом отделении департамента Генерального штаба. Том XVI. Часть I. Ставропольская губерния. СПб., 1851. // Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. Н.Г. Михайлов. М., 2006. С. 103; Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Сост. С.Х. Хотко. Майкоп, 2009. С. 370.

⁶⁶ Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Сост. С.Х. Хотко. Майкоп, 2009. С. 370.

⁶⁷ *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 91.

Хаджретское присутствие и его значение в начальный период военной активизации России в Закубанье (конец 1830–1831 гг.)

К концу 1830 г. одни из главных носителей военного потенциала Западной Черкесии – абадзехи и натухайцы воздерживались от открытой войны с Россией. К исходу ноября уже и наиболее авторитетный западноадыгский военный лидер темиргоевский князь Джамбулат Болотоков относился к присягнувшим «на верноподданство России». В это время российскому правительству присягали также князья черченейского и жанеевского владений¹.

На фоне такой ситуации геополитическое положение хаджретской Кабарды серьезно осложнилось. По сути, она в этот период составила второй, наряду с Шапсугией, очаг сопротивления в Закубанье. При этом и та часть закубанских кабардинцев (локализовавшаяся в бассейне р. Уруп), которая находилась в положении «замирившейся» с российским командованием общности, проводила политику латентной поддержки военных акций остальных хаджретов. Об этом свидетельствует участие проживавшего на р. Уруп уорка Магомет-Мурзы Боташева в рейде на Ерсаконское укрепление 15 ноября 1830 г.², а также образ действий сына старшего князя «урупских» кабардинцев – Аслангирея Бесленова во время преследования русскими войсками отступавших черкесов. Тогда, предводительствуя отрядом из двадцати кабардинских дворян, он подошел к месту боя. Однако князь Аслангирей «отказался содействовать поражению партии черкесов и оставался простым зрителем»³.

В связи с этим представляется любопытными позиция и характер действий, которые демонстрировал в рассматриваемый период этот князь. Мы располагаем документом датированным январем 1831 г., в котором зафиксированы четыре случая участия Аслангирея Бесленова в рейдах на Линию и нападениях на солдат и казаков в предыдущий период⁴. В них он принимал участие, будучи жителем (и владельцем) одного из шести аулов принадлежавших его отцу – Асланбеку. По видимому, статус «замирившегося» князя диктовал ему необходимость

проявлять особую скрытность при участии в набегах, дабы не навлечь удар на вотчину своего отца. Косвенным свидетельством того, что почти до конца 1830 г. ему удавалось оставаться незамеченным российским командованием на Линии, была его «нейтральность» в бою 15 ноября. Только уверенность в том, что в Прочном Окопе не знают о его «подпольной» деятельности и стремление отвести угрозу от бесленовских аулов удержало князя Аслангирея от присоединения к хаджретам 15 ноября 1830 г. Ногайцы и казаки не могли не заметить, что «нейтральность» Аслангирея носила враждебный характер и в источнике он и его сподвижники именуется как «лица, явно сочувствовавшие тогда хищникам...»⁵.

Один из лучших российских генералов за всю Кавказскую войну, А.А.Вельяминов, отмечая «усиление» с осени 1830 г. черкесского натиска на Линию признавал, что «почти все набеги Закубанцев обращены на пространство», находившееся «между Ставрополем и Георгиевском», т.е. правый фланг⁶. Уже длительный период главным противником России на этом участке Кавказской линии являлась хаджретская Кабарда.

В целом, в 1830 г. действия хаджретов против Линии носили систематический характер и имели весьма большой географический охват. Об этом свидетельствует «именной список закубанских владельцев и узденей участвовавших в разных злодеяниях». Здесь отмечается, что в разграблении транспорта, где взято 40 лошадей и 6 мальчиков участвовали кабардинские урки Джерандуко Нартыжев, Хаджали Шогенов, Аджи Кубатов⁷.

«При угоне табуна армянина Унаура» жившего «под Лысой горой» участвовали кабардинские князья Джамбот Атажукин, Магомет Атажукин, Хатокшуко Атажукин, Тембот Бесленов, Магомет Бекмурзов. Вместе с ними находились Умар Маргушев, Асланбек и Хаджиун Тамбиевы, Нлан Агуев, Аджи Кубатов, Хаджали Шогенов, Сидак Пшихов, Умар Апажев, Жамбора Кандуров, Мет, Девлетгирей и Нагой Куденетовы⁸.

В нападениях на станицу Бабуковскую и «хоперского казачьего полка майора Соколова» семью участвовали кабардинские князья Тембот Кайтукин, Аслангирей Бесленов; урки Умаркой Куденетов, Магомет-Мирза Боташев, Увжуко Жанситов, Бекмурза Караба.

«При взятии в Темнолесской крепости на форштате 10 лошадей... и 4 солдат» находились кабардинские князья Хатокшуко Атажукин, Аслангирей Бесленов; урки Умаркой Куденетов, Умар Маргушев,

Исмаил Хашкулов, Увжуко Жанситов, Вахача Елдаров, Асланбек Махоков, Исуф Шидов, Атлескир Безергенов. «При взятии... из укрепления Георгия 5 человек казаков...» находились кабардинские князья Тембот Бесленов, Алангирей Бесленов, Хатокшуко Атажукин, Джамбот Атажукин; уорки Умар Маргушев, Умар Куденетов, Жамбора Кандуров, Увжуко Жанситов, Исмаил Хашкулов, Исуф Шидов, Атлескир Безергенов, Аджи Кубатов. Среди угнавших табун Боргустанской станицы были кабардинские князья Аслангирей Бесленов, Тембот Бесленов, Хатокшуко Атажукин, уорки Умаркой Куденетов, Увжуко Жанситов, Исмаил Хашкулов, Умар Маргушев, Жамбора Кандуров⁹. Примечательно, что из шести упомянутых здесь нападений четыре сопровождалось угоном лошадей. Это объяснялось, в частности, стремлением хаджретов сохранять преимущество в кавалерии, что гарантировало доминирование на поле боя, несмотря на общее технологическое превосходство противника.

Все вышеуказанные события происходили до конца января 1831 г. Примерно к апрелю этого года на правом фланге российское командование располагало более 11 батальонов пехоты и 44 сотен с 140 орудиями полевой и гарнизонной артиллерии¹⁰. Эти войска составляли более 10 тыс. человек.

По-видимому, в этот период, командование считало возможным справиться с противником на участке правого фланга имевшимися силами. Поэтому вслед за ноябрьским боем последовало распоряжение И.Ф. Паскевича генералу Емануелю «о наказании бесленеевцев... а также кабардинских аулов расположенных на верховьях р. Бол. Тегень (Б. Тигень. – Т.А.), не оказавших нам поддержки...»¹¹. Наряду с захватом ногайских князей Карамурзиных планировалось, что восьмисотенный отряд с 2 орудиями должен будет арестовать князя Аслангирея «и старшин кабардинских аулов, силою переселить всех жителей с семьями в Ставрополь, и держать их под крепким караулом до мая месяца»¹². Однако в тот период возможностей для осуществления подобных задач у российского командования не было.

Резюмируя общую картину, сложившуюся в регионе главнокомандующий кавказским корпусом И.Ф.Паскевич признавал: «До того времени, имея войны с Персиею и Турциею, мы не делали никаких предприятий против горцев и снисходительная политика сия удалась нам в полной мере; ибо горцы во все то время оставались спокойными. В истекшем 1830 году мы переменили образ действий наших и атаковали

их во многих пунктах сие заставило их понять настоящие намерения наши и с своей стороны вооружиться почти повсеместно»¹³.

К середине февраля 1831 г. в районе станицы Беломечетской был сосредоточен отряд, состоявший из 816 штыков и сабель с четырьмя орудиями. Этот отряд под начальством генерал-майора Ралля должен был совершить экспедицию к р.р. Большая и Малая Тегиням и «наказать мирные кабардинские аулы за неоказание нам (российским войскам. – Т.А.) содействия в деле 15-го ноября 1830 года»¹⁴. Проводниками отряда стали князь Аслангирей Бесленов со своим уорком Магомет-Мирзой Антлеевым.

Таким образом, сложилась необычная и во многом парадоксальная ситуация. С одной стороны, Аслангирей Бесленов понимая, что после событий 15 ноября находится под подозрением у российских военных властей, решает на появление в расположении царских войск, которые должны действовать в частности и против аулов его отца. С другой, командование на Линии, обладая сведениями об участии князя в антироссийских акциях (по крайней мере, с 31 января 1831 г.), не арестовывает его. По всей видимости, было признано более целесообразным, использовать князя как проводника и тем самым скомпрометировать участие в антикабардинской акции, внеся раскол в единство хаджретов. В сущности, Аслангирей ходил тогда «по острию лезвия», рискуя поплатиться жизнью за малейшую ошибку. Из этой щекотливой ситуации кабардинский князь вышел весьма достойно. Он, со своим уорком Антлеевым, «желая спасти от погрома аулы Росланбека Бересланова (Асланбека Бесленова. – Т.А.)... убедили Ралля, что при весьма значительном населении, обитавшем на этих реках, и трудности найти в нем виновные аулы, могут пострадать совершенно невинные и вполне преданные нам (российским властям. – Т.А.) жители. Поэтому генерал-майор Ралль не признал возможным продолжать дальнейшее наступление, 14-го февраля повернул назад и, по прибытии к Беломечетской, распустил отряд»¹⁵. Таким образом, князь Аслангирей сумел отсрочить угрозу разорения, нависшую над хаджретскими аулами, расположенными на Тегинях.

В марте 1831г. хаджреты и абазины, проживавшие по р.р. Уруп, Большая и Малая Тегини воспользовавшись «отсрочкой», которой добился в феврале князь Аслангирей Бесленов, эвакуировались в более отдаленные горные районы и в Абадзехию. При этом сам князь Аслангирей с его уорками были примером в этом деле. Под прикрыти-

ем караулов и извещательных постов за ними последовали и бесленевцы, а также отец Аслангирея – Асланбек Бесленов.

Вывод населения из зоны досягаемости российских войск, позволял хаджретам теперь уже в союзе с абадзехами и шапсугами использовать тактику активной обороны. Их небольшие отряды численностью от нескольких десятков до нескольких сотен человек в это время беспрерывно перемещались в междуречье Лабы и Урупа, заставляя противника пребывать в постоянном напряжении.

В целях пресечения активности черкесов в междуречье Лабы и Урупа, а также, реализации давно намеченного плана по наказанию «лиц не оказавших нам (российским войскам. – Т.А.) содействия 15 ноября» 1830 г., на Линии были собраны два сильных отряда. Первый из них, состоявший из 400 человек пехоты и 400 казаков, с четырьмя конными орудиями, во главе с генералом Раллем в ночь на 21 марта выступил из Прочного Окопа по направлению к укреплению Каладжинскому. Оттуда он должен был продвнуться берегом Лабы к верховьям р. Уруп, где находились аулы Асланбека Бесленова, с целью преградить им путь к отступлению на запад к абадзехам. С другим отрядом из 400 человек пехоты, 450 казаков с 4-мя конными орудиями командующий центра Линии генерал Фролов в ночь на 23 марта переправился через Кубань у станицы Беломечетской. Он двигался к хаджретским аулам на р. Уруп с северо-востока. Когда в окруженные аулы вошли войска, они оказались пустыми. После того как шесть кабардинских аулов Асланбека Бесленова были сожжены, 28 марта войска вернулись назад¹⁶.

С апреля 1831г. напряжение на всей линии российско-черкесского противостояния нарастало. В это время адыги еще не приступили к координированным масштабным военным действиям, однако с низовьев Кубани до бассейна Урупа они демонстрировали редкое единодушие в стремлении остановить российское наступление против Черкесии. Новые укрепления на р.р.Шебш и Афипс подвергались постоянным нападениям, до 2000 абадзехов находились на р.Шхагуаша (Белая), около 4000 абадзехов и шапсугов сосредоточились на р.Псефирь «и до 2000 горцев стояло в близи тех же пунктов; бесленевские и особенно кабардинские князья... в свою очередь собирали более или менее значительные партии, которые группировались на верховьях Урупа, Б. и М. Тегеней (Тегиней. – Т.А.)»¹⁷. Таким образом хаджреты продолжали активные действия в районе междуречья рр. Лабы и Урупа.

В «многолюдном собрании» из 6–7 тыс. человек на р. Шхагуаша (есть другие сведения, что оно проходило по р. Пшеха, однако ввиду

того, что последняя является притоком первой (говорить о противоречии не приходится) у аула Аджи-Гляша, где адыги пытались выработать план совместных действий самое активное участие принимали хаджреты. В частности там выступал кабардинский князь Тембот Бесленов (Тума Тембот)¹⁸. В источнике о роли хаджретов в этом собрании в частности отмечается: «в критический момент, когда решалось приступить к нападению или нет, в собрание явились беглые кабардинские князья Мисост Наурузов и два брата Атажукины, которые сообщили о строгих мерах обороны, принятых на границе, и хотя им удалось проникнуть за Кубань, но они вынуждены были вернуться назад без всякого успеха»¹⁹.

В третьей декаде мая, объединенный черкесский отряд, состоявший из более 8 тыс. человек переправился через Лабу, однако проявленная им медлительность и готовность русских войск к отражению его действий вынудили адыгов отойти на исходные позиции после нескольких перестрелок.

В то время, когда основное внимание российского командования на Линии было сосредоточено на восьмитысячном черкесском отряде, хаджреты осуществили рейд в центр Кабарды. Закубанские кабардинцы, появившиеся на оккупированных территориях, состояли из двух «хищнических партий». Во главе первой стояли братья Аслангирей и Пшимахо Бесленовы, а вторая находилась под ведением Магомета Атажукина и Бекмурзы Докшукина²⁰. Пожалуй, в сложившихся тогда в центре страны условиях, разделение хаджретов на два отряда было оправдано с точки зрения военной целесообразности. К тому же очевидно, что два отряда способны были «охватить» несравненно большую площадь, нежели один в течение определенного промежутка времени. С учетом основной задачи этих отрядов, которая как мы полагаем, заключалась в инициировании очередной акции по переселению населения из центра Кабарды на подконтрольную хаджретам территорию, мотив подобного решения становится вполне понятным. На наш взгляд, именно задачей «охватить» возможно, большее географическое пространство было обусловлено разделение отряда на две части. В пользу такого вывода говорит высказывание начальника третьей дистанции центра Линии генерал-майора Горихвостова о необходимости «присмотра за неблагонамеренными, которых имев сношении с сказанными хищниками, может быть вознамерились бежать»²¹. О том, что влияние «неблагонамеренных» еще сильно ощущалось в центре Кабарды можно судить по содержанию путевых записок

Г. Орбелиани наблюдавшего эту часть страны во время своего проезда из Тифлиса в Петербург в 1831 г. В частности, он писал: «Пред сим кабардинцы были сильным народом, но страшный мор, а затем борьба с русскими скосили их. Большинство народа, которое сопротивлялось всякому подчинению, бежало за Кубань. Кабардинцы – свободолюбивый народ, в течение стольких лет воюющий с русскими, которые потеснили, унизили и захватили всю Кабарду (за исключением ее закубанских территорий. – Т.А.). Но они не сумели искоренить у них любовь к свободе. Кабардинцы бодры и всегда готовы к бою, вечно ищут случая, чтобы избавить землю свою от русских»²². С учетом этого обстоятельства, а также отвлечения восьмитысячным черкесским отрядом на Лабе значительной части войск на Линии, время, выбранное хаджретами для рейда, было максимально благоприятным для реализации указанной задачи.

Однако неудача хаджретов по переселению кабардинцев была во многом predetermined. Во-первых, российские войска довольно оперативно отреагировали на появление в центре Кабарды противника, а во-вторых, существенную роль играл и фактор «усталости» населения от войны. Ведь всю первую четверть XIX в. кабардинцы вынуждены были терпеть все невзгоды, связанные с периодическими военными действиями и катастрофической по последствиям эпидемией чумы. К этому следует добавить и то обстоятельство, что миграционный потенциал был во многом исчерпан; большинство нежелавших мириться с российскими порядками давно покинули центр Кабарды. В этом смысле далеко не случайно, что по предложению генерала Горихвостова Временный кабардинский суд собрал в течение двух дней два отряда в 800 и 600 человек соответственно, для противодействия «закубанцам»²³.

Как бы ни складывались в это время военные инициативы хаджретов, их влияние в Восточном Закубанье не становилось менее значительным. Несомненно, что именно они генерировали здесь основной очаг сопротивления, и их воздействие во многом стимулировало остальные субэтнические группы адыгов и абазин проявлять волю к противодействию агрессии.

Российское командование в регионе понимало это. Именно поэтому, формируя первостепенные и вместе с тем основополагающие принципы действий в Закубанье, фельдмаршал Паскевич уделял особое внимание хаджре-там. Седьмым пунктом его программы (от 5 июня 1831 г.) фигурируют следующие соображения: «Вызвать из-за Кубани бежавших туда кабардинцев, ибо они, живя между Закубанцами, воз-

буждают их против Русских. Но с другой стороны опыт показал нам, что те из них, которые были уже вызваны и поселены в Кабарде, будучи близ границ, делали еще более разбоев»²⁴.

Небесполезны с точки зрения выявления сущностных черт общего модуса политики России в Западной Черкесии и хаджретской Кабарде и некоторые другие компоненты программы Паскевича. В частности он писал: «Одна военная сила должна быть принята за первоначальное основание при укрощении племен Кавказских и в особенности Закубанцев. Но для сего временные победы бесполезны. Горцы всегда избегают решительной с нами встречи и ведут войну партизанскую. Только лишая их способов существования постоянным занятием тех пунктов, которые служат ключами их промышленности, можно надеяться заставить их самих прибегнуть к покровительству... Я полагаю, что главнейшие основания и меры к усмирению и покорению Закубанцев должны заключаться в следующем: 1.) Постоянно занимать войсками одно за другим важнейшие для них пункты, равнины близ гор и выходы рек из ущелий, где находится вся промышленность и все способы их существования. Таковыми местами на правом фланге можно считать: 1.) Окрестности Усть-Джегуты и Баталпашинска на Кубани, 2.) Уроч. Каладж на р. Лабе...»²⁵. Ко времени составления данного документа оба эти пункта уже были заняты российскими войсками.

В этот период налаживаются связи лидера мюридизма в Дагестане имама Гази-Магомеда (Кази Муллы) с воюющей Черкесией. Он направил в Закубанье специальное посольство, встреченное весьма доброжелательно. Вот что писал по этому поводу генерал Емануэль: «Кази Мулла... обратился к Закубанским народам. 15 августа явились в абхазские (абадзехские. – Т.А.) владения четыре чеченца с прокламациями от возмутителя коими он приглашает всех горцев к соединению для вторжения в наши границы. Они принимают с восторгом его воззвания, вооружаются и составляют значительные сборища за Кубанью против центра Кавказской линии, абазехи составляют главную часть оногo, но к ним начинают присоединяться и прочие народы»²⁶. К последним, безусловно, относились и хаджреты, значительная часть которых уже проживала в пределах Абадзехии. Эту ситуацию подметил и генерал Вельяминов. Он писал: «Теперь при появлении Кази Муллы, готовы присоединиться к нему почти все кабардинцы и все закубанские народы, с которыми находился он почти в бесперебойных сношениях»²⁷.

Таким образом, с середины 1831 г. хаджретская Кабарда как впрочем, и Западная Черкесия получила дополнительный импульс для про-

должения борьбы за независимость, что отразилось в учащении атак на Линию.

В августе объектом нападения стала станица Баталпашинская²⁸, а в сентябре была «разграблена» Ессентукская²⁹. В своем рапорте от 8-го сентября 1831 г. генерал Вельяминов отмечал: «Теперь, с понижением вод, хищничества сии возобновились и едва-ли не превосходят случившиеся в прошедшем году»³⁰. Такая оценка полностью подтвердилась ходом последующих событий. Так, согласно информации главнокомандующего на Кавказе барона Розена, в том же сентябре противник продемонстрировал «дерзость» превосходящую «всякое вероятие». Он, в частности писал: «...16 Закубанцев между селениями Сергеевским и Калиновкою ограбили проезжавших купцов, и, навьючив товарами их около 30-ти лошадей, потянулись спокойно в горы. Жители собрались в числе около 200 человек, преследовали их с несколькими Донскими козаками, которые расположены небольшими постами по всей дороге от Ставрополя до Тифлиса, для конвоирования почт и проезжающих. Горцы отразили неоднократныя нападения сей неустроенной толпы и успели скрыться в горы с большею частью добычи своей»³¹.

До конца года также были атакованы станицы Убеженская, Григориполисская, Темижбекская, Прочноокопская, селения Новомарьевское, Татарка, Медвежье, Ладожская балка, Расшеватское, Александровское. «Каждый раз нападавшим удавалось захватывать имущество поселян, уводить их скот. В неволе оказывались мужчины, женщины, дети. Несли потери и отряды казаков, пытавшихся отбить очередной набег», – отмечает современный исследователь³².

Указанная география рейдов и характер противодействия российским войскам позволяет говорить о том, что решающая роль в организации сопротивления в субрегионе, по-прежнему, принадлежала хаджретской Кабарде. Об этом можно судить исходя из слов высших командиров кавказского корпуса. Так, характеризуя «опасное положение Кавказской линии» барон Розен заключал: «Большая часть набегов их, произведенных с некоторым соображением, была сопровождаема успехом. Кроме множества не столь важных случаев, в 1825 году они истребили станицу Солдатскую (в одном из документов относительно роли хаджретов в этой акции прямо говорится, что «во время разграбления в 1825 году горцами Солдатского селения... в собрании этом по большей части были беглые кабардинцы». – Т.А.)³³; в 1828 году сел. Незлобное (и здесь главными организаторами нападения выступили хаджреты. – Т.А.), а в 1831 году хищничества их были значительнее» настолько, что

«в текущем-же году разныя удачныя нападения на Линию увеличили дерзость неприязненных нам поколений... могущаго иметь гибельнейшия последствия...»³⁴.

Принимая во внимание, что в начале 1831 г. российское командование планировало придерживаться наступательной тактики на правом фланге³⁵ уместно говорить о потере им контроля над ситуацией. Косвенным признанием этого можно рассматривать попытку переложить ответственность за провал своих действий на население, имевшее весьма отдаленное отношение к военным действиям. Так, в сентябрьском рапорте в главный штаб, командующий Кавказской линией генерал-лейтенант Вельяминов, по мнению военного министра, «приписывал» интенсивность натиска «Закубанских хищников на пределы наши содействию, оказываемому им в сих случаях Ногайцами, поселенными по рекам Калаусу и Сабле и в окрестностях Бештовых гор...»³⁶. В связи с этим целесообразно акцентировать внимание на том, насколько обоснованным было подобное «приписывание».

Примечательно, что генерал, отличавшийся емкостью и последовательностью письменного изложения мыслей, в своем докладе допускает явное противоречие. Изначально он оговаривается, что коснется лишь одной из причин столь активного «закубанского» натиска на Линию. А через предложение указывает, что черкесы не могли бы «иметь почти никакого успеха, если-бы не содействовали им Ногайцы...», т.е. интенсивность, глубину и эффективность хаджретских рейдов сводит к тому, что «Ногайцы, живущие в ближайшем соседстве с Русскими селениями, высматривают, где удобнее сделать хищничество, и будучи коротко знакомы с местоположением, служат вернейшими проводниками Закубанцам...»³⁷.

Не отрицая возможности того, что ногайцы, поселенные в тылу правого фланга действительно могли содействовать хаджретским отрядам в той форме, о которой вел речь генерал, следует указать, что источники указывают скорее не на вспомогательный, а, в некотором смысле, на вполне самостоятельный характер «ногайского фактора» в хаджретском сопротивлении данного периода. Так, ногайские мурзы (Телини? Телиш?) Мансуров, Камбулат и Мамай Карамурзины вместе с «беглыми» кабардинцами участвовали в штурме Ерсаконского укрепления³⁸. Ногайские аристократы принимали участие вместе с хаджретами и в рейде на Темнолесскую крепость, в нападении на казаков укрепления Святого Георгия, а также в угоне табуна станицы Боргустанской³⁹. Здесь уместно упомянуть имя «неразлучного товари-

ща Карамурзиных» – «имама Хази», присоединение которого к хаджретам привело к тому, что «черкесские партии начали чаще прежнего появляться за Ставрополем, около Георгиевска и Минеральных вод, хозяйничали в этих местах как у себя дома и ускользали каждый раз от погони»⁴⁰. Симптоматично, что вышеуказанные мурзы в одной из дореволюционных работ неоднократно отождествляются с хаджретами («первейшие разбойники беглые кабардинцы Бий и Мамай Карамурзины», «кабардинские князья Камбулат и Тембулат Карамурзины»)⁴¹.

В свете таких реалий, думается, можно говорить о том, что главная заслуга ногайцев проживавших по рр.Калаус и Сабля, а также возле «Бештовых гор» заключалась в неразглашении информации о появлявшихся в ареале их расселения хаджретских отрядах. Последние же, в ходе своих акций, хоть и были заинтересованы в «пособничестве», как то предоставление проводников, жилищ для скрытых стоянок, питания, фуража и т.д. все же не были жестко зависимы от услуг поселенных здесь ногайцев. Вызвано было это, во-первых, тем, что адыгская всадническая культура предполагала длительную автономию при осуществлении походов, что позволяло обходиться без промежуточных пунктов снабжения. Во-вторых, ставшая в рассматриваемое время объектом интенсивного хаджретского натиска обширная территория в предыдущий период представляла собой один из ведущих районов кабардинского скотоводства. Русские источники в хронологическом диапазоне с первой половины XVII по вторую половину XVIII вв. безоговорочно признают, что кабардинский княжеский дом стабильно осуществлял свои суверенные права на этой территории⁴². Вследствие непосредственного и длительного знакомства с ней, для кабардинской конницы, действовавшей из-за Кубани, не представляло особой сложности «оперировать» в указанном районе. К этому следует добавить, что аннексия этих земель как и всех северных территорий Кабарды, осуществленная в 1777–1778 гг. и запрет кабардинцам переходить на левобережье р. Малки после поражения в военной кампании 1779 г., не могли выступить эффективной преградой для их проникновения сюда. В ходе последующих обострений кабардино-русских отношений, вплоть до первой четверти XIX в. включительно, данное обстоятельство просматривается вполне отчетливо. Отличие же заключается лишь в том, что теперь удары по этому району наносились исключительно из-за Кубани.

В целом, в этот период накал противостояния был высоким и характеризовался крайним взаимным ожесточением сторон. Так, на-

мереваясь «произвести целый ряд нападений на Прочноокопскую и другие станицы, расположенные по Кубани», в начале ноября близ Каладжинского укрепления на Лабе⁴³ сосредоточился восьмидесяти тысяч черкесский отряд. Однако осведомленность противника о планах предприятия и превентивный бросок 9 ноября «большого отряда войск из Невинномысского укрепления» во главе с командующим центром Линии побудил черкесов «разойтись по аулам»⁴⁴.

«Удостоверившись, что, по причине выпавших снегов, нельзя ожидать вторжения хищников» генерал-майор Фролов решил перехватить инициативу. С отрядом в 1700 человек при четырех орудиях командующий центра Линии 20 ноября направился к расположенным в верховьях Малого Зеленчука и на Марухе трем аулам «абазинских князей: Атажуко Бибердова, Кучука и Аслан-Гирея Кичевых и абреков кабардинских кн. Джембулата-Хаджи Хамурзина»⁴⁵.

В источнике указывается, что войска «по трудности дороги, занесенной глубоким снегом, не могли достичь до рассвета к назначенным им местам». Поэтому генерал-майор Фролов «с одними казаками и 4-мя конными орудиями, решился идти вперед... и, приблизившись к аулам, занял все выходы окружных ущелий»⁴⁶.

В «отношении» корпусного командующего военному министру последующее развитие событий описывается таким образом: «Жители встретили казаков сильным ружейным огнем, а между тем начали собирать семейства свои к одному из ущелий, дабы прорваться в горы. Ген.-м. Фролов, поставив на выгодном месте батарею из конных орудий, приказал стрелять по ним картечью; казаки же Кубанского, Хоперского, Волгского и Донского Редичкина полков, спешившись, бросились в аулы, и, несмотря на отчаянное сопротивление неприятеля, вскорости заняли оные, исключая мечети и несколько саклей, в которых заперлись кабардинские абреки со своими семействами, и только по прибытии пехоты и после сильного действия артиллерии, по упорном сопротивлении, истреблены штыками...»⁴⁷. В рапорте вышестоящему начальству составленном лишь спустя неделю (!) по завершении «операции» генерал-майор Фролов указывает на 381 пленного «в числе коих с оружием в руках 46 чел... Сверх того найдено более 150-ти тел мужчин, поколотых штыками, и до 50-ти женщин и детей, погибших от действия артиллерии». Здесь же отмечаются потери российских войск – 10 человек убитыми и 17 ранеными⁴⁸.

В изложении данного события наблюдаются определенные противоречия и неясности связанные с ролью казаков в штурме аулов и

причинами столь значительного расхождения в потерях у сторон. Без ответа на эти взаимосвязанные вопросы говорить об адекватной реконструкции данной военной коллизии говорить довольно сложно.

В связи с этим возникает необходимость в выяснении возможности плотного оцепления района боевых действий и одновременно осуществления фронтального штурма аулов силами 726 казаков. Разумеется, вероятное смежное расположение, и небольшие размеры аулов могли облегчить решение данной задачи. Однако с учетом того обстоятельства, что штурмующие не сумели достичь эффекта внезапности и судя по содержанию источника встретили организованную оборону с плотным ружейным огнем, серьезно говорить о способности спешенных (а значит потерявших наступательный порыв) казаков «вскорости» сломить сопротивление защитников аулов и с минимальными потерями овладеть ими не приходится.

При этом некоторые параметры боя, на первый взгляд, свидетельствующие об априорных преимуществах штурмующих при предметном рассмотрении выглядят не столь однозначно. Так, более чем трехкратное численное превосходство казаков над черкесами, о котором упоминается в рапорте командующего центра Линии, обычно считается соответствующим классической пропорции успешного наступления. При прочих равных условиях такой подход можно было принять с некоторыми оговорками. Однако при рассмотрении данного конкретного события его неприменимость становится очевидной. Так, при наступлении на пересеченной местности атакующая линия неминуемо нарушается и в непосредственной зоне взаимодействия с противником указанное соотношение часто и во многих местах меняется. К тому же, не представляется возможным, сохраняя «плотность» оцепления выделить для эффективной атаки значительную часть сил. Единственным неоспоримым преимуществом, которым обладали царские войска, было наличие у них артиллерии. Во время атаки же спешившихся казаков, как следует из содержания доклада, артиллерии было приказано «стрелять картечью» по прорывавшимся из окружения, т.е. она не подготавливала штурма аулов.

Скепсис в отношении картины штурма аулов возникающий при критическом отношении к содержанию военной режиссии лишь усиливается с учетом некоторых других обстоятельств. Так, в явное противоречие с сообщением генерала Фролова о соотношении потерь у сторон как 1/5 с боевым счетом в пользу штурмовавших аулы идет оценка другого российского военачальника писавшего о превосход-

стве боевых возможностей кабардинских уорков над казаками аккурат в указанной пропорции⁴⁹. Другой российский автор отмечал, что «ни-какое нерегулярное войско с кабардинцами сравняться не может»⁵⁰. При этом следует учитывать, что подобной характеристики удостоилась наиболее адаптированная к адыгской военной культуре часть казачества. Источник же указывает, что лишь чуть более половины штурмовавших являлись «линейцами». Остальная часть принадлежала «не пользовавшемуся почетом со стороны кавказских наездников» донскому казачеству⁵¹. В этих условиях основная тяжесть по овладению аулами, очевидно, пала на «линейных» казаков, соответственно и потери в составе их полков должны были заметно превосходить убыль в остальных подразделениях. Однако парадоксальным образом, принимавшие согласно рапорту Фролова активное участие в рассматриваемом событии казаки Хоперского полка, судя по отсутствию информации об этом у скрупулезно отслеживавшего потери полка В.Толстова, не имели даже раненых⁵². Это тем более странно учитывая общепризнанное мнение исследователей Кавказской войны о превосходстве горцев в меткости⁵³.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что если «казаки приступом взяли аулы» остается необъясненной причина, по которой противник понес безвозвратные потери исключительно от штыкового воздействия, а не от шашечной рубки, что было бы естественным в случае боевого соприкосновения с казаками. Странность ситуации, когда тела всех погибших защитников аулов были «поколоты штыками» подчеркивается тем обстоятельством, что подоспевшая пехота Навагинского и 39-го Егерского полков была задействована исключительно против кабардинских абреков в заключительной фазе боя и то лишь «после сильного действия артиллерии». Не избежал здесь противоречия и Ф.А.Щербина, который утверждал что именно «казаки приступом взяли аулы» и что только «те из абреков, которые уцелели от пушечной картечи, погибли под штыками русской пехоты», но по необъясненной причине тела всех погибших были проколоты штыками⁵⁴. Получается, русская артиллерия все это время давала промах, что не согласуется с тем, что она действовала с «удобных мест» и полсотни женщин и детей все-таки погибли от ее действия. При этом следует учесть, что они как наиболее уязвимая часть населения, безусловно, были укрыты в самых безопасных местах. Это значит, что и находившиеся на переднем крае обороны мужчины не могли иметь потерь от действия артиллерии в меньшем размере.

Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, становится очевидной несостоятельность представленной в военном рапорте картины штурма аулов и соответственно тех ее сторон, о которых предпочтено было умолчать. Разбор «сухого остатка» сражения – соотношения потерь (1/5) и учет характера поражения погибших черкесов удостоверяет, что исход боя был предрешен интенсивным артиллерийским обстрелом окруженных аулов. Разумеется, ни о каком решающем вкладе действовавших в «боевом содружестве» с регулярной пехотой казачьих полков в «погроме» аулов говорить не приходится. Их действия в данных условиях могли сводиться лишь к удержанию своих позиций в оцеплении. «Под штыками русской пехоты» погибли не только те, «которые уцелели от пушечной картечи», но, по крайней мере, большинство тех, кто оказался в зоне поражения артиллерии. Иначе невозможно понять способ получения штыковых ударов всеми погибшими черкесами.

Во всяком случае, рассматривая событие через призму участия в нем закубанских кабардинцев можно утверждать, что они выступили наиболее организованной и профессиональной военной силой в ходе обороны аулов. В этом плане закономерно, что в одном из документов составленных в 1864 г. неизвестный автор, обобщая роль хаджретов в военных действиях в Закубанье, охарактеризовал их как: «наиболее воинственных, на которых лежала вся тяжесть прежней войны с горцами, так как они составляли авангард неприязненного нам населения – и которые наиболее нам вредили своею предприимчивостью и знанием местности»⁵⁵.

Исследование хаджретского присутствия в Восточном Закубанье и особенностей его влияния на динамику военно-политического взаимодействия в субрегионе позволяет прояснить основные черты данного процесса. Так, военные лидеры закубанских кабардинцев, в рассматриваемый период, реализовывали эффективную в сложившихся условиях «модель войны» позволявшую наносить противнику наибольший урон при минимальных потерях со своей стороны. Систематичность, глубина и сила хаджретских ударов сделали правый фланг и примыкавший к нему центр наиболее «горячим» участком Кавказской линии. Обеспечение реальной консолидации хаджретского социума и сохранение контроля над значительной, характеризовавшейся осложненной ландшафтной досягаемостью, территорией обусловили роль закубанской Кабарды как ведущего военно-политического актора в субрегионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1878. Т. VII. С. 898–899.

² Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф.Р.-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 47–49.

³ *Томкеев В.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля (окончание). Кавказский сборник (КС). Тифлис, 1899. Т. XX. С. 191.

⁴ ЦГА КБР. Ф.Р.-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 47–55.

⁵ *Томкеев В.* Указ. соч. С. 219.

⁶ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 339. Под правым флангом или Кубанской кордонной линией подразумевался участок Кавказской линии между устьем р. Лабы и верховьем р. Кубань.

⁷ ЦГА КБР. Ф.Р.-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 47–55.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ *Томкеев В.* Указ. соч. С. 203.

¹¹ Там же. С. 191.

¹² Там же. С. 192.

¹³ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 340.

¹⁴ *Томкеев В.* Указ. соч. С. 219.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 224.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13454. Оп. 6. Д. 43. Л. 14–15. Цит. по: *Панеш А.Д.* Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.) Майкоп, 2006. С. 48.

¹⁹ *Томкеев В.* Указ. соч. С. 227.

²⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 131. Л. 3.

²¹ Там же.

²² *Орбелиани Г.* Путешествие мое из Тифлиса до Петербурга. Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. I. С. 230.

²³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 131. Л. 3.

²⁴ АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 903.

²⁵ Там же.

²⁶ *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М, 2000. С. 217.

²⁷ Там же. С. 218.

²⁸ *Толстов В.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска 1696. – 1896. Приложения к I-й и II части. Тифлис, 1901. С. 153.

²⁹ РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³⁰ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 340.

³¹ Там же. С. 343.

³² *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 440.

³³ РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 67. Л. 6.

³⁴ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 342, 340.

³⁵ *Томкеев В.* Указ. соч. С. 200.

³⁶ АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 340.

³⁷ Там же.

³⁸ ЦГА КБР. Ф.Р.-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 47.

³⁹ Там же. Л. 47–55.

⁴⁰ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 190.

⁴¹ *Томкеев В.* Указ. соч. С. 220.

⁴² Архив института гуманитарных исследований при правительстве КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 132; Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/2. Д. 3. Л. 272–273.

⁴³ При ознакомлении с ситуацией в Восточном Закубанье рассматриваемого периода, довольно часто встречается упоминание района Каладжинского укрепления как важного пункта в ведении боевых действий. В связи с этим уместно указать на аргументацию генерала Емануеля противившегося его упразднению. 10 апреля 1831 г. Емануель доносил Паскевичу, что «укр. Каладжинское расположенное при слиянии рр. Б. и М. Лабы, есть ключ множества ущелий, выходящих от сих рек, на которых обитало густое население мирных и непокорных нам народов. Центральное положение и кратчайшие пути, связывавшие его с важнейшими пунктами на Кубани, «во все времена» делали уроч. Каладжа сборным местом горцев для набегов на линию... С уничтожением укр. Каладжинского, мы уступали закубанцам выгодную позицию для набегов на линию». В крайнем случае, генерал готов был пожертвовать заложенными со значительными затруднениями Ивано-Шебшским и Длиннолесским укреплениями «ибо в сем случае вышеописанныя невыгоды не могут быть столь важны». – *Томкеев В.* Указ. соч. С. 204–205.

⁴⁴ Ф.А. Щербина, а вслед за ним и Ю.Ю. Клычников ошибочно относят данное событие к ноябрю 1832 г. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. II. С. 399–400; *Клычников Ю.Ю.* Указ. соч. С. 440–441.

⁴⁵ Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Сост. С.Х. Хотко. Майкоп, 2009. С. 209.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов. М., 1957. Т. II. С. 43.

⁵⁰ Там же. С. 158.

⁵¹ *Потто В.* Яков Петрович Бакланов (биографический очерк). Военный сборник. СПб., 1877. Т. XVII. Ч. II. С. 3; *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 139–140.

⁵² *Толстов В.* Указ. соч. С. 153.

⁵³ *Лалин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 83, 221.

⁵⁴ *Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 400.

⁵⁵ *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 91. Здесь следует указать, что в источнике в качестве «авангарда» наряду с кабардинцами упоминаются бесленеевцы, темиргоевцы и егерукаевцы. Однако последние находились в орбите интенсивного хаджретского влияния. См.: *Алов Т.Х.* Хаджреты в исследовательском дискурсе Хан-Гирея. Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа. Нальчик, 2009. С. 318–319.

Нападение на Ладожскую станицу в сентябре 1832 г.: неудачный штурм или успешный побег?

При исследовании особенностей военного противостояния на правом фланге Кавказской линии в начале 1830-х гг. периодически встречаются документы военного ведомства, характерной чертой которых является наличие многочисленных неточностей и противоречий, не вытекающих вовсе из описываемого ими событийного контекста. Достаточно ярким примером подобного нарратива является рапорт начальствующего на Линии генерала А.А. Вельяминова командующему Отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розену, посвященный обстоятельствам нападения черкесского отряда на станицу Ладожскую 23 сентября 1832 г.¹ В связи с необходимостью максимально обстоятельного выявления указанных противоречий (что в свою очередь позволит очертить наиболее вероятный абрис данного события) позволим себе довольно пространное извлечение из документа.

В нем говорится, что «человек до 800 закубанцев, прибывши к Кубани, как полагают в ночное время, скрылись в камышах и 23-го сентября, по восхождении солнца, быстро бросились к Кубани и начали переправляться через оную в брод, против самой Ладожской станицы, в коей ... все ворота были крепко заперты; но некоторые из жителей были уже с прикрытием выпущены к Кубани за водой и они, увидавши переправу неприятеля, бросили волов и лошадей с бочками, прибежали в станицу и дали о том знать. По сделавшейся тревоге, едва только наши успели приняться за оружие, как закубанцы ударили на водяные ворота и, несмотря на упорную защиту часовых, ворвались до 200 чел[овек] в станицу, потерявши при сем 6 чел[овек] убитыми, и бросились прямо на площадь, где собравшиеся казаки и упомянутая команда Навагинского пехотного полка встретили их ружейными выстрелами. Отсюда хищники рассеялись по улицам, но везде были преследуемы и поражаемы огнестрельным и холодным оружием и даже дрючками, причем, однако, схвативши несколько женщин и мальчиков, они кинулись к Усть-Лабинским воротам и, сражаясь с караульными и прочими

казаками и солдатами, весьма в малом числе туда подоспевшими, отбили ворота и удалились за станицу, потерявши при сем убитыми 14 чел[овек] и две лошади.

Тогда как сии 200 чел[овек] были в станице, остальные хищники, после переправившиеся через Кубань, видя невозможность вторгнуться в станицу по оврагу водяными воротами (где действие орудия гарнизонной артиллерии и ружейные выстрелы сбежавшихся жителей препятствовали тому), разделились на две части и окружили станицу; но везде находя запертые ворота и усиленный караул, с отчаянностью бросались на оные, особенно на Степные и Тифлиские ворота, где убито их 6 чел[овек]. Потом спешенные в большом числе закубанцы кинулись в станицу прямо через ограду и ворвались в один дом, куда подоспели казаки и солдаты и отразили их обратно через ограду же, причем убито ружейными выстрелами и холодным оружием еще 12 хищников, кои, видя столь сильное сопротивление с нашей стороны, обратились в бегство на прежнюю переправу, причем действием орудия гарнизонной артиллерии убито их еще 7 чел[овек], да казаками, выбежавшими за станицу для преследования, убито же 4 чел[овека] и 6 лошадей»².

Вся совокупность огрехов и противоречий рапорта находит отражение по всему тексту документа. Но ввиду его большого объема выше приведена лишь цитата, непосредственно описывающая приступ станицы; иные обстоятельства, по которым можно характеризовать уровень компетентности и добросовестность командиров на местах в оповещении вышестоящего командования о событиях на Линии остались за рамками представленной цитаты. В связи с этим позволим себе предварительно рассмотреть те эпизоды из приведенного материала, которые вызывают вопросы, а затем попытаемся их увязать с «нестыковками», оставшимися за рамками цитаты.

Прежде всего, обращает на себя внимание нехарактерное дробление черкесами своих сил при форсировании р. Кубань. Как правило, при переправах черкесская конница максимально быстро общими силами преодолевала водный рубеж в силу того, что стремительность действий в подобных обстоятельствах выступала одним из важнейших факторов успеха. Поэтому весьма шаткой представляется версия о переправе, сначала только четвертой части отряда, и лишь спустя некоторое время и остальных сил. Исходя из сообщения документа о том, что черкесы приготовились к атаке и ждали лишь рассвета понятно, что в данном случае говорить о разведгруппе (разъезде) или авангарде в 200

человек говорить не приходится. Объект нападения был избран заранее, и он должен был быть атакован максимально возможными силами и они никак не могли быть ограничены четвертой частью имеющейся мощи отряда. Также очевидно, что при форсировании реки надводные транспортные средства не использовались, т.е. причин для дробной переправы ввиду нехватки плотов или других приспособлений не было. Объясняющим мотивом подобной переправы могло бы служить намерение захвата станицы путем длительной осады. Однако подобного прецедента, в силу ряда причин, на правом фланге практически не было зафиксировано за все десятилетия противостояния.

Неестественно контрастной представляется складывающаяся при ознакомлении с текстом рапорта картина стремительного удаления первых двухсот «закубанцев» из станицы после весьма благополучного их проникновения туда (при потере 3% убитыми). Вряд ли такая убыль могла быть сочтена уже прорвавшимися к центру станицы черкесами губительной для себя и принудить их к спешному отступлению, обрекавшему на уже более значительные потери. Приведенные в рапорте данные позволяют говорить о том, что они могли успешно закрепиться на занятых позициях и дожидаться подхода основных сил. При этом нельзя сводить скорое изгнание (или отступление) первых двухсот черкесов и к отсутствию помощи со стороны главных сил атакующих, так как в тексте причинно-следственной связи между этими двумя компонентами сюжета не обнаруживается.

В связи с этим необходимо указать на неубедительность и последующего описания боя. В частности, трудно объяснить причину, по которой основная часть «штурмующих» не смогла пробраться теми же самыми «водяными воротами» через которые в соответствии с документом в станицу с небольшими потерями прорвались первые 200 человек. Однако согласно букве текста получается, что черкесы увлеклись прорывом и оголили свой тыл – этим якобы моментально воспользовались защитники станицы и при помощи одного орудия и «ружейными выстрелами сбежавшихся жителей» приступ основных сил неприятеля был остановлен. Но если в самом рапорте признается «неимение в станице служащих казаков»³ и основная сила защищавшая станицу – 60 солдат Навагинского полка уже втянулась в бой с двумястами черкесами, прорвавшимися к станичной площади, возникает, по крайней мере, один неустрашимый вопрос. Где нужно искать источники столь интенсивного огня способного остановить натиск на уже пробитые ворота кавалерии численностью не менее четырехсот

наездников (допуская, что еще 200 человек остались на берегу реки для прикрытия)?

Трудно представить каким образом на «водяных воротах» – месте основного удара мгновенно после него начало действовать орудие. Для этого, по меньшей мере, необходимо наличие самого орудия и его расчета. Если во время первого удара орудие бездействовало можно заключить, что его на месте не было или же оно имелось, но рядом не было артиллеристов, чтобы им могли воспользоваться. Принимая во внимание что эта «пушка» являлась «орудием гарнизонной артиллерии» есть вероятность, что его лафет находился на «стационарной» позиции. В таком случае оказавшееся в руках «закубанцев» орудие было бы немедленно приведено в негодность в силу его нетранспортабельности или же была бы выделена «команда» для присмотра за ним. В условиях Кавказской войны когда именно наличие артиллерии составляло «константное» преимущество российских войск очевидно, что при овладении орудием черкесы не оставили бы его без соответствующего внимания. Если же предположить, что при «ударе на водяные ворота» там не было орудия, что более вероятно (ввиду того, что тогда оно бездействовало, а в источнике не упоминается его «отбитие» и перед вторым ударом, что было бы непременно отмечено, если бы такой факт имел бы место) проблема также не устраняется. Невозможно объяснить, из каких предпосылок исходил автор решения об оперативном перемещении орудия на место только что произведенного прорыва в тыл атакующего противника, когда еще не было ясно, смогут ли оборонявшиеся справиться с его вклинившимся вглубь станицы острием. Даже допустив такую сверхпроницательность командира, остается необъясненной форма реализации данного решения. При той плотности прорвавшегося в станицу противника, указанного в рапорте, осуществление подобного «маневра» было обречено на неудачу.

Как бы то ни было следует напомнить, что одно орудие не в состоянии интенсивно осыпать наступающие ряды картечью; перезарядка занимает определенное время. В условиях стремительного приближения противника его нехватка оборачивается неконтролируемыми последствиями для обороняющихся.

Вызывает недоверие и указание в рапорте на то, что отступавшие из станицы черкесы обратились не на открытые «водяные ворота» (через которые они ворвались в станицу), подвергавшиеся второй волне атаки, что обещало возможность соединения раздробленных сил, а «кину-

лись к Усть-Лабинским воротам и, сражаясь с караульными и прочими казаками и солдатами... отбили ворота и удалились за станицу...».

Допустив подобные действия черкесов соответствующими действительности, следует их признать ошибочными (что вполне естественно в условиях боя). Но все-же трудно объяснить упорство «закубанцев» которые продолжали атаковать именно наиболее «проблемные» для штурмующих участки обороны станицы. На этот раз, почему-то игнорируя уже «отбитые» Усть-Лабинские, нападавшие обратились к самым дальним от себя Степным и Тифлисским воротам, как будто нарочно осложняли себе задачу⁴.

Вслед за этим, в тексте документа идет изображение того как противник «в большом числе» проникший «в станицу прямо через ограду» был обращен в бегство «на прежнюю переправу»⁵. В контексте предыдущего описания сражения данная линия в тексте выглядит еще менее убедительной – стоило ли столь упорно атаковать закрытые ворота (игнорируя уже два пробитых), когда можно было проникнуть в станицу «через ограду»?!!

Далее, обращает на себя внимание, мало согласующееся с реалиями ведения войны в регионе положение документа, по которому «спешенные в большом числе закубанцы» (а в описываемых условиях их меньше нескольких сотен быть не могло) были обращены «в бегство на прежнюю переправу» подоспевшими казаками и солдатами. Допуская, что последние еще не имели никаких потерь, а боеспособных казаков (даже с учетом вышеуказанного обстоятельства «неимения в станице служащих казаков») было столько же, сколько «навагинцев», следует признать, что «станичники» сражались с в несколько раз превосходящими силами противника без помощи спасительного для них «орудия гарнизонной артиллерии».

В действительности, регулярная пехота могла выдержать некоторое время натиск даже превосходящей по численности черкесской кавалерии в случае действия, на открытой, непересеченной местности, выстроившись в каре и при активной поддержке артиллерии. В рассматриваемых обстоятельствах оба условия отсутствовали. Казаков же, упомянутых в документе, как серьезных противников для сотен черкесов рассматривать не приходится, несмотря на то, что это были начавшие приспособляться к войне с ними «линейцы» хотя бы потому, что это не могли быть служащие казаки, «кои находились в отрядах вверх по Кубани»⁶, а старики и «малолетки». К тому же в условиях противоборства в населенном пункте, сражение распалось на отдельные бои,

«в которых горцы, виртуозно владевшие холодным оружием, получали заметное преимущество»⁷.

Цифровые выкладки в тексте документа также вызывают серьезные сомнения. В рапорте утверждается, «что при сем нападении закубанцев на упомянутую станицу убито их до 25-ти чел., из коих 11 тел остались в станице; остальные выхвачены горцами почти из рук казаков и увезены; раненых же между ними оказалось до 70-ти чел., из коих многие скоро померли...»⁸ Легковесность последнего утверждения очевидна; при отсутствии всякой возможности со стороны вышестоящего начальства проверить эти данные составители рапорта могли с равным успехом увеличить число черкесских потерь. Однако неустрашимое противоречие возникает при сопоставлении вышеупомянутых отдельно 6, 14, 6, 12, 7 и 4 погибших «хищников» с итоговым числом в 25 убитых «закубанцев»⁹. Здесь уместно указать на замечание одного из современных исследователей Кавказской войны о том, что «рапорты военачальников сильно преувеличивали потери противника»¹⁰.

Довольно странным представляется и то обстоятельство, что в соответствии с данными рапорта боевая единица, на которую пала основная тяжесть неприятельской атаки – Навагинский пехотный полк имел только одного убитого¹¹. Даже при самых благоприятных для «навагинцев» условиях боя указанное соотношение потерь просто немислимо. В данном же случае наблюдается один из самых неудобных для «кавказской» пехоты сценариев; если при первом столкновении 60 «навагинцев» могли еще действовать более или менее кучно, то далее боевое соприкосновение неизбежно распалось на отдельные очаги. В этом случае указанными потерями убыль в рядах русской пехоты ограничиться не могла.

Примечательно, также, что оказавшиеся в плену «10 мальчиков от 1-го до 16-ти лет от роду, женского пола 9 душ» обозначены в тексте рапорта как «несколько женщин и мальчиков»¹². Это притом, что содержание слова «несколько» семантически соответствует современному его пониманию и означало «немного, не очень много, мало»¹³.

В описании действий начальника Прочноокопского участка во время и в первые часы после штурма Ладожской станицы также наблюдаются определенные неясности. Согласно рапорту Вельяминова «командующий Прочно-Окопским участком» подполковник Васмунд еще 22-го сентября получил сведения о выступившей «партии закубанцев». В свою очередь он «предварительными распоряжениями» известил станицы на Линии об угрозе нападения и даже успел напра-

вить для усиления обороны Ладожской станицы «команду» из 60-ти рядовых Навагинского пехотного полка¹⁴. Сам же собрав значительный отряд состоявший из 500 казаков, 100 ногайцев и двух рот пехоты с тремя конными орудиями двинулся против неприятеля и на рассвете 23 сентября «открыл следы хищников идущие от одного (Песчанного. – Т.А.) брода вниз по Кубани»¹⁵. Следуя по ним отряд «получил в 10 часов утра уведомление, что горцы в больших силах на рассвете того же дня сделали нападение на Ладожскую станицу, почему, оставя пехоту, подполк[овник] Васмунд со всеми казаками и орудиями, быстро пошел к означенной станице...»¹⁶.

Если до этого момента описанные в рапорте действия, хоть и не отличались безупречностью, в них просматривалась определенная логика и стремление следовать привычной для линейного начальства схеме реагирования на возникающие угрозы. В изложении же последующих шагов особого старания прикрыть флером правдоподобности неадекватность принятых решений уже не наблюдается (хотя робкая попытка обосновать их целесообразность все же предпринимается). Так, в рапорте сообщается, что командующий Прочноокопским участком «против Саламатина поста получил известие, что партия, нападавшая на станицу, обращена за Кубань и взяла направление на Зеленчук, почему он, видя, что отряд, с ним бывший, сделавши более 100 верст усиленного хода, не может продолжать далее преследование, по усталости артиллерийских и казачьих лошадей, обратил оный на свои места»¹⁷.

Несмотря на краткость, данное извлечение из рапорта буквально изобилует примерами неадекватного восприятия хода событий и соответствующего образа принятия решений. Другими причинами трудно объяснить, во-первых, что отряд подполковника Васмунда продвигаясь по следам противника умудрился не встретиться и даже не заметить возвращавшегося если не по своей собственной «сакме», то, по крайней мере, не в дальнем от нее (максимум в пределах 10 км) расстоянии на том же правом берегу речки Зеленчука неприятеля. О том, что это было весьма проблематично свидетельствует наряду с упомянутым утверждением («партия, нападавшая на станицу, обращена за Кубань и взяла направление на Зеленчук») и уточнение приведенное в том же тексте («хищники, переправясь через Кубань со взятыми у нас в плен людьми и скотом, поспешно двинулись на Песчаный брод через р. Зеленчук»)¹⁸. В пользу того, что двигавшиеся

навстречу противники не могли разойтись незаметно друг для друга говорит и замечание все того же Вельяминова спустя почти пять лет после этих событий. Он писал: «Во второй половине сентября 1832 году, закубанцы напали на станицу Ладожскую, переправясь чрез Кубань против самой станицы. Чрез ту же переправу пошли они и в обратный путь. В этом случае также должны были, как для нападения, так и в отступлении, проходить местами плоскими и совершенно открытыми»¹⁹.

Во-вторых, Васмунд не совсем корректен говоря о невозможности «продолжать далее преследование» черкесов, т.к. по большому счету речь до тех пор шла лишь о «преследовании» по предполагаемому маршруту движения адыгов. В общепринятом понимании до «преследования» в смысле погони, когда ее объект явственно ощущает обращенную в его сторону угрозу, дело так и не дошло. Как это ни странно, Васмунд вместо того, чтобы дожидаться отступавшего в его сторону противника, направив по флангам разъезды, с целью исключить возможность беспрепятственного прохода «закубанцев», «обратил» отряд «на свои места», т.е. отправил назад. При этом весомость вышеупомянутых мотивов об «усталости артиллерийских и казачьих лошадей» в связи с более чем 100 верстами «усиленного хода» весьма мала. Судя по содержанию рапорта, из всего отряда под командованием Васмунда лишь сотня ногайцев, прибывшая из Прочного Окопа, однозначно преодолела за упомянутое время расстояние значительно больше, чем в 100 верст. Казаки, выступившие из станицы Григорополисской, также прошли чуть более ста верст. Однако части отряда из станиц Темижбекской и Кавказской покрыли значительно меньшее расстояние. Первые примерно на тридцать, а вторые на пятнадцать верст меньше, чем выступившие из Григорополисской. Таким образом, не все составляющие сводного казачьего отряда были утомлены одинаково. К тому же «24 штуки» «рогатого скота»²⁰ и 19 пленных сильно отягощали отходивших черкесов, что не могло не снизить скорость их передвижения, в чем они при прочих равных условиях, безусловно, превосходили казаков. К этому следует добавить, что своевременное оповещение остававшихся в тылу двух рот «навагинцев» (присоединившихся к казакам у станицы Казанской и соответственно менее утомленных) могло обеспечить значительное подкрепление в случае завязки боя, тем более что самостоятельно они вряд ли могли выступить действенным заслоном против черкес-

ской конницы* ²¹. Думается, что решительные действия с учетом этих факторов, несомненно, имели бы большую эффективность в нанесении урона противнику, нежели «шаблонное» преследование спустя два часа после отхода черкесов организованное казаками с постов по Кубани и пехотой из станицы Тифлисской** ²².

При этом рассмотрение самого отхода черкесских сил убедительно показывает слаженность и четкость в осуществлении этого этапа «операции» исключавшие всякую возможность его характеристики как «бегства». Так, они «перейдя первый Зеленчук, разделились на две части: одни пошли вниз к р. Лабе мимо кошей мирных темиргоевцев на аулы, находящиеся над Лабой, через которую переправились выше того места, где был аул кн[язя] Мисоуста; другие же вверх по Зеленчукам»²³. Вполне логично усмотреть в подобных действиях черкесов строгий расчет; скорее всего убитых, раненых, всех пленных и отбитую добычу кратчайшим путем через Лабу вглубь Закубанья сопровождала первая часть разделившихся наездников. Остальные же продолжая продвигаться по открытой степной местности «вверх по Зеленчукам» стремились отвлечь на себя возможную погоню. Об этом говорит то, что на своем левом фланге эта часть черкесских сил оставила большинство станиц Прочноокопского участка Кубанской линии. Разумеется, продвижение на значительное расстояние под угрозой мощного флангового удара не могло не обусловить определенные критерии отбора в этот отряд, костяк которого наверняка составляли закубанские кабардинцы. Ведь длительное время до и после нападения на Ладожскую станицу во многом именно хаджретские лидеры выступали наиболее профессиональными и последовательными организаторами кавалерийских рейдов на правый фланг. В этом плане оснований для того чтобы считать рассматриваемое событие исключением не имеется. Здесь необходимо

* «Навагинцы», оставленные без артиллерии, не могли задержать отходившую черкесскую конницу, так как зона поражения пехоты сильно была сокращена. При наличии у них артиллерии, возможно, указанные в источнике две роты смогли бы создать огневое воздействие во фланг черкесскому отряду, как это имело место при отходе сводных сил кабардинцев и западных адыгов из-под Незлобной 9 июня 1828 г.

** Ясное представление о характере реагирования на рейды против интересующего нас участка Линии дает содержание «отношения» барона Розена к графу Чернышеву от 21-го апреля 1832 г. В частности, он писал, что черкесы «проходят за пограничную черту часто прежде, нежели на оной делается известным о прорыве их. Донские казаки, на постах по большой дороге находящиеся, известясь о хищничестве, собираются на ближайшем к месту происшествия посту и отправляются для преследования хищников, иногда чрез сутки и более по удалении их».

добавить, что впечатление опрометчивости, возникающее при взгляде на выбранный отходившим отрядом маршрут, исчезает, если учесть, что черкесы предусмотрительно оставили с угрожаемого фланга топку рекку Зеленчук. В случае необходимости это обеспечивало вступление в бой при наиболее благоприятных для «закубанцев» условиях.

В целом ознакомление с содержанием рапорта генерала Вельяминова об обстоятельствах нападения на Ладожскую станицу позволяет вести речь о значительном искажении описанного в нем события. Не прибегая к дальнейшему разбору оказавшихся за рамками представленного анализа сомнительных суждений, можно сказать, что документ представляет собой попытку оправдать действия начальника Прочноокопского участка Кубанской линии путем сгущения красок, преувеличения масштабов черкесского натиска при изображении героических (а главное успешных) действий подведомственных подполковнику Васмунду «скромных» сил. Под аккомпанемент откровенно комплиментарного лексического сопровождения его решений со стороны генерала Вельяминова перед легковерным к его словам бароном Розеном упорно выстраивалась картина решительного штурма Ладожской станицы. Однако при критическом взгляде на повествование обнаруживается уязвимость основных положений текста. В результате получается не панорама отражения масштабного штурма. Скорее речь может идти об обозначившихся контурах молниеносного и успешного набега черкесской конницы на казачью станицу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Составление и вступительная статья С.Х. Хотко. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. С. 210–211.

² Там же. С. 211.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ *Латин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Звезда, 2008. С. 114.

⁸ Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Составление и вступительная статья С.Х. Хотко. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. С. 211.

⁹ Там же.

¹⁰ *Латин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Звезда, 2008. С. 48.

¹¹ Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Составление и вступительная статья С.Х. Хотко. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. С. 211.

¹² Там же.

¹³ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. Т. II. С. 535.

¹⁴ Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Составление и вступительная статья С.Х. Хотко. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. С. 211.

¹⁵ Там же. С. 210.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 211.

¹⁹ Там же. С. 232.

²⁰ Там же. С. 211.

²¹ *Филонов С.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. Т. XV. Тифлис, 1894. С. 397.

²² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 343.

²³ Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Составление и вступительная статья С.Х. Хотко. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. С. 211.

Особенности военного противостояния на Кубанской линии в 1832–1833 гг.

Со времени начала реализации условий Адрианопольского договора 1829 г. по фактическому присоединению Закубанья российское военное командование испытывало серьезное противодействие со стороны населения его восточных районов. Несмотря на то, что основная масса адыгского населения проживала к западу от бассейна р. Лабы, особое напряжение в 1830–1831 гг. создавалось на тех участках Линии, которые блокировали Восточное Закубанье. Во главе сопротивления российской политике стояла Кабарда. Систематическое вовлечение сил некоторых западноадыгских сообществ и феодальных владений, а также вассальных абазин в кавалерийские рейды на Линию позволяло лидерам закубанских кабардинцев успешно расшатывать казачью оборону по р. Кубань.

Общая картина военного противостояния не изменилась и в 1832 году. Этому способствовало то, что для исправления «пограничной цепи» Линии, считавшейся в предыдущем году «слабой», по-видимому, не было предпринято решительных мер. По крайней мере, к последней декаде апреля 1832 г. корпусной командующий продолжал считать, что зона интенсивной хаджретской активности на Линии «представляет все удобства для хищников»¹. Характеризуя образ действий противника, он отмечал: «Неожиданно и быстро прорываясь через слабую пограничную черту, они, внутри границ, по неимению кавалерийских резервов не встречают никакого препятствия и по плоскому, удобному для конницы, местоположению могут наносить безнаказанно разорение селениям внутри Кавказской области расположенным, и самое сообщение по большой дороге от Ставрополя к Георгиевску делают часто крайне опасным»². Красноречивое свидетельство такого положения обнаруживается в переписке военного министра графа Чернышева, который в своем «отношении» от 30 апреля, 1832 г., в частности, писал, «что в недавнем времени горцы напали близ станицы Безопасной (имеется ввиду село Безопасное располагавшееся в нескольких десятках километров к северу от Ставрополя»³. – *Т.А.*) на проезжавших с [татского] со-

ветника] Чиляева и чиновника Шульца; в 3-х верстах от Георгиевска на цыган, из числа которых многих изрубили, а остальных увели в плен; близ Московского тракта ограбили на значительную сумму денег русских купцов и, наконец, напали на военный кордон, близ р. Кубани учрежденный, где хищники, изрубив несколько казаков, захватили в плен начальника кордона майора Горленко и кап[итана] Тихонова»⁴. В том же апреле из-за Кубани были произведены рейды на Троицкие хутора и под Константиногорское укрепление. В ходе сентябрьского прорыва «близ Ставрополя» российские войска понесли ощутимые потери даже в офицерском составе⁵.

Этот месяц был также ознаменован одной из наиболее заметных акций года – набегом на Ладожскую станицу 23 сентября 1832 года. Подробности этого события содержатся в рапорте генерала Вельяминова на имя командующего Отдельным Кавказским корпусом барона Розена от 8 ноября того же года. При ознакомлении с данными этого документа вырисовывается картина молниеносного рейда черкесской конницы на указанный населенный пункт, оборона которого оказалась не в состоянии противостоять проникновению наступающих сил противника внутрь станицы, что обернулось тяжелыми потерями как в рядах его защитников так и среди населения станицы⁶. В последующие три дня в разных районах Восточного Закубанья и на смежных с ним территориях происходили перестрелки и схватки горцев с казаками, в ходе которых последние несли ощутимые потери⁷. В октябре нападению подверглись селение Ореховское и Ногайский аул. Спустя месяц, 30 ноября, сводный отряд, состоявший из «беглых» кабардинцев, абазин и западных адыгов атаковал станицу Убеженскую и нанес ее жителям значительный материальный урон⁸. 5 декабря произошла «схватка с горцами разъезда (казаков. – Т.А.) вблизи поста Верхне-Абазинского».

Такой накал черкесского натиска на Линию вынуждал командование искать новые формы борьбы с противником. Определенная часть российских военных кругов признавала неэффективность осуществления «репрессалий» с точки зрения перспектив ближайшего завершения военных действий в регионе. Однако, несмотря на обилие «проектов» по окончательному усмирению Кавказа, направляемых в военное ведомство, альтернативы подобной тактике выработано не было. В июле 1832 г. генерал А.А. Вельяминов отмечал, что «экспедиции сии не могут служить к окончательному и решительному покорению горцев, но они необходимы для удержания сих хищных народов от вторжения в ... границы наши... если успешная оборона противу набегов почти не-

возможна, то что же будет удерживать горцев от нападения на селения наши, если отнимут у них страх равного воздаяния?» На замечания о том, что подобного рода действия лишь усугубляют конфронтацию между сторонами, многоопытный генерал с наивным видом отвечал: «Я готов согласиться с сим заключением, если кто-нибудь докажет, что горцы оставят нас в покое, когда мы не будем нападать на них»⁹. В соответствии с подобной логикой получается, что черкесы, в частности хаджреты, нападали не на укрепления и крепости, основанные на территориях Западной Черкесии и Кабарды, а на населенные пункты Центральной России. Однако такое предположение само собой отпадает, когда на страницах того же издания встречаешь план под названием «Кавказская оборонительная линия» (1832), составленный инженером-подполковником Бюрно, где он предлагает действовать «преимущественно наступательно»¹⁰.

Хаджреты со своими западноадыгскими союзниками отвечали адекватной тактикой ведения боевых действий. Приведем ставшую хрестоматийной цитату внимательного наблюдателя за событиями на Кавказе Ф. Энгельса, который писал про черкесов: «Сила их была во внезапных нападениях на посты и военные укрепления русских войск, дерзких рейдах в их тыл, умелых засадах и т.д. Они были мобильны, активны, и всегда пытались действовать на опережение неприятеля, придерживаясь в основном наступательной тактики»¹¹. Специфика хаджретского сопротивления вполне соответствовала подобной характеристике. Об этом свидетельствуют и данные о потерях российских войск за 1832 г., опубликованные А. Гизетги. Судя по его таблице, из 435 офицеров и солдат, погибших тогда на Кавказе, осужденное большинство – 284, приходится на левый фланг Линии. И это с учетом того, что в это время в ходе подавления «мюридистского» движения Гази-Магомеда военное противостояние в Дагестане и Чечне достигло особого напряжения.

Остальная часть убитых, 151 человек, приходится в основном на участки Кавказской линии, являвшиеся объектом воздействия со стороны западных адыгов и закубанских кабардинцев. Примечательно, что все потери среди офицерского состава из числа погибших – это потери в районе правого фланга Линии (следует отметить, что в указанном сборнике в отличие от нижних чинов, указываются имена, звания офицеров, а также время и место их гибели)¹². Поэтому логично предположить, что основная масса потерь среди нижних чинов также относится к этому району. Таким образом, не будет преувеличением

сказать, что именно хаджретской активностью обуславливались такие цифры.

Структура сведений о потерях российских войск высвечивает и другие черты, характеризующие общий характер ведения хаджретами войны. Так, из 219 случаев пленения российских военнослужащих в 1832 г. только девять можно уверенно отнести к Дагестану и Чечне¹³. Остальные 210 были, по всей видимости, захвачены адыгами. Есть все основания полагать, что именно в ходе хаджретских рейдов удавалось указанным способом нейтрализовать довольно ощутимые силы противника. В пользу этого говорит и то, что при другом характере действий на левом фланге, когда отряды мюридов в основном оборонялись в укрепленных селениях от «правильно» организованной осады российских войск первым практически не удавалось захватывать солдат в плен. Львиную долю потерь среди российских войск в таких условиях составляли раненые¹⁴. Наоборот, войска, участвовавшие в боевых действиях с хаджретами, имели относительно мало потерь ранеными.

Одним из ключевых факторов эффективного сопротивления хаджретов, в частности их успешных рейдов на Линию, являлось то обстоятельство, что закубанские кабардинцы, несмотря на прекращение (в общем) своего этнического присутствия в ареале расселения карачаевцев с 1828 г., продолжали пользоваться существенным влиянием в данном районе. Это выражалось в проявлении карачаевцами устойчивой лояльности к хаджретам, осуществлявшим военные акции на Линии. При этом режим благоприятствования реализовывался по отношению к ним не только на начальных, во многом латентных для российского военного командования стадиях «операций», но и во время отхода через территории, контролируемые карачаевцами. По большому счету Карачай в тот период сохранил положение плацдарма и «операционной базы» для хаджретских рейдов на Линию.

Вышесказанное подтверждается следующими событиями. «Питая ненависть» к одному ногайскому узденю из мирного Тохтамышевского аула, отряд хаджретов в ночь с 4 на 5 ноября 1832 г. захватил (в отсутствие мужа) его жену. Спустя несколько месяцев, после выкупа, ногайская узденья сообщила подробности этого происшествия. С ее слов было записано, что после захвата они «поскакали по направлению к карачаевским владениям и целую ночь нигде не останавливались, на другой же день остановились в карачаевском кошу, где зарезали баранов и после продолжили путь свой по карачаевским владениям и на 8 день переправились (через – Т.А.) Кубань близ карачаевского какого-

то аула. Злодеи взявшие ее были беглые кабардинские абреки Мурза (князь. – Т.А.) Джембулат Атажукин, Ислам Дадаруков, узденья Ахмет Эфендий с сыном Магометом, брат эфендия Хаджи Эки, Магомет Тремижу, Халил Карлов(Кармов. – Т.А.), Хабуха Тормижев, МахOMET по прозванию неизвестного, Самкогуров по племени неизвестного и еще три кабардинца ей неизвестных и бежавшие бабуковцы Сульман Карлов (Кармов. – Т.А.)»¹⁵. Кроме них в документе говорится еще о пятирх бабуковцах, присоединившихся к хаджретам.

Симптоматично, что в большинстве хаджретских акций активное участие принимали абазины, представители западных адыгов, а в данном случае и карачаевцы. В представленном документе зафиксировано, что кроме указанных лиц находившиеся в отряде Дж. Атажукина «беглые Лоовцы Мурза Салим Гирей Лоов, узденья Идрис Джегутанов, Исмаил Джегутанов, Умар Жемомбаев и еще Усман по прозвищу неизвестный; карачаевцы Хаджи Али-забудов, Ибрагим Бурунов переправясь (через. – Т.А.) Кубань заезжали еще на один карачаевский кош где отдыхали и резали баранов...»¹⁶.

Думается, что пребывание хаджретов на номинально подконтрольной России территории в течение более чем восьми дней, присутствие самих карачаевцев, а также гарантированное обеспечение отряда по всему маршруту передвижения всем необходимым иллюстрируют сохранение весьма прочных позиций закубанских кабардинцев в Карачае.

Существенным фактором экономической, а еще точнее продовольственной со-ставляющей устойчивости хаджретского социума в условиях периодических военных действий, частых перемещений населенных пунктов в целях безопасности и соответственно систематического неосуществления сельскохозяйственных работ была практика приобретения необходимых продуктов у «замирившихся» горцев¹⁷.

К исходу 1832 г. в хаджретской Кабарде, демонстрировавшей до этого высокую степень устойчивости к неблагоприятному внешнему воздействию в условиях перманентной войны, стали проявляться симптомы социального кризиса, а также общей «усталости» всего населения.

Наименьшую значимость имели, безусловно, проблемы адаптации кабардинцев в субрегионе и их дальнейшей интеграции с западноадыгскими субэтническими группами. На данный момент, мы имеем лишь один пример наличия сложностей в данной сфере. В августе 1836 г. «выбежавших в 3-й дистанции кордона из плена от Закубанцев кабар-

динского племени черкесина Османа Шердана с женою Габзе» препроводили к «исправляющему должность наказного Атамана войска Черноморского ген.-м. Заводовскому». Осман Шердан сообщил, что «из племени он непокорного России закубанскаго кабардинскаго народа, в 1832 г. он был взят в плен черкесами Абазехскаго владения и продан Сапсугскаго племени черкесину...»¹⁸.

Говоря о симптомах нравственно-психологического перелома среди части княжеско-дворянского сословия, прежде всего стоит вспомнить князя Исмаила Касаева, который на протяжении 1820-х гг. являлся одним из наиболее непримиримых противников Российской империи. На рубеже 1820-х–1830-х гг. он уже практически перестал фигурировать в качестве предводителя военных рейдов, а в 1832 г. «покорился добровольно» и в следующем году присягал¹⁹. Этот шаг Касаева, по-видимому, явился своего рода сигналом для той части хаджретов, которая наиболее остро осознавала бесперспективность открытого военного противостояния России.

Несмотря на то, что еще задолго до этого отдельные представители закубанских кабардинцев отказались от военного сопротивления России (как например владетельный уорк Хауд-Хаджи Хагундоков, покорившийся в 1823 г. и присягнувший в 1828 г.)²⁰, именно в рассматриваемое время прецеденты «замирения» начинают приобретать характер устойчивой тенденции. Так, в 1832 г. покорились, а в 1833 г. присягали на верность России знатные дворяне Хаджали Кубатов и Магомет Атлескиров. В первой половине 1833 г. от князя Пшимахо Бесленова бежали его уорк Мисост Джигунов «с женою, сестрою, тремя сыновьями и одною невесткою»²¹. В марте на Линию вышел абазинский дворянин (вассал Трамowych) Дзев Жейтемиров с семьей²². При этом следует отметить, что не все дворяне, оставлявшие закубанскую Кабарду, возможно, оказались там добровольно. К примеру, присоединившийся в апреле 1834 г. к отряду генерала Засса уорк Исуп Тлупов со своей многочисленной семьей утверждал, что не является «беглым» кабардинцем. Спустя несколько месяцев Кабардинский временный суд подтвердил, «что уздень Исуп Тлеупов (Тлупов. – Т.А.), с шестью братьями и детьми их в числе 11 душ, и их холопом Готьжем с двумя сыновьями, матерью и братом Зеком, всего в пяти душах, хищнической партией, разграбившею станицу Солдатскую, действительно угнаны были Закубань усиленно, в числе жителей аула князя Докшуки Карамурзина, вместе с аулом же узденя Шугана Чажокова; по прибытии же партии сей к реке Кубани, он, Исуп Тлеупов, с братьями и означенными холопьями,

бежал от оной к карачаевцам, а от оных отправились в Кабарду на укрепление Каменной мост; но из хищников князь Ханука (Кануко. – Т.А.) Карамурзин с товарищами, догнав их на дороге сказанных крестьян от них отобрал и взял с собою; сами же Тлеуповы возвратились в Кабарду... Он же, Исуп Тлеупов, желая каким либо случаем оных крестьян своих... возвратить или выкрасть, назад тому два года отправился туда (к хаджретам. – Т.А.) без билета, где и находился поныне...»²³.

В это время на Линии с просьбами о «дозволении» вернуться в центральную Кабарду стали появляться и крестьяне, самостоятельно решавшиеся на возвращение в родные места. Так, в марте 1833 г. к российским военным властям обратился «выбежавший из гор от неприязненного нам кабардинского узденя Бальгошу (Бельшуко. – Т.А.) Жанокова крестьянин Али Псаупов (Псаунов. – Т.А.) с женою, шестью сыновьями и двумя дочерьми...»²⁴. В июне так же поступил подвластный князя Мисоста Атажукина Ислам Туков с семьей²⁵.

В апреле 1833 г. на Линию из-за Кубани выбежали семь подвластных князя Пшимахо Бесленова, а также крестьянка уорка Ногая Захорова Харкиз с шестью сыновьями. Правда, пятеро подвластных крестьян П. Бесленова вскоре бежали обратно, не получив разрешения вернуться в центр Кабарды²⁶.

Подобные тенденции наряду со значительным сужением подконтрольной территории и прямыми боевыми потерями осложнили военно-политическое положение закубанских кабардинцев в сравнении с предыдущим периодом. Однако возможности переселения на смежные территории с привычными географическими условиями и населением, предрасположенным к «комплементарному» взаимодействию с мигрантами, обусловили устойчивость хаджретского социума к длительному неблагоприятному воздействию. Также следует указать на военный потенциал как ключевой фактор сохранения хаджретской Кабардой роли ведущей военно-политической силы в Восточном Закубанье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Акты; собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 341.

² Там же. С. 342–343.

³ Относительно названия этого населенного пункта в справочнике по Ставропольской епархии, составленном священником Н.Т. Михайловым в 1910 г., указывается, что ««Безопасным» село названо иронически, так как

жители в первое время находились в постоянной опасности от нападений рыскавших по безлюдным тогда степям черкесов». Исторический обзор Терек, Ставрополя и Кубани. М., 2008. С. 487.

⁴ Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Майкоп, 2009. С. 210.

⁵ *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, Турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг. Тифлис, 1901. С. 31.

⁶ Бесленей – мост Черкесии. С. 210–211.

⁷ *Толстов В.* История Хоперского полка Кубанского казачьяго войска. 1696–1896. Приложения к I и II частям. Тифлис, 1901. С. 153.

⁸ *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 440–441.

⁹ Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны. Кавказский сборник (КС). Т. VII. Тифлис, 1883. С. 5–6.

¹⁰ БЮРНО. Кавказская оборонительная Линия. Там же. С. 51.

¹¹ *Энгельс Ф.* Избранные военные произведения. М., 1956. С. 100.

¹² *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 31.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 29–30.

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13454. Оп. 2. Д. 101. Л. 36.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 60.

¹⁸ Там же. Д. 165. Л. 25.

¹⁹ РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 38. Л. 26.

²⁰ Там же.

²¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 195. Л. 1.

²² Там же. Д. 166. Л. 24.

²³ Там же. Д. 225. Л. 5, 11. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в других источниках говорится не об «угоне», а о том, что тогда хаджреты «сманили с собою на жительство за Кубань кабардинцов (слово «кабардинцев» зачеркнуто в тексте. – *Т.А.*) жителей Большой Кабарды». РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 67. Л. 6.

²⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 166. Л. 9.

²⁵ Там же. Д. 195. Л. 4.

²⁶ Там же. Д. 164. Л. 1–2.

Эпизоды колониальной дискурсивной практики (к описанию некоторых сюжетов военного противостояния на Кубанской линии в середине 1833 г.)

Обращаясь к сюжетам Кавказской войны целесообразно иметь в виду что выражение «историю пишут победители» не всегда и не везде себя оправдывает. Однако также важно помнить, что логика колониального дискурса формировавшегося и спустя многие десятилетия после войны, накладывала свой отпечаток на исторический нарратив, который был призван зафиксировать увенчавшиеся «триумфом» образы имперских свершений. Это обстоятельство задавало определенные характеристики свойственные повествовательному канону, относящемуся к кавказской тематике. В рамках настоящей работы не предполагается многостороннего освещения вопросов связанных с подобной ситуацией. В хронологическом и фактологическом плане речь идет о весьма узких границах. В статье предпринимается попытка критического взгляда на характер отражения в историографии событийной канвы, относящейся к короткому периоду военного противостояния на Кубанской линии в середине 1833 г. Ввиду того, что в российских текстах принято отводить значительную, если не сказать ведущую роль в этих событиях заступившему в мае 1833 г. на должность командующего Баталпашинским участком полковнику Г.Х. Зассу уместно обратить внимание на отраженные в историографии обстоятельства его военного дебюта в Восточном Закубанье.

Командование вверенными войсками Засс, согласно В. Толстову, начал с успешного боя против черкесов на р. Зеленчук. Изложение автором его завязки, протекания и исхода не лишено некоторых недостатков. В этой связи представляется уместным указать на ряд обстоятельств, препятствующих однозначному восприятию представленного в его труде события. Оно же в изложении автора выглядит следующим образом: «Прежде всего Засс признал необходимым основательно познакомиться посредством личного осмотра с местностью своего кордонного участка и ближайшим районом к стороне противника, откуда

горцы часто производили внезапные нападения на линию. С этой целью он собрал отряд из хоперских и донских казаков, двух рот пехоты с двумя конными орудиями, переправился с ним за Кубань и двинулся к р. Б. [ольшой] Зеленчук. Выследив движение Засса, черкесы собрали большую партию с намерением отрезать путь отступления нашему отряду – излюбленная манера горцев при вторжении наших отрядов в их земли. Но Засс угадал маневр неприятеля и распорядился оставить в засаде, в лесистой балке на Зеленчуке, всю пехоту, а сам с казаками и конными орудиями продолжал наступление. Между тем, горцы, маневрируя вдаль, вдруг всю массу ринулись на казаков. Остановившись, Засс развернул боевой порядок и после двух орудийных выстрелов приказал атаковать неприятеля в шашки. Воодушевленные присутствием храброго начальника, хоперцы смело врезались в толпы горцев. Через несколько минут ожесточенной схватки неприятель не выдержал нашего удара и бросился к Зеленчуку, но тут наткнулся на нашу засаду, которая приняла его дружным залпом»¹.

Представленный текст позволяет вести рассуждения в двух плоскостях. Исследовательский взгляд в одной из них предполагает попытку критического анализа текста исходя из презумпции релевантности его содержания историческому контексту, т.е. согласуя собственные рассуждения с предложенным авторским сюжетом. Вторая опирается, преимущественно на учет «экстратекстуальных» моментов сопровождающих его изложение. В данном случае представляется целесообразным предварительно обратить внимание на непроясненные нюансы, связанные с «внешним» пространством текста. Прежде всего, следует указать, что автор не упоминает дату события, а также не ссылается на какой-либо источник, что для повествования В.Толстова не характерно. «Провисанию» сюжета способствует и тот факт, что в тексте не указывается район, из которого выступили российские войска. (Нет необходимости доказывать важность выяснения этого обстоятельства для реконструкции системы координат, задававших, по крайней мере, географические параметры сюжета). Примечательно также, что результаты описанного «боя» не нашли отражения в списке потерь как у самого Толстова так и, к примеру, у Гизетти.

Попытка рассуждений в рамках авторской фабулы также не обеспечивает возможности выстраивания более-менее непротиворечивой картины представленного события. В попытке преодоления изъянов текста правомерным представляется в первую очередь прояснить географическую локацию коллизии. Для этого необходимо понять, где на-

ходилась отправная точка выступившего отряда войск. Хотя в рассматриваемом тексте этот момент никак не отражается, российские войска в этом районе вероятнее всего могли выступить из Невинномысской или Баталпашинской станиц. Последний вариант более предпочтителен ввиду того обстоятельства, что Баталпашинская более находилась «к стороне противника». В пользу этого выбора говорит и сам текст, в котором указывается о переправе через Кубань и продвижении к Большому Зеленчуку. Подобное описание маршрута войск было бы вряд ли возможно, если бы отряд выступил из Невинного мыса, в районе которого в Кубань впадает Зеленчук.

Важным моментом, без артикуляции которого критическое восприятие нарративной конструкции Толстова будет затруднительным, является учет не самой «типичной» цели выступления российского отряда. Не «экспедиция» к черкесским аулам или же преследование отходивших после рейда за Линию хаджретов, а ознакомление «посредством личного осмотра с местностью», т.е. рекогносцировка. В этом контексте чересчур надуманным представляется приписываемое черкесам в качестве изначального и главного замысла «намерение отрезать путь отступления» российского отряда. Разумеется, для черкесов, кавалерия которых наголову превосходила неприятельскую конницу (которая к тому же сопровождалась замедлявшей ход пехотой), осуществление подобного маневра не представлялось проблематичным. Однако «отрезать путь отступления» войскам не имеющих конкретного(ых) пункта(ов) назначения своего движения, не оставивших позади себя пылающих сел и не обремененных пленными и добычей, а значит свободных от легко просчитываемых противником маршрутов отхода, обусловливаемых в свою очередь соображениями скорейшего ухода из зоны досягаемости неприятеля, не мог быть изначальной сверхзадачей черкесов. Рассматривать же эту мысль в качестве неустранимого знаменателя в представленной конфигурации обстоятельств возможно лишь в том случае если черкесы предполагали «полноценное» вторжение русских «в их земли» с нападением на населенные пункты и движимое имущество, которое и мотивировало, согласно наблюдению автора, «излюбленную манеру горцев». Здесь же не наблюдается ни подобной ситуации, ни соответствующей ей мотивации.

К мысли о том, что последняя так и не созрела у черкесов в представленном числе и описываемых обстоятельствах подводит и представление о географической локализации события, которую можно составить исходя из сообщений повествования. Ввиду того, что здесь не указы-

вается ни о каких временных параметрах сюжета трудно определить длительность нахождения отряда в походе. Соответственно невозможно проверить временную дистанцию между отмеченным В. Толстовым «фактом» выслеживания фланирующего российского отряда и сбором черкесами «большой партии». Таким образом «темпоральная верификация» описанной коллизии не представляется возможной. Здесь можно опираться лишь на факт упоминания в тексте долины Зеленчука как места, где развернулась баталия. При этом следует обратить внимание на то, что здесь не говорится ни о предварительном форсировании этой реки, ни, к примеру, о последующем продвижении войск вглубь гор. В таком случае с большой долей вероятности можно говорить, что речь идет о низовьях Зелечуков. Находившегося в состоянии войны с Россией населения в этой зоне по понятным причинам быть не могло. Следовательно, тезис о «большой партии» с сопутствующими сюжетными элементами опять-таки теряет в своей убедительности.

Преодолеть логические и историко-контекстуальные огрехи рассматриваемого повествования едва ли удастся, если даже выстраивать рассуждения без учета выше представленных соображений. В возражение тезиса о том, что выследившие противника «черкесы собрали большую партию с намерением отрезать путь отступления» можно привести и другой ряд обстоятельств. Так, согласившись с этим положением закономерно допустить, что черкесы должны были концентрироваться позади вторгшегося отряда войск, при этом сделать это максимально скрытно. Однако вместо этого они якобы предпринимают лобовую атаку (авторская манера изложения, как можно судить исключает фланговый маневр). Но «угадавший» намерение неприятеля Засс заранее (уже, будучи выслеженным!) разделил отряд на две части; оставив пехоту «в лесистой балке на Зеленчуке», «сам с казаками и конными орудиями продолжал наступление». И вот этот поредевший отряд, состоявший исключительно из казаков «развернул боевой порядок» (в пересеченной местности) и после двух оружейных выстрелов успешно атаковал неприятеля в шашки. Причем в качестве непосредственных участников боя автор упоминает только хоперцев. В какой-то мере это и понятно, учитывая многократно отмечавшуюся неэффективность действий донских казаков в ходе Кавказской войны.

В целом нельзя не заметить, что особенностью данного сюжета является отсутствие описания конкретных параметров противоборствовавших сторон, за исключением принимавшего якобы в конце боя участие в нем двух рот пехоты. Адыги обозначены как «большая партия»

черкесов, а их противник как «отряд из хоперских и донских казаков». Вывести их соотношение на основе этих данных весьма проблематично. Поэтому в попытке реконструкции наиболее вероятной картины рассматриваемого события, мы вынуждены соотносить представленный здесь алгоритм действий той или иной стороны с общим историческим контекстом того времени.

Подходя к вопросу с указанной позиции, становится понятным, что утверждение о том, что после двух артиллерийских выстрелов «хоперцы смело врезались» в черкесов и через несколько минут ожесточенной схватки неприятель не выдержал удара и бросился к Зеленчуку, можно признать правдивым лишь в том случае, если численность черкесской партии существенно уступала казакам.

Не говоря о том, что в предыдущий период утвердилось мнение о значительном превосходстве черкесских воинов над казаками (при этом не донскими, а терскими, проживавшими в регионе² можно говорить об адекватности этого мнения реалиям 30-х гг. XIX в. Не кто иной как многоопытный генерал Вельяминов в 1832 г. говорил о безусловном превосходстве черкесской кавалерии, как над регулярной, так и казачьей конницей³. Справедливости ради отметим, что не все было так безнадежно для казаков. Так, Ф.Ф. Торнау по этому поводу писал: «Кабардинцы, сапсуги и все вообще небольшие закубанские общества, принадлежащие к черкесскому племени, составляют лучшую конницу, какую мне встречалось видеть. С ними могут равняться только ногайцы, живущие на левом берегу Кубани, да наши коренные линейные казаки»⁴. Но указанная потенция реализовывалась далеко не всегда. Тем более что по признанию самого В. Толстова, со «своей ответственности казакам осторожностью» «хопёрцы» «перещеголяли своих учителей» преимущественно «в деле спешивания под лихим неприятельским налетом и упорного сопротивления в пешем строю»⁵. Согласно автору «этот боевой прием линейные казаки проделывали» «обыкновенно при встречах с превосходным противником, когда неравенство в силах становилась очевидным...»⁶. Думается, что для непредвзятого исследовательского взгляда на представленную историческую ситуацию правомерно опираться на корректирующий потенциал этих свидетельств и характеристик.

Единственным сколько-нибудь значимым доводом в пользу того, что здесь соприкоснулись две равновеликие силы, может послужить учет использования российской стороной артиллерии. Однако весомость и этого аргумента слишком мала, если учитывать, во-первых, то,

что два выстрела не обеспечивали такой плотности поражения противника, которая при равной борьбе выступает решающим фактором. А во-вторых, они не способны были вызвать панику среди давно привыкших к применению артиллерии черкесов. В связи с этим достаточно вспомнить эпизод из сражения 9 июня 1828 г. у станицы Марьинской. Тогда, действуя против действительно крупного отряда черкесов волжские казаки, несмотря на применение артиллерии, были смяты отрядом хаджретов и западных адыгов⁷.

Невероятность обрисованной кульминации боя, непосредственно вытекает из выше представленных В. Толстовым частей повествования. Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что не выдержавшие-де атаки казаков черкесы, вместо того чтобы отступить, «просочились» сквозь своих «победителей» и оказались за их спинами – под ударами оставленного в тылу отряда пехоты. При этом с трудом можно представить, чтобы разбитый отряд «горцев» искал спасения не у себя в горах, а в стороне «плоскости» откуда пришли войска. Принимая во внимание всю совокупность изложенных обстоятельств, думается правомерно рассматривать источником данной историографической аберрации следование ее «виновника» принципу *fas et nefas*^{*} при конструировании проимперского повествования.

Как бы то ни было, сведения источников не позволяют говорить о стремительном и единовременном обострении накала противостояния вместе со сменой начальника Баталпашинского участка. Лишь на исходе лета на Линии обозначились явственные признаки тяжелого и вязкого противоборства ожидавшего стороны в предстоящую осень.

Предвосхищая изложение его важнейших черт, сразу отметим, что в конце года командующий Отдельным Кавказским корпусом признал, что главная опасность для «границы» в это время исходила от совместных действий хаджретов и абадзехов к которым присоединились и бесленевцы⁸. Соответственно и основные усилия российских войск были направлены на нейтрализацию их воздействия.

В источниках отмечается, что уже 30-го августа командующий Прочно-Окопским участком подполковник Васмунд выступил с 300 казаков «при 2-х конных орудиях» в направлении собравшегося «в довольно значительном числе» на р. Уруп противника. Сообщая о результатах данного «движения» барон Розен (видимо на основании рапорта Васмунда) указывал, что российский отряд «встретился с частью сей

^{*} Протащить что-нибудь правдами и неправдами (лат.).

партии, не доходя 20-ти верст до Вознесенского укрепления, которую он несколькими пушечными выстрелами заставил рассеяться, и на другой день возвратился с отрядом за Кубань»⁹. Даже для военных режиссий имевших выраженную специфику отражения тех или иных событий (обусловленных происхождением, личными характеристиками авторов, назначением документов) подобная идилично-бескровная «нейтрализация» противника является весьма редким явлением.

В самом деле, предыдущий и последующий опыт боевого взаимодействия между указанными противниками показывает, что представленный в документе облик боя откровенно выбивается из «стандарта» боестолкновений характерного для правого фланга.

Видимо следует исходить из того, что указание на сбор «значительного числа» горцев необходимо увязать с численностью, составом и мощностью артиллерийской оснащённости отряда направленного для их нейтрализации. Только лишь будучи уверенным в наличии значительного численного и огневого превосходства командующий Прочно-Окопского участка выступил бы с указанными силами против черкесов. В пользу этого говорит и то, что Васмунд якобы «несколькими пушечными выстрелами заставил рассеяться» «горцев» находившихся «в довольно значительном числе». Здесь, совершенно очевидно, опять-таки, в контексте устоявшегося характера военных действий в регионе, что черкесы осуществили отходный маневр (тем более, что речь идет лишь о части партии).

Во всяком случае, вполне определенно можно говорить о том, что в отношении группы черкесов уклонившейся от артиллерийского обстрела объективно (учитывая, какие силы в этот период обычно рассматривались крупными или соразмерность казачьего отряда Васмунда действовавшего против горцев) не могла быть использована оценочная характеристика – «значительное число».

Это подтверждается источниками. Уже 2 сентября в район р. Уруп из станицы Беломечетской выступил еще более крупный контингент российских войск – 450 казаков «при 2-х конных орудиях» под руководством командующего Баталпашинским участком¹⁰. Его должен был поддержать сводный батальон пехоты из частей Навагинского и Тенгинского полков. Предполагалось, что они будут действовать против «горцев» собравшихся «в значительном числе на р. Лабе». Однако после открытия разездом противника было признано достаточным направить для его нейтрализации двух сотен хоперских казаков без артиллерии. «Хоперцы настигли партию на Тегенях (р.р. Большая и

Малая Тигени. – Т.А.) и разгромили ее в конец; при этом неприятель потерял 9 человек и двух взятыми в плен», – отмечает В. Толстов. Однако примечательно, что численность черкесского отряда определяется им всего в 25–30 человек¹¹.

Любопытно, что «во время преследования казаки захватили до 2-х т.[ысяч] баранов и бывших при оных трех пастухов». И при этом «горцы, бывшие» якобы «в сборе на Лабе, узнав о движении полк. Засса, разошлись, почему он возвратился в Невинно-Мысскую станицу», – указывается в источнике.

Судя по содержанию текста, получается, что разбитая (весьма небольшая) черкесская «партия» фактически находилась в походе; пусть даже на начальной стадии. Весьма странно, что огромная отара овец в 2000 голов (для сравнения отметим, что спустя несколько месяцев при уничтожении махощевского аула Тлабгай, когда войскам досталось все достояние аула добыча составила всего 300 штук рогатого скота)¹² находилась в непосредственной близости от исходной зоны планируемого прорыва, т.е. в полосе с высокой вероятностью военных действий. К тому же неоднозначно выглядит ситуация, когда крупные силы черкесов локализовались примерно на расстоянии одного конного перехода позади значительного стада овец – основного движимого имущества населения страны в этот период. Еще маловероятнее выглядит картина того как черкесы «узнав о движении полк. Засса, разошлись», а не стали преследовать войска разбившие их «разъезд» или «авангард» и уже приступившие к отгону крупного стада.

Чем же объяснить то, что находившиеся в значительном числе «горцы» проигнорировали самую для себя удобную и мотивированную стадию российской экспедиции¹³. Видимо тем, что указанного сбора «в значительном числе» на самом деле и не было. Если взятые в плен при нападении на небольшую группу всадников, пастухи и стадо были вполне осязаемыми, материальными свидетельствами имевшегося столкновения, утверждение о расхождении черкесского отряда «в значительном числе» не может быть подтверждено в принципе.

Сами обстоятельства хода событий указанные в документе, говорят в пользу того, что упоминаемое «значительное число горцев» вероятнее всего было лишь благовидной отговоркой предназначенной начальству. Подлинной же целью движения было огромное стадо овец, находившееся под прикрытием небольшого отряда. И, вероятнее всего, столь беспечное расположение огромного стада говорит о его принадлежности т.н. «мирным горцам». В качестве же причин значительности

сил направленных для этой цели можно указать: 1) Непривычность для Засса обстановки на новом для него театре военных действий; 2) Provocation с целью эскалации (что практически и удалась).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Толстов В.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696–1896). Тифлис, 1901. С. 236.

² Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М., 1957. С. 43.

³ *Вельяминов А.А.* Замечания на письмо главнокомандующего действующей армией к военному министру от 27 июля 1832 г. // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 82–84.

⁴ [Торнау Ф.Ф.] Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 211.

⁵ *Толстов В.* Указ. соч. С. 138, 140.

⁶ Там же. С. 138.

⁷ *Потто В.А.* Кавказская война. Т. II. Ставрополь, 1994. С. 300.

⁸ Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Составление и вступительная статья С.Х. Хотко. Майкоп, 2009. С. 213.

⁹ Там же. С. 212.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Толстов В.* Указ. соч. С. 237.

¹² Бесленей – мост Черкесии... С. 217.

¹³ *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 83.

Куруцы и хаджреты: к (не)контрапунктичности сюжетов

Выстраивание исследовательской ситуации вокруг опыта борьбы за независимость некоторых политических акторов Восточной и Юго-Восточной Европы в Новое время, оказавшихся на путях экспансионистского продвижения крупнейших государств Старого Света, позволяет обнаружить разительные сходства в реализованных региональными политиями формах сопротивления имперскому напору.

Ознакомление с возникновением и развитием антигабсбургской борьбы куруцев в Венгрии (вторая половина XVII – нач. XVIII в.) и хаджретского Сопротивления в Черкесии (конец XVIII – сер. XIX в.) сподвигает к сопоставительному анализу некоторых существенных черт этих исторических феноменов.

При выяснении истоков коллективистских действий рассматриваемого типа представляется правомерным обратить внимание на наличие зримых параллелей между теми геополитическими и международно-правовыми трансформациями, наблюдавшимися во взаимоотношениях между крупнейшими политическими игроками накануне зарождения данных движений.

В первом случае речь идет о Вашварском договоре от 10 августа 1664 г. по которому венгерские земли были расчленены между Габсбургами и Османами. Ввиду того, что мадьяры были фактически преданы австрийским домом «Венгрия в буквальном смысле была шокирована происшедшим»¹. Признание итогов Вашварского мира означало конец венгерской государственности. Вследствие этого неудивительно, что политическая элита страны в поисках средств для «спасения нации» пришла к идее о консолидированном противодействии Вене. Вытекавшая из нее программа была сформулирована в соглашении высших венгерских сановников (М. Зриньи, Ф. Вешшеленьи, Ф. Надашди), оформившемся в течение 1664–1666 гг. и известным в историографии как «заговор Вешшеленьи». Так, «5 апреля 1666 г. в Штубне... между Ференцем Вешшеленьи и Петером Зриньи было заключено соглашение о совместных действиях против Вены... 23 августа в замке

Вешшеленьи в Мурани состоялось совещание заговорщиков»². Затем последовало несколько лет подготовки к выступлению. Весной 1670 г. «в Венгрии началось восстание, которое, однако, вскоре закончилось, еще толком не начавшись»³.

В силу того обстоятельства, что именно «венгерская аристократия» изначально возглавляла недовольных и «движение оппозиции переросло рамки заговора и охватило широкие массы дворянства» множество из них, «а также некоторые представители знати бежали в Трансильванию...»⁴. «Скитальцами (или куруцами, как называли воюющих с оружием в руках противников Габсбургов) стали как мелкие и средние дворяне, участвовавшие в антигабсбургском восстании, профессиональные воины, так и крупнейшие венгерские магнаты (например, князь Имре Тёкёли, сыгравший впоследствии важную роль в движении куруцев)»⁵. «Дворяне-беженцы (скитальцы), укрывшиеся на территории Трансильвании, создали новый очаг напряженности...»⁶.

Рассматривая данные обстоятельства в перспективе сравнительного сопоставления с зарождением и этапами эволюции хаджретского Сопrotивления в Черкесии на рубеже XVIII–XIX вв., в отношении, по крайней мере, некоторых черт, можно отметить принципиально сходные в типологическом плане параллели.

Внешнеполитическими детерминантами генезиса кабардинского хаджретства в Черкесии, также как и в случае с венграми, послужили существенные изменения геополитической конфигурации между крупнейшими державами. На этот раз речь идет о положениях двух трактатов (Кючук-Кайнарджийского 1774 и Ясского 1792 гг.) которыми подводились итоги русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1792 гг. соответственно. Не в последнюю очередь их имплементация касалась и Черкесии. Как известно, первый из договоров открывал для России широкие возможности для интенсификации захвата территорий трех восточнoчеркесских княжеств, оставив без внимания собственно пространственные параметры этих политий⁷. Территориально дистинктивное расчленение (в рамках отношений османов и русских) Черкесии, и в частности ее ведущего княжества – Большой Кабарды декларируется в Яссах. Тогда линией разграничения двух империй была объявлена р. Кубань⁸. Разумеется, такое решение не могло быть воспринято благожелательно в Черкесии. И все же в Петербурге чувствовали себя настолько уверенными, что в следующем 1793 г. решились на введение в Талостанеевском и Джиляхстанеевском княжествах, а также на правобережной (р. Кубань) части территории Большой Кабарды т.н. «ро-

довых судов и расправ»⁹ направленных на «умножение зависимости» восточных черкесов.

В случае, как и с реакцией венгров на изменение ситуации в дунайском регионе очередная российская инициатива вызвала негодование политической элиты Кабарды. Однако имперского ресурса хватило на то чтобы упредить зарождение массового движения посредством нейтрализации наиболее активной части недовольных в 1794 г. Лишь в течение 1799 г., как неоднократно описывалось в историографии, после бегства Хатокшоко Адильгирея¹⁰ из России, черкесы Кабарды приступили к формулированию и реализации эффективного модуса противодействия имперским устремлениям. Воплощая основной императив своей программы он «возвратясь побегом... в свое отечество, мстительным голосом рассеивал здесь мысли свои о возвращении отечеству своему вольности»¹¹. В связи с ситуацией здесь, командующий российскими войсками на Кавказе генерал Кнорринг докладывал царю о том, «что девять ветреных владельцев (пши. – *Т.А.*) и много узденей быв руководимы советами его, [Хатокшоко] Адильгирея скопились в одно место и взяли дерзкое намерение установить в Кабарде духовный суд... и который бы совершенно ослаблял действие учрежденных Императорским Величеством в Кабарде родовых судов и расправ, до сего времени с довольным успехом... умножающих зависимость их к Высочайшему Вашего императорского Величества Престолу»¹².

Как справедливо констатировал В.Х. Кажаров, призывы Хатокшоко Адильгирея и его единомышленников «нашли широкую поддержку среди дворян»¹³. Однако реализация программы князя с самого начала оказалась под угрозой. Российское командование пристально следило за развернувшимися перипетиями на востоке Черкесии. Оно также предприняло мероприятия направленные «на пресечение затей их в самых оных начале и навести страх на дерзких, а благонамеренных подкрепить»¹⁴. Ввиду данного обстоятельства лидер кабардинского Сопrotивления перенес свою «операционную базу» в закубанскую часть Кабарды. Он основал новое поселение в «весьма крепком месте при речке Малый Зеленчуг» и, согласно сведениям П.Г. Буткова в 1802 году при нем находились 200 кабардинцев, причем «партия его... ежедневно умножалась разбойниками»¹⁵.

Отныне и практически до конца российско-черкесского противостояния имперское командование именовало кабардинцев переселявшихся на запад страны, с целью продолжения Сопrotивления «беглыми». Касаясь семантики подобного эпитета, нам уже приходилось

обращать внимание на то, что данная аттестация подразумевала «преступников, избежавших возмездия имперских законов»¹⁶. Вместе с тем, в попытке осмысления характера и содержания переселенческого движения кабардинцев нельзя игнорировать и другой его аспект. Прежде всего, следует иметь в виду, что миграция с центра Кабарды в Закубань произошла по причинам, не связанным с внутрикабардинскими противоречиями. «Этот процесс носил экзогенный характер и являлся реакцией, ответом на внешнюю причину каковой являлась российская агрессия против Кабарды. О том, что переселение носило в буквальном смысле характер «бегства» говорит то, что оно происходило без подготовки, в спешке, в условиях постоянной опасности нападения со стороны русских войск, когда многие материальные ценности уничтожались из-за невозможности их транспортировки»¹⁷. Несмотря на это в основу нового самопозиционирования кабардинских переселенцев легли не факторы драматических обстоятельств сопровождавших их исход. О том, чем же оно подпитывалось и как апроприируя сюжет из священной истории о мухаджирстве кабардинцы его универсалистский пафос агрегировали к решению партикулярных (с религиозной точки зрения) задач, а также мотивах, которыми руководствовалась чуть-ли не половина кабардинцев в своем нелегком выборе вдумчиво рассуждал В.Х. Кажаров. «Во времена Кавказской войны, – писал он, – деяния пророка Мухаммада и его сподвижников, воспевавшиеся в закирах, служили для адыгов нравственными примерами, которым они стремились подражать в своей повседневной жизни. Далекое не случайно, что «беглые» кабардинцы, продолжавшие сопротивляться России, стали называть себя «ха[д]жретами». Переселившись за Кубань, они как бы совершили «хиджру», временно оставив свой край во власти неверных. Они намеренно не пользовались адыгским словом «хэхэс» (переселенец), предпочитая сравнивать себя с первыми мусульманами, переселившимися из Мекки в Медину в результате обрушившихся на них гонений. Тем самым «ха[д]жреть» подчеркивали религиозный аспект своего переселения и неизбежность возвращения в [центральную] Кабарду, как и первых мусульман в Мекку»¹⁸.

Примечательно, что возникшие вместе с рассматриваемыми здесь движениями и для обозначения их участников наименования при соотнесении друг с другом являют своеобразное перекрестное взаимоотражение. В обоих случаях вокруг каждого из интересующих нас массовых движений складываются свои лексические маркеры, отражавшие их сущностные характеристики, тем самым идентифицируя каждый

из феноменов. Каждое из этих «лексико-идентификационных полей» отличается своеобразной динамикой структуры и траекторией семантических изменений его компонентов. Как выше отмечалось, черкесы Кабарды вовлеченные в движение под руководством Хатокшоко Адильгирея (а после его смерти и других кабардинских пши) сами обозначали себя хаджретами исходя из политических и этических мотивов своего исхода. Российская же сторона предсказуемо исходила из своего отношения к ним и имманентного ей категориального аппарата. Соотношение между этими двумя компонентами структуры хаджретского «лексико-идентификационного поля» на протяжении периода их актуального функционирования оставалось дистантным (хотя каждая из них в ходе более чем полувековой эпопеи претерпевала определенные, порой существенные метаморфозы)¹⁹.

Опыт венгров в этом плане насыщен несколько иным содержанием. Так, источники сообщают о том, что первоначально участники антигабсбургского выступления называли себя *bujdosyk* (беглецы, скитальцы). В своих текстах они, в частности, обозначали себя как «различные беглые отряды – бароны, знать, конница... – кто борется за материальную и духовную свободу венгерской родины»²⁰. Хотя есть сведения, что уже в 1671 г. для обозначения «благородных беженцев из Королевской Венгрии» использовалось название *куруцы* лишь со временем (во второй половине 1670-х гг.) это наименование, апеллировавшее к героике венгерского «крестоносного» движения начала XVI в.²¹ вытеснило наименование скитальцы/беглецы. Следовательно, венгерским патриотам понадобилось некоторое время для агрегации нового «старого» названия в систему актуальной самоидентификации. Черкесам подобная фаза самоопределения не понадобилась не в последнюю очередь, и потому что не было нужды переосмысливать понятие двухсотлетней давности и наполнять его новым смыслом. Хаджретская (само)идентификация сложилась в рамках стремительной интенсификации исламского прозелитизма в Кабарде на фоне жесткого имперского давления вскорости реверсировавшего к парадигме неприкрытой военной агрессии (после периода относительной стабилизации, наступившего вслед за поражением кабардинцев в военной кампании 1779 г.).

В любом случае симптоматично, что венгры и черкесы в поисках формулы противодействия нарастающему стремлению соседних континентальных империй (в чем также можно усмотреть схожесть ситуаций в которых оказались мадьяры и адыги) расширить свое могу-

щество за их счет пошли по пути возведения эффективной (в первую очередь с военной точки зрения) национальной идеологии на базе актуализации религиозной идентичности. И там, и там арифметическое большинство населения уклонилось от радикального деятельного противостояния напору заведомо превосходящих сил. Определенная часть населения избрала пассивное сопротивление оккупационным властям, многие просто выжидали, а некоторые пошли по пути открытого содействия имперским усилиям.

Рассуждая о структуре идентичности новообразованных в ходе радикальной резистенции сообществ нельзя говорить о ее полноте, если не учитывать, что сознательное и форсированное (по историческим меркам) формирование новой идентичности с необходимостью предполагает лексическую (часто в уничижительном ключе) маркировку альтернативных, а порой и антагонистичных стратегий социальной активности/пассивности. Рассматриваемые здесь ситуации определенно подтверждают данную закономерность. Так, в случае с венграми антиподами куруцев выступали сражавшиеся против них на стороне Габсбургов *лабанцы*. Термин «labanc» (от венгерского слова «lobonc», буквально «длинные волосы», относящиеся к парикю, носившемуся австрийскими солдатами) широко распространился после 1678 г. Как явствует из одного обобщающего труда по венгерской истории «лабанцами – сторонниками Габсбургов являлись главным образом магнаты и патрициат саксонских городов»²².

Принятые в Черкесии названия коллаборационистов отличались не меньшей определенностью, а в эмоциональном плане ярче выраженной пейоративностью характеристик. Так, в песне посвященной одному из виднейших лидеров закубанских кабардинцев князю Ажджеруюко Кушуку антагонисты хаджретов определяются как «мылицэ гушэурэ кхьуэцхэр зыгъэкI» («милиция, что свиную щетину отращивает»)²³. В другой песне, в которой повествуется о мести молодого человека выжившего при разорении родного аула захватчиками, соплеменники причастные к злодеянию названы «кхьуэ пIащэ» («дикие свиньи»)²⁴. На этом фоне совсем неслучайна бытующая в черкесской диаспоре Турции пейоративная оценка адресованная кабардинцам, оставшимся безучастными к хаджретской Альтернативе. Она звучит так: «ТуащIэдэсым кхьуащхэрэ кьхуакIэрэ япытщ» («у жителей междуречья, т.е. центральной части Кабарды, свиные головы и хвосты»)²⁵. Также показательна и следующая полная диффамативного содержания фольклорная формула: «Си быным кхьуэлрэ мылицэрэ фIэкIа ямыш-

хаи мы дунейм теткъым» («И нет на свете ничего, чтобы не ели мои дети, кроме свинины и милиции»)²⁶.

Принимая во внимание подобную тернарную композицию идентичности у рассматриваемых коллективов, все же следует указать, что в плане понимания ее дальнейшей эволюции определяющее значение имеет именно диспозиция элементов ее структуры. Зримые различия в траекториях исторического бытования двух соционимов вполне объяснимы из данного посыла (при этом, конечно же, не игнорируя конкретных военно-политических обстоятельств). И здесь важно обратить внимание на сугубо эпистемологический момент довольно характерный для процесса гуманитарного исследования. Как часто бывает при описании тех или иных сюжетов лексическая оснастка заимствуется у объекта исследования. Тем самым она становится инструментом исследовательского метаязыка. В каждом конкретном случае со всей непреклонностью возникает необходимость выяснения соотношения между словом – категорией метаязыка и понятием, приписываемым какому-либо субъекту в качестве актуального для его исторической ситуации. В этой связи представляются значимыми такие обстоятельства, что согласно некоторым данным представители сообщества, обозначавшиеся как *kuicus* «себя так никогда не называли»²⁷. Их же антагонисты – лабанцы со временем «переформатировались» чуть-ли не в легитимную альтернативу куруцкому движению. Такая пластичность, вернее зыбкость идентификационной платформы впечатляющего по хронологии (1671–1711), накалу и драматизму венгерского антигабсбургского движения в некоторой степени объясняет (наряду с военными поражениями, исчерпанием социальной базы и т.д.) его финал, в котором отмечаются черты со знаком полярно противоположным изначальной «скитальческой» идеологии. В качестве иллюстрации можно привести пример того, как вскоре после 1711 г., вслед за окончательной пацификацией движения «много бывших куруцких воинов присоединились к габсбургской армии»²⁸. Примечательно также, что вслед за этим на протяжении первой половины XVIII в. слово *куруцы* уже «использовалось для обозначения венгерских кавалеристов (гусары), служащих в габсбургской армии, особенно во время войны за австрийское наследство (1740–1748)»²⁹. С учетом столь резкой реверсии, если не сказать инверсивного перехода в семантике понятия *куруц* неудивительно, что оно вскоре, к концу XVIII в. вовсе вышло из широкого употребления³⁰. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что в «современном венгерском языке [слово] *kuicus* иногда используется, для

обозначения патриотических людей, которые готовы бороться за интересы венгерских людей»³¹. Чем бы этот факт ни был; реминисцирующим проблеском в современном историческом сознании венгров или же результатом особых усилий мадьярской интеллектуальной элиты направленных на ревитализацию канувшего в Лету два столетия назад понятия он определенно представляет собой элемент конституирования идентичности.

При взгляде на историческую динамику хаджретского «лексико-идентификационного поля» его устойчивость просматривается особенно зримо. Вышеуказанная дистантность элементов структуры хаджретской знаковой системы обусловили устойчивость её синтактики на длительный период. Это обстоятельство существенно облегчает лишенное смысловых aberrаций восприятие соответствующего нарратива, что позволяет выстроить прагматически корректную оптику при рассмотрении знаковой системы хаджретов. Вполне объяснимо, в связи с этим, что семантическая динамика концепта хаджрет (являющегося центральным в системе) отличается существенно от смысловых трансформаций термина *куруц*. Однако прежде чем обратиться к главным вехам ознаменовавшим направление и особенности этой динамики принципиально важно обозначить перманентный на протяжении нескольких десятилетий фактор через который преломлялись грани хаджретского самосознания и которым, так или иначе определялась вся палитра смысловых оттенков сопровождавших хаджретскую идентичность.

Речь идет о военно-политических параметрах присутствия кабардинцев в зоне российского продвижения в бассейне р. Кубань. Занятую новым сообществом позицию, которая позволяла выступать в качестве долговременного фактора этнополитического развития в субрегионе «оказывая значительное влияние на расстановку здесь военно-политических сил» неизменно подтверждают российские источники. Так, в мае 1823 г. спустя лишь несколько месяцев после завершения второй и самой масштабной волны эвакуации восточных черкесов из центра Кабарды генерал Ермолов отмечал: «Из сведений входящих о нападении Закубанцев известно, что беглые кабардинцы не только участвуют в оных, но всячески стараются возбуждать против нас разбойников и, зная места, служат провожатыми партиям». Проистекавший из этого положения приказ гласивший о том, что «в случае если кто из бежавших за Кубань кабардинцев достанется в руки наши, таковых... наказывать смертью»³², думается красноречиво характеризует значимость

хаджретского присутствия в бассейне р. Кубань. Военный историк Потто отмечал в связи с этим: «Покорение [центральной части] Кабарды создало новую причину вечных тревог на правом фланге, на верхней и средней Кубани. Беглые кабардинцы стали за Кубанью новым элементом, постоянно возбуждавшим к непрерывным и мстительным набегам. Под их влиянием выходили тогда на линию все крупные шайки»³³. Весьма симптоматично в этом плане то обстоятельство, что в начале очередной русско-турецкой войны, командуя Кавказской линией генерал-лейтенант Емануель обращаясь с прокламацией к «закубанским народам» из всей их палитры упомянул лишь хаджретов. Он писал: «От беглых кабардинцев, находящихся за Кубанью, один раз навсегда я требую, чтобы они от хищничеств удержались; в противном же случае, добычами не заменятся им потери, которые понесут они, если привлекут на себя русское оружие. К тому же и сами жители закубанские, давшие им убежище, должны за стыд почитать следовать их легкомысленным советам, а того еще более — терпеть в них своих притеснителей и им повиноваться»³⁴.

Представленный текст высвечивает три принципиальных момента в позиции России по отношению к «беглой Кабарде». Во-первых, сам факт персонификации только «беглых» кабардинцев из всей совокупности феодальных и республиканских политий Закубанья, некоторые из которых обладали людскими ресурсами в десять раз превышавшими хаджретские, косвенно говорит о значительно более «качественном» ведении хаджретами военных действий против России, нежели акторы Западной Черкесии. (Вместе с тем следует принять во внимание то обстоятельство, что «беглые» кабардинцы рассматривались российским правительством в качестве мятежных подданных империи, в отличие от остальных черкесов, чье благожелательное отношение в условиях войны с Портой было весьма необходимым для России. Этим и объясняется тон неприкрытой враждебности, с которым обращались к хаджретам). Во-вторых, требование Емануеля к кабардинцам, чтобы те «от хищничеств удержались» характеризуют отношения России и хаджретов как перманентно антагонистичные независимо от внешне-политической конъюнктуры.

В третьих, в заключительном предложении к хаджретам, констатируется наличие политической подчиненности одних сообществ Закубанья (карачаевцы, абазины) «беглым» кабардинцам и значительное влияние последних на другие черкесские политии (Абадзехия, Бесленей). (Тем самым обнаруживается несостоятельность сделанного в

свое время генералом Ермоловым «предостережения» о том, что переселение кабардинцев за Кубань поставит их в положение «зависимости» и «подчиненности» от жителей Закубанья»³⁵.

Те же позиции относительно хаджретов были подтверждены и после драматичной военной кампании в субрегионе хронологически приходящийся на период русско-турецкой войны 1828–1829 г. Показателен в этом плане рапорт составленный генерал-майором Бекович-Черкасским и полковником Гасфортом от 17 сентября 1830 г. адресованный Паскевичу. В нем отмечалось, что в Закубанье «Кабардинцы продолжают пользоваться уважением между другими племенами, давшими им пристанище». Авторы документа рассматривая возможность их возвращения в центральную Кабарду мотивировали свою инициативу тем обстоятельством, что «оставаясь долее между Закубанскими народами, они не могли вновь вооружать их против России, ибо замечено, что до сего времени кабардинцы всегда были там первыми зачинщиками и участниками грабежей, произведенных в пределах наших, увлекая обыкновенно примером своим и те колена, которые изъявляли прежде к нам благонамеренность»³⁶. В последовавшие десятилетия хаджретский фактор не терял своей значимости в субрегионе. В 1851 г. российские военные специалисты аттестовали кабардинцев как «самое доблестное и храброе племя на правом фланге»³⁷. Значительно позднее, в 1860 г. о них говорилось, что «беглые кабардинцы составляли самую крепкую защиту и оплот абадзехов со стороны верховьев рек Ходзи и Белой»³⁸. И, наконец, в год завершения векового противостояния (1864), анонимный российский автор охарактеризовал наблюдаемых им уже «за-Лабинских кабардинцев (бежавших назад тому 45 лет из Кабарды)» как «наиболее воинственных, на которых лежала вся тяжесть прежней войны с горцами, так как они составляли авангард неприязненного нам населения и которые наиболее нам вредили...»³⁹. Видимо эти обстоятельства были приняты во внимание, когда выдающийся кавказовед М.М. Ковалевский, окидывая интеллектуальным взглядом давно переставшие быть злобой дня перипетии Кавказской войны заключал, что «самые опасные наши противники на западе [были] – кабардинцы, и самые упорные защитники национальной независимости на востоке – горцы Дагестана и чеченцы...»⁴⁰.

Столь значимое положение массива кабардинских переселенцев в воюющей Черкесии на протяжении целой эпохи было также неразрывно связано с его упрочением в качестве все более нарастающего источника референтных символов в масштабах всей страны. Этот аспект их

позиции в конфигурации этнополитического взаимодействия в регионе требует более детального разъяснения.

В конце 1840-х гг. К.Ф. Сталь, имевший возможность непосредственного и длительного изучения ситуации в Черкесии отмечал, что погибшие к тому моменту черкесские пши Болотоко Джамбулат, Хатокшоко Магомет-Аш(е), Каноко Айтек и «старшина» Харциж Аля «были хаджиретами»⁴¹. Здесь также было отмечено, что лишь «С 1835 года хищники приняли название хаджиретов»⁴². Упоминание в качестве рубежной вехи в хаджретской эпопее именно этой даты (а, к примеру, не 1822 г.) вкупе с представленной галереей «эталонных» хаджретов в которой значился лишь один-единственный кабардинец, при поверхностном взгляде на ситуацию как-бы подводит к эффекту когнитивного диссонанса. В данном случае готовность к коррекции исследовательской оптики и допущение динамичности парадигмы изучения хаджретской проблематики позволяют снять кажущиеся противоречия и реализовать эвристический потенциал, заложенный в этих «нестандартных» сведениях.

Реализуя данный посыл, будет уместно привести пассаж автора, которым он иллюстрирует формы проявления представленной им «социальной инновации». Он указывал, что принятие названия хаджретов в 1835 г. сопровождалось тем, что «Воровство приняло религиозный характер. Хищничество и набеги в наши пределы считаются делом душиеспасительным, а смерть, понесенная на хищничестве в русских пределах, дает падшему венец шагида или мученика»⁴³. Однако данные характеристики не являются чем-то новым для кабардинцев; ровно эти идеи были актуализированы в Кабарде в 1774 г. когда восточные черкесы штурмовали Моздок «во главе со своими духовными»⁴⁴, атаковали 10 крепостей нововозведенной имперской передовой линии в военную кампанию 1779 г.⁴⁵, столкновениях с русскими на нижнем Притеречье в 1785 г. и в ходе всех сражений первой трети XIX в. Да и для населения кяхской части Черкесии понятие о гибели «за святое дело» было вполне укорененным за десятилетия до сер. 30-х гг. XIX в.)⁴⁶.

Прояснению ситуации способствует авторская нюансировка, последовавшая в другом месте, где обозначается другой хронологический репер – время «около 1837 года» в качестве рубежной вехи индицирующей качественный сдвиг в социальных процессах запада Черкесии. Исходя из представленного контекста, следует понимать, что не позже этого времени «появилось сословие хаджиретов или хищников за веру; воровство приняло священный характер, надело маску рели-

гии»⁴⁷. Таким образом, становление хаджретства в качестве сословия надевшего «маску религии» т.е. вооружившегося религиозной идеологией К.Ф. Сталь определенно относит к периоду 1835–1837 гг.

В свете подобных сведений выяснение авторской трактовки и соответствующей ей семантики хаджретства, а также объяснение столь значимого социального сдвига претендовавшего, по меньшей мере, на коррекцию общественной структуры и в рамках которого переопределялся «онтологический статус» довольно привычной к тому времени для подавляющего большинства черкесов исламской доктрины приобретают императивный характер.

Представляется, что наиболее приемлемой точкой отсчета в выстраивании объясняющего контекста данных процессов выступает Адрианопольский трактат 1829 г. которым ознаменовалось начало открытого завоевания закубанской Черкесии Российской империей. Нами уже отмечалось, что радикальная смена привычной геополитической конфигурации в регионе, вызванная условиями завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг. ввергла кяхские феодальные владения и главных носителей сопротивления Западной Черкесии – абадзехов, натухайцев, убыхов и шапсугов (правда последних ненадолго), в состояние «растерянности»⁴⁸. Один из активнейших политиков страны шапсугский аристократ Абат Бесленей признавал, что «ровесникам его, пользовавшимся некоторой известностью, оставалось тогда избрать одно из следующих трех предположений: первое – удалиться в Турцию, в «землю мусульман» и там, в служении богу, ждать смерти; второе – поселиться в ущельях, отдаленных от беспокоаемых гор... и третье – предаться покровительству России... (впрочем, черкесов которые «уверились, что судьба их края предоставлена России» согласно даже пророссийски настроенному Хан-Гирею все же числом было «незначительно»)»⁴⁹. Несмотря на масштаб новой угрозы основные акторы западночеркесского политического процесса с трудом преодолевали такой разброд. Так, в документе, датированном 1831 г. отмечается, что «абадзехи и натухайцы присылают непрерывно нарочных с просьбою о начатии военных действий о занятии Российскими войсками бухт Суджук-кальской и Геленджикской, которые служат ключом покорения черкесов...»⁵⁰.

Между тем «лидеры хаджретской Кабарды (до этого не раз демонстрировавшие наличие консолидированной субъектности) не имели иллюзий насчет вероятных сценариев дальнейшего взаимодействия»⁵¹. Хотя к этому времени на театре военных действий уже достаточно дав-

но было привычным, что «кабардинцы эти считали себя независимыми от России и, вместе с другими черкесскими племенами, вели упорную борьбу с русскими войсками и казачеством» повышенная (в сравнении с другими центрами силы воюющей Черкесии) устойчивость к первоначальным вызовам последовавшим вслед за кардинальной сменой международно-правовой парадигмы в регионе, и ортодоксальная приверженность изначальной мотивационной платформе хаджретской Альтернативы («бежавшие кабардинцы, озлобленные покорением их земли, дали обет, пока живы мстить русским»⁵², «...выходцев из Кабарды... мест покоренных русскими, которые, посвятив себя на постоянную, беспощадную войну с нами, носили черкесское название гаджрет...»⁵³ обеспечивали им статус индипендистского бастиона в глазах всего населения страны адыгов. Этому, несомненно, способствовал и режим постоянного наращивания военного прессинга со стороны России по всему периметру закубанской Черкесии.

Так, по окончании войны с османами инициируется крейсерское патрулирование черкесского побережья и предпринимается попытка установления сухопутной связи между Сухумом и находившейся теперь в руках России Анапой (1830). Закладываются сразу несколько укреплений в низовьях Кубани, и в том же году опираясь на них, здесь оперирует корпус российских войск под началом командующего на Кавказе Паскевича. В 1831 г. в дополнение к Анапе российские войска закрепляются и в районе Геленджика. В последующем цель обеспечения сообщения нижней Кубани с Геленджиком и соображения по отсечению шапсугов от части «плодородной равнины расположенной между Кавказским хребтом и Кубанью» сподвигают командование Отдельного Кавказского корпуса начать ежегодные крупномасштабные военные экспедиции. Задействовав значительные ресурсы, российские войска с лета 1834 г. приступили к планомерному решению поставленных здесь задач. Особенно серьезные силы были сконцентрированы в руках генерала Вельяминова в кампанию 1835 г. Тогда на крайнем западе Черкесии оперировала группировка войск численностью более чем 11 тысяч человек⁵⁴. (Для сравнения отметим, что за несколько лет до этого, для взятия сильнейшей на восточном побережье Черного моря турецкой крепости Анапа россиянам понадобилось чуть более 5 тыс. человек⁵⁵; с войсками в 9 тыс. человек в ноябре 1853 г. главные силы турецкой Анатолийской армии в 36 тыс. были разгромлены при Башкадыclare⁵⁶. Походы подобных масштабов и интенсивности были организованы и в последующие годы.

В определенном смысле их можно рассматривать в качестве квинтэссенции имперских усилий на начальной стадии новой фазы продвижения в Черкесии индуцированного радикальным изменением геополитической конфигурации в регионе с 1829 г. Видимо, в том числе и поэтому в фокусе ретроспективного взгляда (длиной в полтора десятка лет) данные события предвосхищают, а судя по авторскому контексту прямо предопределяют возникновение хаджретства как общечеркесского феномена. «Первые экспедиции наши за Кубанью были очень удачны: огромная баранта и табуны попадали в наши руки, и до сих пор закубанский край не может оправиться от своих потерь. Экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова были чрезвычайно важны...»⁵⁷. Именно после такого живописания следует вышеупомянутая авторская констатация того, что «В это время появилось сословие хаджиретов»⁵⁸. При соотнесении подобного видения с фактологической канвой относящейся к данной ситуации можно убедиться, что авторские суждения невозможно отнести к известной логической ошибке *post hoc, ergo propter hoc*.

Воздействие таких факторов как перманентное нахождение на переднем крае борьбы в условиях систематического осложнения военно-политической обстановки, референтность и престижность аристократических восточчеркесских культурных форм в предыдущий исторический период⁵⁹ и востребованность проповедуемой кабардинцами Альтернативы к середине 1830-х гг. достигло критической планки вслед за которым началось систематическое вовлечение в их «программу» «пассионариев» кяхской Черкесии. Успешной индоктринации в хаджретскую «программу» и «аноблированию» (пользуясь приемлемой для Стая категориями, увидевшего в них новое сословие) в ряды ее приверженцев способствовала вся сумма военно-политических факторов на Северо-Западном Кавказе.

В рамках этого движения складывается совершенно отчетливый культурно-исторический тип хаджрета. Не удивительно, что культурная рамка предшествующего периода базировавшаяся на характерных представлениях об эталонном рыцаре («шууф1») в новых условиях крайнего напряжения социальных сил в процессе резистенции все нарастающему имперскому натиску детерминировала конгруэнтную ситуации знаковую систему с соответствующими этическим кодексом, костюмом, телесностью, стилем поведения и т.д. «Хеджрет – это открытый, доброконный, иногда закованный в кольчугу наездник; это лев набега», – констатировалось в тексте, посвященном осмыслению

опыта векового противостояния с черкесами⁶⁰. Непосредственный участник этой коллизии, словно пытаясь красочно проиллюстрировать подобную характеристику, записал в своем дневнике посвященном походу в Шапсугию в 1837 г. следующее. «При занятии аула несколько конных черкес были от нас не более как на S ружейного выстрела, мы бежали за ними и стреляли, но они, ни мало не конфузясь, удалялись от нас шагом и меленькою рысью; приостанавливая лошадь в удобных местах, они по нас стреляли. Мы засыпали их пулями, но ни одного не могли ранить, ибо это были панцирники, одеты, как я еще не видел: все почти на серых лошадях, черкески обшиты серебром, опушки шапок белые и молодцы собою, но это, верно, не здешние сапсуги, а, верно, кубанские... которые на сражение надевают самое лучшее платье, какое у них есть»⁶¹. Буквально в это же время, другой пристрастный наблюдатель войны в регионе Дж. Лонгворт пребывая у черкесов побережья, удостоверился, что «истинный тип черкесского рыцаря» «невозможно найти нигде в другом месте в настоящее время, кроме как на равнинах Кубани»⁶². Итогом внутренней трансформации понятия хаджрет явилось замещение им центральной позиции в аксиологической сетке черкесского языкового сознания (о чем, в частности свидетельствуют и фольклорные данные!)⁶³. «Хаджрет» этого времени для черкесов это как *καλος καγαθος* («калос кагатос») для древних греков, или же «honnete homme», «gentleman» для европейцев Нового времени. Однако, если последние смысловые единицы сложились в больших и стабильных обществах посредством длительной эволюции внутрисоциальных процессов, то черкесский референт сформировался по историческим меркам молниеносно в условиях предельного напряжения социальных сил под напором имперского колосса. Поэтому неудивительно, что его профиль отмечен отчетливыми милитаризированными чертами. Особенно зримы они были для заинтересованного противника подчеркивавшего, что «Безотчетною храбростью, смелыми набегами и хищничеством в наших пределах хаджиреты сделались знамениты за Кубанью»⁶⁴. Для того чтобы вернее судить о прочности новой семантической доксы относительно концепта хаджрет позволим себе еще одну цитату. Российские военнослужащие, переброшенные с усмирленного Восточного Кавказа, в ходе знакомства с реалиями на западе перешейка усваивали, в частности, и лексические новшества. Так, вовлеченный в эту ситуацию российский офицер вспоминал: «Джигит – принесенное с левого фланга и из Дагестана, оно мало знакомо здешним горцам, у которых есть слово «хаджирет», также как и джигит, означавшее

наездника, молодца»⁶⁵. Очевидно, что такая слава зиждилась не только на традиционной рыцарской аксиологии, но и на относительно недавно воспринятых понятиях о религиозной аскезе. По крайней мере, сведения о том, что имела место практика когда «по обету для своего душеспасения считают необходимым пойти на несколько лет в Хаджиреты»⁶⁶ позволяют трактовку в этом ключе. Таким образом, к середине 1830-х гг. хаджретская Альтернатива, зародившаяся и десятилетия реализовывавшаяся как преимущественно кабардинская «программа» эволюционировала в феномен общечеркесской значимости. Вместе с тем следует подчеркнуть, что порожденный ею культурно-исторический тип и в последующем продолжал нести в себе отчетливые родовые черты кабардиноцентричности. «Их соотечественники, поселившиеся между абадзехами, были всегда во главе всех предприятий. Щегольством наряда и модами они служили примером всем черкесам, живущим за Кубанью», – отмечал Сталь, характеризуя кабардинских мигрантов в Закубанье⁶⁷. И далее, у него рефреном звучала убежденность, что «Беглые кабардинцы за Кубанью служат теперь примером мод и обычая»⁶⁸. В очередной раз отмечая, что «Дворянский обычай кабардинцев (уорк-хабзе) сделался обычаем для всех черкес. Черкесы характеризуют кабардинское дворянство прежних времен двумя словами – намазыра зауеныра, т.е. благочестивое и рыцарское»⁶⁹ он был предельно компетентен в своих суждениях⁷⁰.

Вглядываясь в траектории становления мигрантских коллективов, возникших в процессе активной резистенции имперским территориальным приобретениям/уступкам, следует признать, что они в значительной степени обуславливались модальностями самопозиционирования новых сообществ. Его идейный субстрат и превалирующий вектор динамики наиболее зримо демонстрируются решимостью с их стороны презентироваться в качестве самостоятельных политий и степенью идиосинкратичности в отношении имперского присутствия. Эти качества наиболее отчетливо проявлялись в институциональном строительстве (внутриполитический аспект) и в реализованных стратегиях в отношении права оптации (внешнеполитический аспект).

Считается, что куруцы «пробовали организовать себя как независимое сообщество, названное «universitas» или «communitas»⁷¹. Более того, «universitas» ситальцев/беглецов выступал как субъект и равноправный (по крайней мере, с формальной точки зрения) контрагент в переговорах с Францией в мае 1677 г. завершившихся подписанием союзного договора⁷². Вместе с тем обстоятельства возникновения «заго-

вора Вешшеленьи» и заявленные его участниками приоритеты, а также последующая траектория движения куруцев показывают, что данный феномен изначально был «ксеноцентричным». В литературе по данной тематике отмечается, что программа действий «заговора Вешшеленьи» с самого начала была ориентирована на «переговоры с иностранными державами с целью сохранения Венгрии»⁷³. Более того обращение «за помощью к могущественным державам» рассматривалось венгерской политической элитой курсом не имеющим альтернативы⁷⁴.

«Непосредственно после заключения Вашварского мира заговорщики сделали в своих планах ставку на Францию»⁷⁵. Чуть позднее (1666) в связи с переменами международной европейской конъюнктуры произошла смена политической ориентации; теперь она стала протурецкой⁷⁶. Симптоматично, что при этом «заговорщики» «были согласны на то, что Венгрия перейдет под власть Османской империи в статусе вассала...»⁷⁷. (Собственно эта установка и была реализована позже, в начале 1680-х гг., когда в Верхней Венгрии (современная Словакия) куруцы во главе с Имре Тёкёли создали самостоятельное княжество под протекторатом Порты)⁷⁸.

Существенная роль в этой ситуации выпала и на Трансильванское княжество. Его представители активно участвовали сначала в «заговоре»⁷⁹, затем княжество приняло тысячи скитальцев и возложило на себя тяжелое бремя содержания войск и оплаты их военных операций⁸⁰. Примечательно также, что согласно вышеуказанному договору французского короля и куруцев последние выставляли свое 15 тысячное войско под командованием канцлера Трансильвании Михая Телеки⁸¹.

Мощное геополитическое присутствие османов в регионе и историческая детерминированность вовлечения Трансильвании в венгерские дела объясняют имманентность апеллирования мадьярской оппозиции к Порте и вассальному ей княжеству. Однако, пожалуй, именно в специфике консонирующего развертывания антигабсбургских интенций скитальцев с французскими инициативами в регионе, наиболее отчетливо проявилась политическая экстравертированность куруцко-го движения. Одним из значимых вех в этом направлении стало «... заключение 28 апреля 1675 г. Фогарашского соглашения о военном сотрудничестве двух сторон и материальной помощи Людовика XIV скитальцам»⁸². Даже не будучи ратифицированным со стороны короля это соглашение привело к тому, что по наблюдению одного из современников «Венгерские мятежники уже успокоились, когда полученные от французов деньги снова ободрили их»⁸³. Последствия новой фазы

взаимодействия обозначившегося в ходе реализации Варшавского договора венгров с французским королем (май 1677) еще зримее обнаружили роль внешних сил в динамике движения куруцев. Кроме того, что «Людовик XIV обязался ежегодно выделять по 100 тыс. талеров на поддержку походов куруцев в Венгрию»⁸⁴ он оперативно направил французский военный контингент в 2 тыс. человек в помощь союзникам. «В мае следующего года к «повстанцам» присоединился отряд наемников, набранный в Польше на деньги Франции, которым командовал французский полководец Форвал»⁸⁵. Символическим признанием определяющей роли в куруцком движении внешних центров силы, видимо, можно признать приказ его лидера – Имре Тёкёли «выбить медаль, на одной стороне которой был изображен он сам, на другой – Людовик XIV как «Defensor Hungariae»⁸⁶.

Сопоставительный взгляд на опыт институционального строительства и рассмотрение устойчивости индипендистского императива у хаджретов, пожалуй, будет правомерно предварить указанием на то обстоятельство, что кабардинская миграция на левобережье Кубани в течение длительного периода, в основном, не выходила за границы Большой Кабарды. Согласно российским источникам даже к началу 1830-х гг. массив кабардинского населения в Закубанье в целом продолжал локализоваться в рамках исторических границ Кабарды несмотря на давление с востока (Зеленчукская укрепленная линия) и возможность дальнейшей миграции западнее бассейна р. Уруп⁸⁷. Качественные изменения эта ситуация начала претерпевать лишь в начале 1840-х гг. с началом эффективного функционирования Лабинской линии.

Представляется оправданным полагать, что такая устойчивая позиция иллюстрирует стремление хаджретского социума отстаивать свою независимость в максимально полном объеме. Вместе с тем следует указать, что значительная часть закубанских кабардинцев уже в первое десятилетие XIX в., и, особенно, со времени наиболее массовой эвакуации в 1822 г. оказывалась на территориях других черкесских политий. В особенности это касается Бесленевского княжества и Абадзехии. При этом совершенно очевидно, что мигранты пользовались здесь правом экстерриториальности. Находившийся в течение двух лет в плену у хаджретов Ф.Ф. Торнау так описывал эту ситуацию: «Кабардинские абреки находились в чужой стороне, занимая земли уступленные им абадзехами, среди которых они составляли отдельные общества, управляемые по их собственным обычаям»⁸⁸. В свете столь очевидно высокого уровня самоорганизации несколько удивляет относительно

поздняя фиксация в российских источниках результатов целенаправленного институционального обустройства хаджретского социума. «Народное собрание кабардинцев на р. Марухе 1846 года. Беглые кабардинцы учредили у себя народный суд. Главным деятелем и языком народа был здесь Хаджи-Трам», – сообщает источник⁸⁹. В данном тексте предлагается и более подробная информация о структуре этого учреждения. Об этом говорится следующее: «В марте месяце 1846 года беглые кабардинцы учредили также мегкеме и избрали себе кадия, валя и наиба. Целью устройства мелгеме (так в тексте. – Т.А.) положили они – «возстановление падающей веры, уничтожение воровства, разбоя, измены, обмана и зависти»⁹⁰.

Не вдаваясь в детали структуры и механизма функционирования «мегкеме», а также условий его возникновения именно в указанной пространственно-временной ситуации представляется существенным, прежде всего, артикулировать эндогенность интенций детерминировавших подобный итог усилий со стороны хаджретов. В контексте компаративного рассмотрения с опытом институционального дизайна мигрантского сообщества у венгров данное обстоятельство имеет существенное значение. В еще большей мере характер созданной закубанскими кабардинцами политической агрегации оттеняет устойчивость хаджретской стратегии относительно принципа оптации. В этом плане примечательно следующее наблюдение: «Народы (с точки зрения современной номенклатуры вернее локально-этнографические группы. – Т.А.) черкесские, живущие за р. Лабою и по берегу Черного моря, признают... турецкаго султана своим халифом, главою религии, и во всех переговорах с нами ссылаются на мнимое покровительство султана... **Беглые кабардинцы, бесленеевцы и абазины не упоминают никогда о покровительстве турецкаго султана; о покровительстве этом толкуют только абадзехи, шапсуги, натухайцы и народы черкесские, живущие на восточном берегу Черного моря (выделено нами. – Т.А.)»⁹¹.**

Для основных носителей военного потенциала страны декларации о «покровительстве» со стороны Порты были лишь элементом политики имперского сдерживания и не выходили за рамки «военно-дипломатической» риторики адресованной Петербургу. Об этом можно судить хотя бы по аттрактивному обозначению их позиции в связи с «уступкой» османами черноморского побережья по Адрианопольскому договору 1829 г. Отвергая права султана в стране, черкесы заявляли, «что он не есть и не был их государем никогда, а что он только

глава религии»⁹². Показательно, что кабардинцы (вместе с устойчиво находившимися под их влиянием бесленеевцами и вассальными абазинами) реализовывая свою политическую программу под «маской религии» уклонялись от доминирующего тренда в кяхской Черкесии апеллировавшего, по крайней мере, к конфессиональной солидарности с могущественной Портой. Это тем более удивительно, что совокупный военный потенциал акторов Западной Черкесии во много раз превосходил ресурсы хаджретской Кабарды, а вероятность того, что словесные экзерциции по манифестированию своей приверженности османам могло впоследствии быть использовано последними при «потенциальной» (ре)экспансии, уже давно и прочно была очень низкой.

Такой зримый выбор категоричного неприятия каких-либо проявлений внешних источников легитимации со стороны хаджретов обнаруживает, по меньшей мере, высокую самооценку, опирающуюся на укорененном в историческом сознании представлении о собственной значимости в регионе так или иначе предполагавшего собственный политический проект. Думается, что предельное напряжение и выбор крайней Альтернативы в условиях столкновения с колоссальной мощью Российской империи не могли быть мотивированы амбициями меньшего порядка. В этом плане не случайно жители побережья на пике своей военной активности все-таки продолжали рассматривать кабардинцев как «главную часть черкесов»⁹³.

Ознакомление с историческим опытом индипендистских проектов реализованных в Новое время в Венгрии и Черкесии позволяет обнаружить, что потенциал сравнительного изучения этих ситуаций далеко не исчерпан. За пределами исследовательского фокуса оказался целый спектр позиций с высоким «коэффициентом» компаративности. В частности, за рамками соотносительной перспективы оказались вопросы о детерминированности/случайности, в целом, однопорядковых параметров продолжительности асимметричного конфликта на Дунае и Кавказе (около 40 и 60 лет соответственно). Представляют интерес причины и формы широкого вовлечения в эти процессы иноэтничных элементов (словаков Парциума и абазин Восточного Закубанья). «Контрапостное» рассуждение выстраивается и вокруг всадничества как воплощенного «габитуса» антиимперской Альтернативы в обоих регионах (более выраженного, разумеется, у черкесов). Даже такая частность как ранний возраст вовлечения в Соппротивление будущих лидеров «инсургентов» (Имре Тёкёли и Бесланок Аслангирей) отдельным штрихом дополняет объект исследования, повышая стереометричность

его восприятия. Однако, разумеется, прояснение этих и ряда других существенных аспектов рассмотренных феноменов требует приложения дополнительных исследовательских усилий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Гусарова Т.П.* Австрийские Габсбурги и проблема борьбы с османами в Европе в 50–70-е гг. XVII в. / Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 168.

² История Венгрии. В трех томах. Т. I. М., 1971. С. 318.

³ *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 174.

⁴ Там же.

⁵ *Медведева К.Т.* Трансильванское княжество между Османской империей и Габсбургами в конце XVII в. / Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 330.

⁶ *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 175.

⁷ Весьма казуистическим способом определяя политический статус Кабарды, великие державы в тексте договора не обозначили ее территориальных параметров. Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией 10 июля 1774 г. // www.hist.msu.ru/ER/Text/FOREIGN/kuchuk.htm.

⁸ *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком: политические и торговые. СПб., 1869. С. 45. // kavkaz.sfedu.ru/sites/default/files/

⁹ *Туганов Р.У.* Шариатское движение в Кабарде против царизма в 1799–1807 гг. // Живая старина. Нальчик, 1991. № 1. С. 10.

¹⁰ В соответствии с узусом черкесского языка фамилия идет впереди имени.

¹¹ *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. II. СПб., 1869. С. 560.

¹² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 50. Л. 365. (Далее – РГВИА). Цит. по: *Кажаров В.Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 41.

¹³ Там же. С. 42.

¹⁴ *Туганов Р.У.* Указ. соч. С. 11.

¹⁵ *Бутков П.Г.* Указ. соч. С. 561.

¹⁶ *Алоев Т.Х.* Вопрос о закубанских территориях Кабарды в контексте миграции кабардинцев в первой четверти XIX века // Исторический вестник. Вып. III. Нальчик, 2006. С. 269.

¹⁷ Там же. Источники весьма красноречиво описывают условия переселения. Российский «пристав» в Кабарде генерал-майор Дельпоццо писал в 1805 г.: «В прошлом годе чрез Каменный мост кабардинский возмутитель, владелец... Росланбек Мисостов бежал за Кубань и увел с собой кабардинских узденей и черного народа 275 семей...» «...а что Росланбек Мисостов и прочие уздени с ним бежавшие не иначе могли пробраться горами за Кубань, как только оставя все свое имущество... в одной одежде способной увезть на верховых лошадях» – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1868. Т. II. С. 971, 969 (Далее – АКАК). Генерал Ермолов о кабардинской эвакуации 1822 г. вспоминал: «Отсюда (с долины р. Баксан. – Т.А.) генерал-майор Вельяминов 3-й с частью войск, к каким присоединился с отрядом полковник Победнов, отправлен на Кубань к Каменному мосту для воспрепятствования кабардинцам при побеге за Кубань увлечь подвластных их с семействами и имуществом. Лишь скоро узнали они о движении войск, поспешили перейти за Кубань, но некоторых застали еще войска наши, отбили стада их и преследовали спасающихся вверх по Кубани, где места неприступные могли служить им убежищем» – Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М., 1991. С. 378–379. Военный историк В.А. Потто, суммировав сведения об этом событии, рисовал следующую картину: «...неприятель бежал, и по высотам, в отдалении, можно было видеть спасающиеся семейства кабардинцев и угоняемые стада. Майор Якубович со своим батальоном преследовал бегущих» – *Потто В.А.* Кавказская война: В 5 т.; Ермоловское время. Ставрополь, 1994. Т. II. С. 373.

¹⁸ *Кажаров В.Х.* Указ. соч. С. 77.

¹⁹ В российских документах превалирует эпитет «беглые», отражая, как отмечалось, имперскую квалификацию кабардинских мигрантов. Также нередко в российских источниках они именуется «абреками» тем самым подменяя содержание индигенного понятия. («Несколько кабардинских семейств с подвластными перешли разновременно в долины двух Зеленчуков и составили отдельную усадьбу в соседстве с абадзехами. Они известны у нас под именем абреков») – *Люлье Л.* Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазцами (азеги) и другими смежными с ними горскими народами // *Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века.* Нальчик, 2004. С. 51. Встречаются источники акцентирующие внимание на географической локализации хаджретов, описывая их, к примеру, как «за-Лабинских кабардинцев» – *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 91. Подчеркнутой нейтральностью отличается аттестация швейцарца Жилия писавшего о «переселившихся кабардинцах». – *Жиль Ф.А.* Письма о Кавказе и Крыме. Составление и перевод с французского языка К.А. Мальбахова. Нальчик, 2009. С. 139. Артикулируя ключевую характеристику хаджретов, Ростислав Фадеев

в конце войны называл их «вольными кабардинцами» – *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М., 2005. С. 162.

²⁰ Куруцы // <https://ru.wikipedia.org/wiki/куруцы>.

²¹ *Арский И.* Восстание «куруцев» в Венгрии в 1514 году // *Борьба классов.* 1936. № 7. istmat.info/files/uploads/32411/cs1936hungaryarski.pdf.

²² История Венгрии. В трех томах. М., 1971. Т. I. С. 416.

²³ Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Под ред. Е.В. Гиппиуса. М., 1990. Т. III. Ч. II. С. 70.

²⁴ Басхэзгъ Гъариб и уэрэд // *Адыгские песни времен Кавказской войны.* Нальчик, 2005. С. 331.

²⁵ Информант Шигалуга Хайдар, житель города Пынарбаши вилайета Кайсери, Турецкой республики. Сообщение датируется маем 1993 г. Из личного архива Думанишева Ауладина.

²⁶ Сказания о Жабаги Казаноко. Составление, подготовка к печати, комментарии и приложения З.М. Налоева, А.М. Гутова. Нальчик, 2001. С. 270.

²⁷ Куруцы // <https://ru.wikipedia.org/wiki/куруцы>.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² АКАК. Т. VI. Ч. I. Тифлис, 1875. С. 473.

³³ *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. II. С. 456.

³⁴ *Филонов С.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // *Кавказский сборник.* Тифлис, 1894. Т. XV. С. 446–447.

³⁵ АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. I. С. 467.

³⁶ АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 905–907.

³⁷ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 1. Ставропольская губерния // *Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани.* М., 2008. С. 103.

³⁸ *Бесленей – мост Черкесии.* Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья XIII–XIX в.: Сборник документов и материалов / Сост. С.Х. Хотко. Майкоп, 2009. С. 370.

³⁹ *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 91.

⁴⁰ *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. В двух томах. Майкоп, 2006. Т. I. С. 249.

⁴¹ *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // *Кавказский сборник.* Тифлис, 1900. Т. XXI. С. 124.

⁴² Там же. С. 125.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Архив внешней политики Российской империи. Кабард. дела. Ф. 115. Оп. 115/2. Д. 21. Л. 39.

⁴⁵ Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Под ред. Е.В. Гиппиуса. М., 1986. Т. III. Ч. I. С. 226.

⁴⁶ У Хан-Гирея имеется описание того, как убитого жанеевского князя « предали земле, как тело человека, погибшего за святое дело (шагод)», ввиду того, что убийцы схватили его во время совершения намаза. Данное событие произошло где-то во второй половине XIX в. *Хан-Гирей*. Избранные произведения. Подготовка текста и вступительная статья Р.Х. Хашхожевой. Нальчик, 1974. С. 249–250.

⁴⁷ *Сталь К.Ф.* Указ. соч. С. 165.

⁴⁸ *Алоев Т.Х.* Особенности динамики военно-политического положения хаджретской Кабарды в условиях трансформации международного статуса Закубанья (середина 1829–1830 годы) // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион*. 2011. № 2. (162). С. 26.

⁴⁹ *Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 261.

⁵⁰ АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 910.

⁵¹ *Алоев Т.Х.* Особенности динамики... С. 26.

⁵² Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 183.

⁵³ Там же. С. 181.

⁵⁴ *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 466.

⁵⁵ Там же. С. 461.

⁵⁶ *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2003. С. 344–345.

⁵⁷ *Сталь К.Ф.* Указ. соч. С.165.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ «Кабардинцы в то время, когда присваивали себе господство над соседственными племенами, были и законодателями вкуса для других черкесских поколений; в одежде и вооружении, в обычаях и нравах, на войне и мире – все ставили их в пример» – Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Вступительная статья и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик, 2008. С. 192.

⁶⁰ *Потто В.А.* Указ. соч. С. 341.

⁶¹ *Гордин Я.А.* Кавказ. Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000. С. 415.

⁶² *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов. Перевод с английского В.М. Аталикова. Нальчик, 2002. С. 370.

⁶³ Адыгэ хьыбархэр. Зэхэзыльхьар, пэублэ тхыгъэр, комментарийхэр зытхар Мыжей Михаилш. Черкесск, 1986. н-цI 182.

⁶⁴ *Ольшевский М.Я.* Указ. соч. С. 493.

⁶⁵ *Гейнс К.* Пшехский отряд (с октября 1862-го по ноябрь 1864 года) // *Материалы для истории покорения Западного Кавказа*. Нальчик, 2013. С. 280.

⁶⁶ *Сталь К.Ф.* Указ. соч. С. 78–79.

⁶⁷ Там же. С. 82.

⁶⁸ Там же. С. 91.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ О компетентности и объективности этих суждений можно судить по следующему признанию их автора: «Заметки свои я составил в 1849 году после трехлетнего пребывания моего за Кубанью. Ныне я решился привести их в порядок и дополнить при помощи подпоручика Омара Берсеева, абадзехского уроженца» – *Сталь К.Ф.* Указ. соч. С. 62.

⁷¹ Куруцы // [https...](https://)

⁷² *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 177.

⁷³ Там же. С. 169.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 170.

⁷⁶ Там же. С. 171, 185.

⁷⁷ Там же. С. 171.

⁷⁸ *Медведева К.Т.* Указ. соч. С. 334.

⁷⁹ *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 171, 173.

⁸⁰ *Медведева К.Т.* Указ. соч. С. 330–331.

⁸¹ *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 177.

⁸² *Медведева К.Т.* Указ. соч. С. 331.

⁸³ *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 176–177.

⁸⁴ *Медведева К.Т.* Указ. соч. С. 332.

⁸⁵ *Гусарова Т.П.* Указ. соч. С. 178.

⁸⁶ Там же. С. 179.

⁸⁷ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 242. Л. 6.

⁸⁸ *Торнау Ф.Ф.* Указ. соч. С. 296.

⁸⁹ *Сталь К.Ф.* Указ. соч. С. 156–157.

⁹⁰ Там же. С. 160.

⁹¹ Там же. С. 162.

⁹² Там же.

⁹³ *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах. Перевод с английского К.А. Мальбахов. Нальчик, 2007. Т. I. С. 141.

«...Самые слова подданство и покорность в адыгском языке не существуют»: хаджретский «нерв» в черкесском сопротивлении России в XIX в.

Цитата, вынесенная в название настоящего текста, является выдержкой из письма командующего войсками правого крыла Кавказской линии генерала Г.И. Филипсона по следам заключенного им накануне «мирного договора» с представителями Абадзехии – одной из крупнейших исторических областей Черкесии [1]. Столь категоричный и броский пассаж, вместе с тем, позволительно рассматривать и в качестве *credo* хаджретского движения, на протяжении десятков лет выступавшего протагонистом в черкесском Сопротивлении в ходе Кавказской войны.

Однако его значимость в контексте настоящего очерка определяется в несоизмеримо большей мере другими обстоятельствами. С одной стороны, такое артикулирование специфического феномена (вне зависимости от его политической ангажированности и степени адекватности лингвистическим реалиям) обнаруживает в нем важный элемент актуальной имперской повестки. И в этом плане такое свидетельство не воспринимается как романтизация генералом своих «диких» и, возможно, ему симпатичных противников. Тем более что оно было явлено в контексте животрепещущей неопределенности судьбы имперского проекта в регионе в посткрымский период.

С другой, такое суждение из уст «просветительски» рационализированных агентов имперского продвижения по меньшей мере выглядит как вердикт фатальной неспособности сторон, увязших на десятилетия в военно-политическом клинче, выработать если не платформу для компромиссов, то хотя бы обоюдопонимаемый инструментарий полноценной коммуникации. Можно в скобках добавить, что красноречивым подтверждением этого тезиса выступает утвержденный спустя лишь несколько месяцев план Геноцида (октябрь 1860 г.) [2: 475–476; 3: 179; 4: 150] как генерального модуса установления имперского контроля в Черкесии. Вряд ли это неутешительное обстоятельство проявилось столь радикально и со всей непреложной закономерностью как в опыте

многолетних усилий российского командования по противодействию устойчиво воспроизводимой антиимперской позиционированности хаджретов.

Ввиду того обстоятельства, что хаджретское движение зародилось и в течение десятилетий разворачивалось в основном на востоке Черкесии, в Кабарде, и до самого своего исчерпания не теряло своей кабардиноцентричности, представляется продуктивным хотя бы пунктирно прочертить динамику взаимных диспозиций между ведущим черкесским княжеством и постепенно, но неуклонно подвигавшейся к военному утверждению в регионе империей в течение XVIII в. Предлагая такой хронологический отсчет, мы исходим из того, что актуальные категории этого периода выступают своего рода субстратом по отношению к последующим «договорным конструкциям» между контрагентами более поздней эпохи. Как бы то ни было, очевидно, что сформировавшиеся или, по крайней мере, функционировавшие тогда образы взаимного восприятия во многом наследовались при выстраивании востребованной аргументации и в разгар российско-черкесского противостояния в первой половине XIX в.

При этом следует оговорить, что здесь не затрагивается полутора-столетний опыт взаимодействия черкесских княжеств и Московского государства. Во-первых, потому что конец XVII – первые гг. XVIII в. характеризуются явной дискретностью в отношениях России со своим наиболее мощным и стабильным контрагентом на Кавказе — княжеством Большой Кабарды. Во-вторых, совершенно очевидно, что петербургская дипломатия, отныне отринув «шертные» рудименты предыдущего периода, в общении с региональными акторами привнесла все более нарастающую прагматическую интонацию, не отягощенную сантиментами московских приказов.

В попытке соотнесения «языков самоописания» и взаимного восприятия политических акторов в регионе представляется уместным отметить, что XVIII в. с точки зрения доминировавших в течение его первой половины геополитических реалий, для Большой Кабарды начинается с разгрома крымско-татарских и османских войск в Канжальском сражении в сентябре 1708 г. [5]. Это событие, так или иначе, предопределило вектор, динамику и содержание последующих турбуленций в княжестве и существенно отражалось на политическом климате во всей Черкесии на протяжении последующих нескольких десятилетий. В этом плане думается разумным рассуждения о статусных (само)

представлениях сил, взаимодействовавших в регионе, выстраивать, отталкиваясь от этой поворотной вехи.

Представляется, что сведения находившегося с 1706 г. в Крыму католического миссионера, епископа Дюббана послужат приемлемой отправной точкой для «сквозной проекции» на этот вопрос. Очертив общие штрихи разгрома крымско-турецкой армии в военную кампанию 1708 г., Дюббан отмечал, что «после того черкесы установили связи с москвитями, не желая тем не менее им покориться» [6: 101]. Однако красноречивее этого суждения о положении Кабарды говорит содержание вопросника католической миссии в Крыму, зондировавшей возможности распространения своего влияния в Черкесии. Первый вопрос из него звучит следующим образом: «Кому они (черкесы. – *Т.А.*) подчиняются, коль по их собственным словам они не зависят от Великого Повелителя (османского султана. – *Т.А.*) или Царя или некоторых иных отдельных государей?» Сложно не заметить, что уже сама постановка вопроса вполне внятно показывает самопозиционирование политических единиц Черкесии.

Не фокусируясь на части ответа, относящейся к княжествам Западной Черкесии, приведем характеристику, отличающуюся исключительной определенностью относительно политического положения Кабарды. В ответе на вышеуказанный вопрос отмечается, что «... с 1708-го [г.], когда они (черкесы Кабарды. – *Т.А.*) наголову разбили с помощью военной хитрости татарскую армию, они защищаются как могут, и слушать не желают о дани. Кабарта, являющаяся самой сильной областью, полагается на свои ущелья и на суровость своих гор. Ныне они поддерживают некоторые сношения с Царем, но не подчиняясь ему. Великий Повелитель (османский султан. – *Т.А.*) не имеет никакого отношения к Черкесии, ни равнинной, ни горной» [6: 112].

Ретивость миссионеров, заинтересованных в получении максимально объективных сведений о стране, рассматривавшейся ими как потенциальный объект приложения своих усилий, кажется, может служить ручательством достоверности приведенной информации. Тем более что источники более позднего периода вполне согласуются с подобным видением. Весьма показательным в этой связи содержание памятной записки российского резидента И.И. Неплюева Порте в августе 1731 г. Этот текст примечателен, наряду с прочим, и в том смысле, что он отражал положение Кабарды в условиях неоднократных попыток Бахчисарая взять реванш за Канжальское поражение. Также необходимо иметь в виду, что появление документа было вызвано стремлением

внешнеполитического ведомства России предотвратить склонение баланса сил в регионе в пользу османов в условиях очередного крымского наступления на Кабарду [7]. Документ начинается со следующей сентенции: «Известно Блистательной Порте, что провинция Кабарда, или лутче сказать Черкесия из разных народов состоит, имея много князей из которых некоторые издревле в российском подданстве (можно предположить, что подразумеваются служилые князья на нижнем Притеречье. – Т.А.), а иные у блистательной Порты (речь может идти о Жанеевском княжестве и в меньшей степени о Кемиргоевском, Хатукаевском и др. феодальных владениях Западной Черкесии. – Т.А.), а иные нейтральны между обоими империями» [7: 43]. Симптоматично, что главный тезис послания логично сводится к тому «что Кабарду надобно в покое оставить» [7: 44], но не ввиду ее «подданства» России (которое лишь робко обозначается в тексте), а «на том основании, как она от многих лет донныне содержится, ибо в тех краях движения войск, с коея б стороны ни было, не безподозрительно...» [7: 44]. Нетрудно заметить, что в этой сентенции просматривается мысль о том, что и сама российская сторона считала неприемлемым для себя инициирование «в тех краях движения войск». И здесь не приходится гадать о том, какие политики Черкесии были «нейтральны между обоими империями». Собственно последовавший спустя несколько лет Белградский договор между Российской империей и Османским государством подтвердил «нейтральный»/«вольный» статус Кабарды, обозначив ее как «барьеру» между двумя державами [8: 19]. Однако данное обстоятельство не стало существенным фактором закрепления этого положения. Не говоря о том, что трактат предусматривал опции для вмешательства в дела трех восточночеркесских княжеств, уже сама практика артикулирования политического статуса Кабарды в контексте исключительно межимперских компромиссов предельно ясно обнаруживала нарастающую тенденцию «деакторизации» кабардинских феодальных владений в системе координат взаимодействия двух держав.

В этой связи показателен взгляд на значение этого международно-правового документа, изложенный генералом де Медемом в «декларации» кабардинским князьям в 1776 г. Следует указать, что она была составлена в тот период, когда маховик кровопролития уже более чем десятилетие раскручивался по нарастающей, и Петербург готовился к очередному, небывалому до того территориальному прорыву вглубь Большой Кабарды. Военачальник выговаривал правителям княжества, что «Российский императорский двор» в свое время лишь «споспеше-

ствуя общему благому намерению и примирению согласился почесть кабардинцов вольным народом ни от кого независимым и бариерным между обоими империями». И далее, предупреждая возможные аргументы со стороны своих визави, он в ультимативном тоне доводил до их сведения актуальные на тот момент реалии межимперского взаимодействия: «такие прежнего мирного трактата обязательства натуральным образом уничтожились и окончились последующе потом между обоими империями недавно минувшею воиною». Разумеется, имперский агент, констатируя такое положение, рассматривал его в качестве непреложного императива для правителей небольшой страны. Заключал же российский генерал свои рассуждения откликавшимся на текущие имперские задачи внушением. Манкируя декларировавшимся Петербургом на протяжении десятков лет статусом восточнечеркесских княжеств, автор небрежно отзывался о притязаниях кабардинцев, «некоторое краткое толко время находившихся свободными, но потом возвращенных паки в здешнюю принадлежность» [9].

Подобные формулировки, проинтерпретированные *post factum* и отвечавшие задачам имперской политики в условиях нового международно-правового режима после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., сущностно противоречили той модели сосуществования, которую могла предложить кабардинская элита. Об этом свидетельствует содержание письма правящего триумvirата Большой Кабарды (Мисост Касай*, Хатокшоко Мисост, Кейсин Кази) Екатерине II в связи с заложением на территории княжества российской крепости в районе Моздока. Озвучивая просьбу о том, «чтоб Ваше величество на Маздоке город строить приказать не соизволили б», правители княжества прибегли к традиционному и до того момента приемлемому для адресата аргументу – «за что мы принуждены будем остаться под державою вашего Величества до окончания нашего века» [10]. Далее, раскрывая свое понимание нахождения «под державою» ее Величества, авторы письма старательно пытались обосновать свою позицию. Так, они напоминали, что «издревле **присяжными** именуемься и для того ту нашу **присягу** и донныне наблюдаем безпорочно а как оной наш Моздок по прежнему у нас оставлен будет то мы еще веренность вашему величеству **присягу** свою возобновить должны а егда как о пожаловании нам Моздока... откатца соизволите то в таком случае **присягу** свою придём в несостояние, чего прежние государи весма охраняли а за единой такой круглой горо-

* В соответствии с узусом черкесского языка фамилия идет впереди имени.

док живущих между двух морей день и ночь в приуготовности на конях сидящей народ потерять было весьма непристойно ибо мы низжайшие вашему величеству продолжали свою службу безпорочно и толикое число нас народов... просим потерять не соизволите... а естли на Моздоке и в Мажаре (район современного Буденновска. – Т.А.) построены будут города то уже нам кабардинцам и жительствовать места не останца, но разве толко по горам и каменистым местам себя подвергнуть имеем... и заподлинно сему вы поверить не можете однако напоследок усмотрите что мы такие места имеем аще нас господь бог сам не разобьет, то человеку разбить будет ника(к) невозможно толко за напрасно [нас] от вашего величества не отдалили бы ибо мы до скончания нашей жизни оставя Вашего величества никуда не отедем, но сверх того по желанию вашего величества верною нашею **присягою** (выделено нами. – Т.А.) уверим...» [10].

Разумеется, этот колоритный текст, отличающийся обилием переходов в диапазоне от манифестации лояльности до лукавой ламентации и ультиматума, заслуживает пристального всестороннего осмысления. Здесь же отметим черту, наиболее выразительно проступающую в послании черкесской элиты. Невзирая на начавшуюся открытую агрессию, она, следуя прагматике политического поведения (даже на уровне протокола не пренебрегая выработанной в предыдущий период риторикой), взывает к аргументам легко достижимого на ее взгляд консенсуса. При этом, будучи не первое десятилетие осведомленной об актуальности Белградского договора как документа, определяющего имперскую политику в регионе, она не апеллирует к его условиям, которые, казалось бы, могли в той ситуации послужить весьма действенным инструментарием для защиты своих интересов. Черкесские князья изначально могли отторгать его условия (хотя мы не располагаем источниками, в которых такая позиция выражалась бы прямо) как сформулированные по принципу *sine nobis de nobis* («о нас, но без нас»), и точно не рассматривали их как примарные в ходе своих многочисленных внешнеполитических инициатив с 1739 г. Более того, совершенно очевидно, что в предлагаемом *modus vivendi* инициаторы послания не допускали (по крайней мере, для себя) ни малейшего отклонения от традиционных форм внешнеполитического взаимодействия, в рамках которых их субъектность не подвергалась сомнению. Поэтому лексическим референтом этого текста выступает слово «присяга».

Черкесы и в последующем, невзирая на череду поражений и тяжелых потерь, продолжали настаивать на неприемлемости взаимоот-

ношений, ограничивающих их самостоятельность. Примечательно, в этой связи, их заявление накануне самой кровопролитной в XVIII в. кабардино-российской военной кампании 1779 г., где указывалось, что «они никогда российскими подданными не были и если со времени царствования Иоанна Васильевича имели сношения с этим государством, то не как подданные и покорные царю, а лишь как конаки» [11: 102]. Такое самопозиционирование П.Г. Бутков спустя столетие проинтерпретировал в том ключе, что кабардинцы тем самым якобы ставили себя в «положении, чтоб их российская держава всегда предохраняла и защищала от их неприятелей, не требуя от них за то никаких жертв» [12: 51]. Разумеется, фактологическая канва, связанная с многовековым сосуществованием России и Большой Кабарды, определенно не согласуется с подобной «наивной» оценкой асимметричности (в пользу последней) взаимоотношений двух акторов кавказской политики.

За последующий относительно небольшой промежуток времени Кабарда испытала на себе ряд суровых ударов, болезненно отзывавшихся на всех сторонах жизни княжества. В ходе ожесточенной военной кампании 1779 г. феодальное ополчение черкесских князей безоговорочно уступило царским регулярным войскам. Аннексия северных районов, закрепленная вслед (и в результате этого), привела к потере более чем 2/3 территории Большой Кабарды. В 1791(2) г. Петербург по Ясскому миру добивается от Порты согласия на расчленение территории Черкесии и, в частности, ее ведущего княжества. Тогда линией разграничения двух империй была объявлена р. Кубань [8: 45]. Разумеется, такое решение не могло быть воспринято благожелательно в Черкесии. И все же в Петербурге чувствовали себя настолько уверенными, что в следующем 1793 г. решились на введение в Талостаневском и Джиляхстаневском княжествах, а также на правобережной (р. Кубань) части территории Большой Кабарды т.н. «родовых судов и расправ» [13: 10], направленных на «умножение зависимости» восточных черкесов.

Такие изменения означали, что с этого времени к аннексиям и вооруженному подавлению сопротивления в качестве эффективных опций имперского утверждения в регионе присовокупляется неприкрытая интервенция в институциональное пространство трех восточночеркесских княжеств, направленная на форсированный демонтаж его основ. До конца столетия имперские усилия в этом направлении были весьма настойчивы и их разрушительные последствия для Кабарды все ощутимее. И все же устойчивости княжества к перманентно нараставшему

неблагоприятному воздействию хватило на то, чтобы император Павел в мае 1800 г. вынужден был признать, что кабардинцы «находятся больше в вассальстве российском, нежели в подданстве» [12: 562]. Однако такой констатации, как показал ход событий, было недостаточно для смены генеральной имперской установки, в принципе не допускавшей сохранения региональными политиями своей субъектности в долгосрочной перспективе. Упорная нацеленность на демонтаж черкесских институтов предельно обнажила целеустановку имперского продвижения, что послужило толчком, катализировавшим поиск новых способов самосохранения. Хотя имперского ресурса хватило на то, чтобы купировать инициативы черкесских князей в это время и упредить зарождение массового движения посредством нейтрализации наиболее активной части недовольных в 1794 г., со временем ситуация существенно менялась.

Вскоре, в течение 1799 г., как неоднократно описывалось в историографии, после бегства пши Хатокшоко Адильгирея из России, черкесы Кабарды приступили к формулированию и реализации эффективной политики противодействия имперским устремлениям. Воплощая основной императив своей программы он, «возвратясь побегом... в свое отечество, мстительным голосом рассеивал здесь мысли свои о возвращении отечеству своему вольности» [12: 560]. В связи с ситуацией здесь, командующий российскими войсками на Кавказе генерал Кнорринг докладывал царю о том, «что девять ветреных владельцев (пши. – Т.А.) и много узденей быв руководимы советами его, [Хатокшоко] Адильгирея скопились в одно место и взяли дерзкое намерение установить в Кабарде духовный суд... и который бы совершенно ослаблял действие учрежденных Императорским Величеством в Кабарде родовых судов и расправ, до сего времени с довольным успехом... умножающих зависимость их к Высочайшему Вашего Императорского Величества Престолу» [14. Цит. по: 15: 41].

Как справедливо констатировал В.Х. Кажаров, призывы Хатокшоко Адильгирея и его единомышленников «нашли широкую поддержку среди дворян» [15: 42]. Однако реализация программы князя с самого начала оказалась под угрозой. Российское командование пристально следило за развернувшимися перипетиями на востоке Черкесии. Оно также предприняло мероприятия, направленные «на пресечение затей их в самых оных начале и навести страх на дерзких, а благонамеренных подкрепить» [13: 11]. Ввиду данного обстоятельства лидер кабардинского Сопротивления перенес свою «операционную базу» в закубан-

скую часть Кабарды. Он основал новое поселение в «весьма крепком месте при речке Малый Зеленчуг» и, согласно сведениям П.Г. Буткова, в 1802 г. при нем находились 200 кабардинцев, причем «партия его... ежедневно умножалась разбойниками» [12: 561].

Отныне и практически до конца российско-черкесского противостояния имперское командование именовало кабардинцев, переселявшихся на запад страны с целью продолжения Сопротивления, «беглыми». Касаясь семантики подобного эпитета, нам уже приходилось обращать внимание на то, что данная аттестация подразумевала «преступников, избежавших возмездия имперских законов» [16: 269]. Вместе с тем в попытке осмысления характера и содержания переселенческого движения кабардинцев нельзя игнорировать и другой его аспект. Прежде всего, следует иметь в виду, что миграция из центра Кабарды в Закубанье произошла по причинам, не связанным с внутрикабардинскими противоречиями. «Этот процесс носил экзогенный характер и являлся реакцией, ответом на внешнюю причину, каковой являлась российская агрессия против Кабарды. О том, что переселение носило в буквальном смысле характер «бегства», говорит то, что оно происходило без подготовки, в спешке, в условиях постоянной опасности нападения со стороны русских войск, когда многие материальные ценности уничтожались из-за невозможности их транспортировки» [16: 269]*. Несмотря на это, в основу нового самопозиционирования кабардинских переселенцев легли не факторы драматических обстоятельств, сопровождавших их исход. О том, чем же оно подпитывалось и как, обратившись к сюжету

* Источники весьма красноречиво описывают условия переселения. Российский «пристав» в Кабарде генерал-майор Дельпоццо писал в 1805 г.: «В прошлом году чрез Каменный мост кабардинский возмутитель, владеец... Росланбек Мисостов бежал за Кубань и увел с собой кабардинских узденей и черного народа 275 семей...» [17: 973], «...а что Росланбек Мисостов и прочие уздени с ним бежавшие не иначе могли пробраться горами за Кубань, как только оставя все свое имущество... в одной одежде способной увезти на верховых лошадях» [17: 969]. Генерал Ермолов о кабардинской эвакуации 1822 г. вспоминал: «Отсюда (с долины р. Баксан. – Т.А.) генерал-майор Вельяминов 3-й с частью войск, к каким присоединился с отрядом полковник Победнов, отправлен на Кубань к Каменному мосту для воспрепятствования кабардинцам при побеге за Кубань увлечь подвластных их с семействами и имуществом. Лишь скоро узнали они о движении войск, поспешили перейти за Кубань, но некоторых застали еще войска наши, отбили стада их и преследовали спасающихся вверх по Кубани, где места неприступные могли служить им убежищем» [18: 378–379]. Военный историк В.А. Потто, суммировав сведения об этом событии, рисовал следующую картину: «... неприятель бежал, и по высотам, в отдалении, можно было видеть спасающиеся семейства кабардинцев и угоняемые стада. Майор Якубович со своим батальоном преследовал бегущих» [19: 373].

из священной истории о мухаджирстве, кабардинцы его универалистский пафос адаптировали к решению партикулярных (с религиозной точки зрения) задач, а также мотивах, которыми руководствовалась чуть ли не половина кабардинцев в своем нелегком выборе, вдумчиво рассуждал В.Х. Кажаров. «Во времена Кавказской войны, – писал он, – деяния пророка Мухаммада и его сподвижников, воспевавшиеся в закирах, служили для адыгов нравственными примерами, которым они стремились подражать в своей повседневной жизни. Далекое не случайно, что «беглые» кабардинцы, продолжавшие сопротивляться России, стали называть себя «ха[д]жретами». Переселившись за Кубань, они как бы совершили «хиджру», временно оставив свой край во власти неверных. Они намеренно не пользовались адыгским словом «хэхэс» (переселенец), предпочитая сравнивать себя с первыми мусульманами, переселившимися из Мекки в Медину в результате обрушившихся на них гонений. Тем самым «ха[д]жреты» подчеркивали религиозный аспект своего переселения и неизбежность возвращения в [центральной] Кабарду, как и первых мусульман в Мекку» [15: 77].

Таким образом, черкесы Кабарды, вовлеченные в движение под руководством Хатокшоко Адильгирея (а после его смерти и других кабардинских пши), сами обозначали себя хаджретами, исходя из политических и этических мотивов своего исхода. Российская же сторона предсказуемо исходила из своего отношения к ним и присущего ей категориального аппарата. Соотношение между этими двумя компонентами структуры хаджретского «лексико-идентификационного поля» на протяжении периода их актуального функционирования оставалось дистантным (хотя каждая из них в ходе более чем полувековой эпопеи претерпевала определенные, порой существенные метаморфозы)*.

Вполне объяснимо, что черкесы в поисках формулы противодействия нарастающему стремлению соседней державы расширить свое

* В российских документах превалирует эпитет «беглые», отражая, как отмечалось, имперскую квалификацию кабардинских мигрантов. Также нередко в российских источниках они именуется «абреками», тем самым подменяя содержание адыгского понятия: «Несколько кабардинских семейств с подвластными перешли разновременно в долины двух Зеленчуков и составили отдельную усадьбу в соседстве с абадзехами. Они известны у нас под именем абреков» [20: 51]. Встречаются источники, акцентирующие внимание на географической локализации хаджретов, описывая их, к примеру, как «за-Лабинских кабардинцев» [21: 91]. Подчеркнутой нейтральностью отличается аттестация швейцарца Жилия, писавшего о «переселившихся кабардинцах» [22: 139]. Артикулируя ключевую характеристику хаджретов, Ростислав Фадеев в конце войны называл их «вольными кабардинцами» [23: 162].

могущество за их счет, пошли по пути возведения эффективной (в первую очередь с военной точки зрения) национальной идеологии на базе актуализации религиозной идентичности. Этому способствовало то обстоятельство, что хаджретская самоидентификация сложилась в рамках стремительной интенсификации исламского прозелитизма в Кабарде на фоне жесткого имперского давления, вскоре вернувшегося к парадигме неприкрытой военной агрессии (после периода относительной стабилизации, наступившего вслед за поражением кабардинцев в военной кампании 1779 г.). Арифметическое большинство населения уклонилось от радикального деятельного противостояния напору заведомо превосходящих сил. Определенная часть населения избрала пассивное сопротивление оккупационным властям, многие просто выжидали, а некоторые пошли по пути открытого содействия имперским усилиям.

Рассуждая о структуре идентичности новообразованного в ходе деятельного сопротивления сообщества, нельзя говорить о ее полноте, если не учитывать, что сознательное и форсированное (по историческим меркам) формирование новой идентичности с необходимостью предполагает лексическую (часто в уничижительном ключе) маркировку альтернативных, а порой и антагонистичных стратегий социальной активности/пассивности. Рассматриваемая здесь ситуация определенно подтверждает данную закономерность.

Принятые в Черкесии названия коллаборационистов отличались символической выразительностью и в эмоциональном плане ярко выраженной уничижительностью характеристик. Так, в песне, посвященной одному из виднейших лидеров закубанских кабардинцев князю Ажджеруюко Кушуку, антагонисты хаджретов определяются как «мылицэ гуцэурэ кхьуэцхэр зыгъэкI» («милиция, что свиную щетину отращивает») [24: 70]. В другой песне, в которой повествуется о мести молодого человека, выжившего при разорении родного аула захватчиками, соплеменники, причастные к злодеянию, названы «кхьуэ пIацэ» («дикие свиньи») [25: 331]. На этом фоне совсем неслучайна бытующая в черкесской диаспоре Турции уничижительная оценка, адресованная кабардинцам, оставшимся безучастными к хаджретской Альтернативе. Она звучит так: «ПуацIэдэсыр кхьуэсурэтс, хьэжрэтыр жэнэтбзус!» («Междуреченец [т.е. житель центральной части Кабарды – Т.А.] – свиноподобный, хаджирет – райская птичка!») [26: 158], «ПуацIэдэсым кхьуащхьэрэ кхьуакIэрэ япытц» («у жителей междуречья, т.е. центральной части Кабарды, свиные головы и хвосты») [27].

Также показательна и следующая полная диффамативного содержания фольклорная формула: «Си быным кхъуэлрэ мылицэрэ фІэкла ямышхаи мы дунейм теткъым» («И нет на свете ничего, чтобы не ели мои дети, кроме свинины и милиции») [28: 270].

Принимая во внимание «тернарную» композицию идентичности у рассматриваемого сообщества, все же следует подчеркнуть, что в плане понимания ее дальнейшей эволюции определяющее значение имеет именно диспозиция элементов ее структуры. И здесь важно обратить внимание на один довольно характерный для процесса гуманитарного исследования момент. Как часто бывает при описании тех или иных сюжетов, лексическая оснастка заимствуется у объекта исследования. Тем самым она становится инструментом исследовательского метаязыка. В каждом конкретном случае со всей непреложностью возникает необходимость выяснения соотношения между словом – категорией метаязыка и понятием, приписываемым какому-либо субъекту в качестве актуального для его исторической ситуации.

При взгляде на историческую динамику хаджретского «лексико-идентификационного поля», его устойчивость просматривается особенно зримо. Вышеуказанная дистантность элементов структуры хаджретской знаковой системы обусловили устойчивость её синтактики на длительный период. Это обстоятельство существенно облегчает лишенное смысловых aberrаций восприятие соответствующего нарратива, что позволяет выстроить прагматически корректную оптику при рассмотрении знаковой системы, отражавшей хаджретскую Альтернативу. Повышению стереоскопичности восприятия этого феномена способствует ознакомление с динамикой семантических изменений центрального элемента системы (концепта *хаджрет*). Однако прежде чем обратиться к главным вехам, ознаменовавшим направление и особенности этой динамики, принципиально важно обозначить перманентный на протяжении нескольких десятилетий фактор, через который преломлялись грани хаджретского самосознания и которым, так или иначе, определялась вся палитра смысловых оттенков, сопровождавших хаджретскую идентичность.

Речь идет о военно-политических параметрах присутствия кабардинцев в зоне российского продвижения в бассейне р. Кубань. Занятую новым сообществом позицию, которая позволяла выступать в качестве долговременного фактора этнополитического развития в субрегионе, «оказывая значительное влияние на расстановку здесь военно-политических сил» [29: 24], неизменно подтверждают российские источники.

Так, в мае 1823 г., спустя лишь несколько месяцев после завершения второй и самой масштабной волны эвакуации восточных черкесов из центра Кабарды, генерал Ермолов отмечал: «Из сведений доходящих о нападении Закубанцев известно, что беглые кабардинцы не только участвуют в оных, но всячески стараются возбуждать против нас разбойников и, зная места, служат провожатыми партиям». Проистекавший из этого положения приказ, гласивший о том, что «в случае если кто из бежавших за Кубань кабардинцев достанется в руки наши, таковых... наказывать смертью» [30: 473], думается, красноречиво характеризует значимость хаджретского присутствия в бассейне р. Кубань. Военный историк Потто отмечал в связи с этим: «Покорение [центральной части] Кабарды создало новую причину вечных тревог на правом фланге, на верхней и средней Кубани. Беглые кабардинцы стали за Кубанью новым элементом, постоянно возбуждавшим к непрерывным и мстительным набегам. Под их влиянием выходили тогда на линию все крупные шайки» [19: 456]. Весьма симптоматично в этом плане то обстоятельство, что в начале очередной русско-турецкой войны, командуя Кавказской линией генерал-лейтенант Емануель, обращаясь с прокламацией к «закубанским народам», из всей их палитры упомянул лишь хаджретов. Он писал: «От беглых кабардинцев, находящихся за Кубанью, один раз навсегда я требую, чтобы они от хищничеств удержались; в противном же случае, добычами не заменятся им потери, которые понесут они, если привлекут на себя русское оружие. К тому же и сами жители закубанские, давшие им убежище, должны за стыд почитать следовать их легкомысленным советам, а того еще более – терпеть в них своих притеснителей и им повиноваться» [31: 446–447].

Представленный текст высвечивает три принципиальных момента в позиции России по отношению к «беглой Кабарде». Во-первых, сам факт персонификации только «беглых» кабардинцев из всей совокупности феодальных и республиканских политий Закубанья, некоторые из которых обладали людскими ресурсами в десять раз превышавшими хаджретские, косвенно говорит о значительно более «качественном» ведении хаджретами военных действий против России, нежели акторы Западной Черкесии. (Вместе с тем следует принять во внимание то обстоятельство, что «беглые» кабардинцы рассматривались российским правительством в качестве мятежных подданных империи, в отличие от остальных черкесов, чье благожелательное отношение в условиях войны с Портой было весьма необходимым для России. Этим и объясняется тон неприкрытой враждебности, с которым обращались к

хаджретам). Во-вторых, требование Емануеля к кабардинцам, чтобы те «от хищничеств удержались», характеризуют отношения России и хаджретов как permanently антагонистичные независимо от внешне-политической конъюнктуры.

В-третьих, в заключительном предложении к хаджретам констатируется наличие политической подчиненности одних сообществ Закубанья (карачаевцы, абазины) «беглым» кабардинцам и значительное влияние последних на другие черкесские политии (Абадзехия, Бесленей). (Тем самым обнаруживается несостоятельность сделанного в свое время генералом Ермоловым «предостережения» о том, что переселение кабардинцев за Кубань поставит их в положение «зависимости» и «подчиненности» от жителей Закубанья» [30: 467]).

Те же позиции относительно хаджретов были подтверждены и после драматичной военной кампании в субрегионе, хронологически приходящейся на период русско-турецкой войны 1828–1829 г. Показателен в этом плане рапорт, составленный генерал-майором Бековичем-Черкасским и полковником Гасфортом от 17 сентября 1830 г., адресованный Паскевичу. В нем отмечалось, что в Закубанье «кабардинцы продолжают пользоваться уважением между другими племенами, давшими им пристанище» [32: 905]. Авторы документа, рассматривая возможность их возвращения в центральную Кабарду, мотивировали свою инициативу тем обстоятельством, чтобы «оставаясь доле между Закубанскими народами, они не могли вновь вооружать их против России, ибо замечено, что до сего времени кабардинцы всегда были там первыми зачинщиками и участниками грабежей, произведенных в пределах наших, увлекая обыкновенно примером своим и те колена, которые изъявляли прежде к нам благонамеренность» [32: 907].

В последующие десятилетия хаджретский фактор не терял своей значимости в субрегионе. В 1851 г. российские военные специалисты аттестовали кабардинцев как «самое доблестное и храброе племя на правом фланге» [33: 103]. Значительно позднее, в 1860 г. о них говорилось, что «беглые кабардинцы составляли самую крепкую защиту и оплот абадзехов со стороны верховьев рек Ходзи и Белой» [34: 370]. И, наконец, в год завершения векового противостояния (1864), граф Евдокимов отнес «заЛабинских кабардинцев (бежавших назад тому 45 лет из Кабарды)» к числу «наиболее воинственных» адыгских групп, «на которых лежала вся тяжесть прежней войны с горцами, так как они составляли авангард неприязненного нам населения и которые наиболее нам вредили...» [21: 91]. Видимо, эти обстоятельства были приняты во

внимание, когда выдающийся кавказовед М.М. Ковалевский, окидывая интеллектуальным взглядом давно переставшие быть злобой дня перипетии Кавказской войны, заключал, что «самые опасные наши противники на западе [были] – кабардинцы, и самые упорные защитники национальной независимости на востоке – горцы Дагестана и чеченцы...» [35: 249].

Столь значимое положение массива кабардинских переселенцев в воюющей Черкесии на протяжении целой эпохи было также неразрывно связано с его упрочением в качестве все более нарастающего источника референтных символов в масштабах всей страны. Этот аспект их позиции в конфигурации этнополитического взаимодействия в регионе требует более детального разъяснения.

В конце 1840-х гг. К.Ф. Сталь, имевший возможность непосредственного и длительного изучения ситуации в Черкесии, отмечал, что погибшие к тому моменту черкесские пши Болотоко Джамбулат, Хатокшоко Магомет-Аш(е), Каноко Айтек и «старшина» Харциж Аля «были хаджиретами» [36: 124]. Здесь также было отмечено, что лишь «с 1835 года хищники приняли название хаджиретов» [36: 125]. Упоминание в качестве рубежной вехи в хаджретской эпопее именно этой даты (а, к примеру, не 1822 г.) вкупе с представленной галереей «эталонных» хаджретов, в которой значился лишь один-единственный кабардинец, при поверхностном взгляде на ситуацию как бы подводит к эффекту когнитивного диссонанса. В данном случае готовность к коррекции исследовательской оптики и допущение динамичности парадигмы изучения хаджретской проблематики позволяют снять кажущиеся противоречия и реализовать эвристический потенциал, заложенный в этих «нестандартных» сведениях.

Реализуя данный посыл, будет уместно привести пассаж автора, которым он иллюстрирует формы проявления представленной им «социальной инновации». Он указывал, что принятие названия хаджретов в 1835 г. сопровождалось тем, что «воровство приняло религиозный характер. Хищничество и набеги в наши пределы считаются делом душеспасительным, а смерть, понесенная на хищничестве в русских пределах, дает падшему венец шагида или мученика» [36: 125]. Однако данные характеристики не являются чем-то новым для кабардинцев: именно эти идеи были актуализированы в Кабарде в 1774 г., когда восточные черкесы штурмовали Моздок «во главе со своими духовными» [37], атаковали 10 крепостей нововозведенной имперской передовой линии в военную кампанию 1779 г. [38: 226], в столкновениях с рус-

скими на нижнем Притеречье в 1785 г. и в ходе всех сражений первой трети XIX в. Да и для населения кяхской части Черкесии понятие о гибели «за святое дело» было вполне укорененным за десятилетия до сер. 30-х гг. XIX в.)^{*}.

Прояснению ситуации способствует авторская нюансировка, последовавшая в другом месте, где обозначается иной хронологический репер – время «около 1837 года» в качестве рубежной вехи, отображающей качественный сдвиг в социальных процессах запада Черкесии. Исходя из представленного контекста, следует понимать, что не позже этого времени «появилось сословие хаджиретов или хищников за веру; воровство приняло священный характер, надело маску религии» [36: 165]. Таким образом, становление хаджретства в качестве сословия, надевшего «маску религии», т.е. вооружившегося религиозной идеологией, К.Ф. Сталь определенно относит к периоду 1835–1837 гг.

В свете подобных сведений выяснение авторской трактовки и соответствующей ей семантики хаджретства, а также объяснение столь значимого социального сдвига, претендовавшего по меньшей мере на коррекцию общественной структуры, и в рамках которого переопределялся «онтологический статус» довольно привычной к тому времени для подавляющего большинства черкесов исламской доктрины, приобретают необходимый характер.

Представляется, что наиболее приемлемой точкой отсчета в выстраивании объясняющего контекста данных процессов выступает Адрианопольский трактат 1829 г., которым ознаменовалось начало открытого завоевания закубанской Черкесии Российской империей. Нами уже отмечалось, что радикальная смена привычной геополитической конфигурации в регионе, вызванная условиями завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг., ввергла кяхские феодальные владения и главных носителей сопротивления Западной Черкесии – абадзехов, нутухайцев, убыхов и шапсугов (правда, последних ненадолго), в состояние «растерянности» [40: 26]. Один из активнейших политиков страны шапсугский аристократ Абат Бесленей признавал, что «ровесникам его, пользовавшимся некоторой известностью, оставалось тогда избрать одно из следующих трех предположений: первое – удалиться в Турцию, в «землю мусульман» и там, в служении богу, ждать смерти; второе – по-

^{*} У Хан-Гирея имеется описание того, как убитого жанеевского князя «предали земле, как тело человека, погибшего за святое дело (шагод)», ввиду того, что убийцы схватили его во время совершения намаза. Данное событие произошло не позднее 1820 г. [39: 249–250].

селиться в ущельях, отдаленных от обеспокаеваемых гор... и третье – предаться покровительству России...» [39: 261]. Впрочем, черкесов, которые «уверились, что судьба их края предоставлена России», согласно даже пророссийски настроенному Хан-Гирею, все же числом было «незначительно» [39: 261]. Несмотря на масштаб новой угрозы, основные акторы западночеркесского политического процесса с трудом преодолевали такой разброд. Так, в документе, датированном 1831 г., отмечается, что «абадзехи и натухайцы присылают беспрерывно нарочных с просьбою о начатии военных действий о занятии Российскими войсками бухт Суджук-кальской и Геленджикской, которые служат ключом покорения черкесов...» [32: 910]. Между тем «лидеры хаджретской Кабарды (до этого не раз демонстрировавшие наличие консолидированной субъектности) не имели иллюзий насчет вероятных сценариев дальнейшего взаимодействия» [40: 26]. Хотя к этому времени на театре военных действий уже достаточно давно было привычным, что «кабардинцы эти считали себя независимыми от России и, вместе с другими черкесскими племенами, вели упорную борьбу с русскими войсками и казачеством», повышенная (в сравнении с другими центрами силы воюющей Черкесии) устойчивость к первоначальным вызовам, последовавшим вслед за кардинальной сменой международно-правовой парадигмы в регионе, и ортодоксальная приверженность изначальной мотивационной платформе хаджретской Альтернативы («бежавшие кабардинцы, озлобленные покорением их земли, дали обет, пока живы мстить русским» [41: 183], «...выходцев из Кабарды... мест покоренных русскими, которые, посвятив себя на постоянную, беспощадную войну с нами, носили черкесское название гаджрет...» [41: 181]), обеспечивали им статус бастиона поборников независимости в глазах всего населения страны адыгов. Этому, несомненно, способствовал и режим постоянного наращивания военного прессинга со стороны России по всему периметру закубанской Черкесии.

Так, по окончании войны с османами иницируется крейсерское патрулирование черкесского побережья и предпринимается попытка установления сухопутной связи между Сухумом и находившейся теперь в руках России Анапой (1830). Закладываются сразу несколько укреплений в низовьях Кубани, и в том же году, опираясь на них, здесь оперирует корпус российских войск под началом командующего на Кавказе Паскевича. В 1831 г. в дополнение к Анапе российские войска закрепляются и в районе Геленджика. В последующем цель обеспе-

чения сообщения нижней Кубани с Геленджиком и соображения по отсечению шапсугов от части «плодородной равнины расположенной между Кавказским хребтом и Кубанью» сподвигают командование Отдельного Кавказского корпуса начать ежегодные крупномасштабные военные экспедиции. Задействовав значительные ресурсы, российские войска с лета 1834 г. приступили к планомерному решению поставленных здесь задач. Особенно серьезные силы были сконцентрированы в руках генерала Вельяминова в кампанию 1835 г. Тогда на крайнем западе Черкесии оперировала группировка войск численностью более чем 11 тыс. чел. [42: 466]. (Для сравнения отметим, что за несколько лет до этого для взятия сильнейшей на восточном побережье Черного моря турецкой крепости Анапа россиянам понадобилось чуть более 5 тыс. чел. [42: 461]; российским отрядом численностью 9 тыс. штыков и сабель в ноябре 1853 г. при Башкадыкларе были разгромлены вчетверо превосходившие их главные силы турецкой Анатолийской армии [43: 344, 345]). Походы подобных масштабов и интенсивности были организованы и в последующие годы.

В определенном смысле их можно рассматривать в качестве квинтэссенции имперских усилий на начальной стадии новой фазы продвижения в Черкесии, вызванного радикальным изменением геополитической конфигурации в регионе с 1829 г. Видимо, в том числе и поэтому в фокусе ретроспективного взгляда (длиной в полтора десятка лет) данные события предвосхищают, а судя по авторскому контексту, прямо предопределяют возникновение хаджретства как общечеркесского феномена. «Первые экспедиции наши за Кубанью были очень удачны: огромная баранта и табуны попадали в наши руки, и до сих пор закубанский край не может оправиться от своих потерь. Экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова были чрезвычайно важны...» [36: 165]. Именно после такого живописания следует вышеупомянутая авторская констатация того, что «в это время появилось сословие хаджиретов» [36: 165]. При соотнесении подобного видения с фактологической канвой, относящейся к данной ситуации, можно убедиться, что авторские суждения невозможно отнести к известной логической ошибке *post hoc, ergo propter hoc* (лат. «после этого, значит — вследствие этого»).

Воздействие таких факторов как перманентное нахождение на переднем крае борьбы в условиях систематического осложнения военнополитической обстановки, референтность и престижность аристократических восточночеркесских культурных форм в предыдущий исто-

рический период* и востребованность проповедуемой кабардинцами Альтернативы, к середине 1830-х гг. достигло критической планки, вслед за чем началось систематическое вовлечение в их «программу» «пассионариев» кяхской Черкесии. Успешному вовлечению в хаджретскую «программу» и «аноблированию» (пользуясь приемлемой для Сталя категорией, увидевшего в них новое сословие) в ряды ее приверженцев способствовала вся сумма военно-политических факторов на Северо-Западном Кавказе.

В рамках этого движения складывается совершенно отчетливый культурно-исторический тип хаджрета. Не удивительно, что культурная рамка предшествующего периода, базировавшаяся на характерных представлениях об эталонном рыцаре («*шууфл*»), в новых условиях крайнего напряжения социальных сил в процессе противодействия все нараставшему имперскому натиску обусловила релевантную ситуации знаковую систему с соответствующими этическим кодексом, костюмом, телесностью, стилем поведения и т.д. «Хеджрет – это открытый, доброконный, иногда закованный в кольчугу наездник; это лев набега», – констатировалось в тексте, посвященном осмыслению опыта векового противостояния с черкесами [19: 341]. Непосредственный участник этой коллизии, словно пытаясь красочно проиллюстрировать подобную характеристику, записал в своем дневнике, посвященном походу в Шапсугию в 1837 г. следующее: «При занятии аула несколько конных черкес были от нас не более как на $\frac{1}{2}$ ружейного выстрела, мы бежали за ними и стреляли, но они, ни мало не конфузясь, удалялись от нас шагом и меленькою рысью; приостанавливая лошадь в удобных местах, они по нас стреляли. Мы засыпали их пулями, но ни одного не могли ранить, ибо это были панцирники, одеты, как я еще не видел: все почти на серых лошадях, черкески обшиты серебром, опушки шапок белые и молодцы собою, но это, верно, не здешние сапсуги, а, верно, кубанские... которые на сражение надевают самое лучшее платье, какое у них есть» [Цит. по: 45: 415]. Буквально в это же время, другой пристрастный наблюдатель войны в регионе Дж. Лонгворт, пребывая у черкесов побережья, удостоверился, что «истинный тип черкесского рыцаря» «невозможно найти нигде в другом месте в настоящее время, кроме как на равнинах Кубани» [46: 370].

* «Кабардинцы в то время, когда присваивали себе господство над соседственными племенами, были и законодателями вкуса для других черкесских поколений; в одежде и вооружении, в обычаях и нравах, на войне и мире – все ставили их в пример» [44: 192].

Итогом внутренней трансформации понятия «хаджрет» явилось замещение им центральной позиции в ценностном «вокабуляре» черкесского языкового сознания (о чем, в частности, свидетельствуют и фольклорные данные!) [47: 182]. «Хаджрет» этого времени для черкесов это как *καλός καγαθός* («калос кагатос») для древних греков, или же «*honnête homme*», «*gentleman*» для европейцев Нового времени. Однако, если последние смысловые единицы сложились в больших и стабильных обществах посредством длительной эволюции внутрисоциальных процессов, то черкесский референт сформировался по историческим меркам молниеносно в условиях предельного напряжения социальных сил под напором имперского колосса. Поэтому неудивительно, что его профиль отмечен отчетливыми милитаризованными чертами. Особенно зримы они были для заинтересованного противника, подчеркивавшего, что «Безотчетною храбростью, смелыми набегами и хищничеством в наших пределах хаджиреты сделались знамениты за Кубанью» [43: 493]. Для того чтобы вернее судить о прочности сложившихся представлений относительно концепта хаджрет, позволим себе еще одну цитату. Российские военнослужащие, переброшенные с умирного Восточного Кавказа, в ходе знакомства с реалиями на западе перешейка усваивали, в частности, и лексические новшества. Так, вовлеченный в эту ситуацию российский офицер вспоминал: «Джигит – принесенное с левого фланга и из Дагестана, оно мало знакомо здешним горцам, у которых есть слово «хаджирет», также как и джигит, означавшее наездника, молодца» [48: 280]. Очевидно, что такая слава зиждилась не только на традиционной рыцарской аксиологии, но и на относительно недавно воспринятых понятиях о религиозной аскезе. По крайней мере, сведения о том, что имела место практика, когда «по обету для своего душеспасения считают необходимым пойти на несколько лет в Хаджиреты» [36: 78–79], позволяют трактовку в этом ключе. Таким образом, к середине 1830-х гг. хаджретская Альтернатива, зародившаяся и десятилетия реализовывавшаяся как преимущественно кабардинская «программа», эволюционировала в феномен общечеркесской значимости. Вместе с тем следует подчеркнуть, что порожденный ею культурно-исторический тип и в последующем продолжал нести в себе отчетливые родовые черты кабардиноцентричности. «Их соотечественники, поселившиеся между абадзехами, были всегда во главе всех предприятий. Щегольством наряда и модами они служили примером всем черкесам, живущим за Кубанью», – отмечал Сталь, характеризуя кабардинских мигрантов в Закубанье [36: 82].

И далее, у него рефреном звучала убежденность, что «беглые кабардинцы за Кубанью служат теперь примером мод и обычая» [36: 91]. В очередной раз отмечая, что «дворянский обычай кабардинцев (уорк-хабзе) сделался обычаем для всех черкес» и «черкесы характеризуют кабардинское дворянство прежних времен двумя словами – намазыра зауеныра, т.е. благочестивое и рыцарское» [36: 91], он был предельно компетентен в своих суждениях*.

Вглядываясь в траектории становления хаджретской Кабарды как мигрантского коллектива, возникшего в процессе активного противодействия процессам территориальных приобретений/уступок в ходе фактической реализации межимперских соглашений, следует признать, что они в значительной степени обуславливались особенностями самосознания нового сообщества. Его идейный субстрат и превалирующий вектор динамики наиболее зримо демонстрируются решимостью с его стороны предстать в качестве самостоятельной политики и позицией последовательного отрицания легитимности расширявшегося имперского присутствия. Эти качества наиболее отчетливо проявлялись в институциональном строительстве (внутриполитический аспект) и в реализованных стратегиях в отношении права оптации (внешнеполитический аспект).

Исследовательский взгляд на опыт институционального строительства и рассмотрение устойчивости индипендистского императива у хаджретов, пожалуй, будет правомерно предварить указанием на то обстоятельство, что кабардинская миграция на левобережье Кубани в течение длительного периода в основном не выходила за границы Большой Кабарды. Согласно российским источникам, даже к началу 1830-х гг. массив кабардинского населения в Закубанье в целом продолжал локализоваться в рамках исторических границ Кабарды, несмотря на давление с востока (Зеленчукская укрепленная линия) и возможность дальнейшей миграции западнее бассейна р. Уруп [49]. Качественные изменения эта ситуация начала претерпевать лишь в начале 1840-х гг. с началом эффективного функционирования Лабинской линии.

Представляется оправданным полагать, что такая устойчивая позиция иллюстрирует стремление хаджретского социума отстаивать свою

* Основательность и объективность воззрений Сталя подтверждается следующим его признанием: «Заметки свои я составил в 1849 году после трехлетнего пребывания моего за Кубанью. Ныне я решился привести их в порядок и дополнить при помощи подпоручика Омара Берсева, абадзехского уроженца» [36: 62].

независимость в максимально полном объеме. Вместе с тем следует указать, что значительная часть закубанских кабардинцев уже в первое десятилетие XIX в., и особенно со времени наиболее массовой эвакуации в 1822 г., оказывалась на территориях других черкесских политий. В особенности это касается Бесленеевского княжества и Абадзехии. При этом совершенно очевидно, что мигранты пользовались здесь правом экстерриториальности. Находившийся в течение двух лет в плену у хаджретов Ф.Ф. Торнау так описывал эту ситуацию: «Кабардинские абреки находились в чужой стороне, занимая земли уступленные им абадзехами, посреди которых они составляли отдельные общества, управляемые по их собственным обычаям» [41: 296]. В свете столь очевидно высокого уровня самоорганизации несколько удивляет относительно поздняя фиксация в российских источниках результатов целенаправленного институционального обустройства хаджретского социума. «Народное собрание кабардинцев на р. Марухе 1846 года. Беглые кабардинцы учредили у себя народный суд. Главным деятелем и языком народа был здесь Хаджи-Трам», — сообщает источник [36: 156–157]. В данном тексте предлагается и более подробная информация о структуре этого учреждения: «В марте месяце 1846 года беглые кабардинцы учредили также мегкеме и избрали себе кадия, валия и наиба. Целью устройства мелгеме (так в тексте. — Т.А.) положили они — «возстановление падающей веры, уничтожение воровства, разбоя, измены, обмана и зависти» [36: 160].

Не вдаваясь в детали структуры и механизма функционирования «мегкеме», а также условий его возникновения, именно в указанной пространственно-временной ситуации представляется существенным, прежде всего, артикулировать внутреннюю обусловленность устремлений, предпринявших подобный итог усилий со стороны хаджретов. Еще в большей мере характер созданного закубанскими кабардинцами политического образования оттеняет устойчивость хаджретской стратегии относительно принципа оптации. В этом плане примечательно следующее наблюдение: «Народы (с точки зрения современной номенклатуры вернее говорить о локально-этнографических группах. — Т.А.) черкесские, живущие за р. Лабою и по берегу Черного моря, признают... турецкаго султана своим халифом, главою религии, и во всех переговорах с нами ссылаются на мнимое покровительство султана... **Беглые кабардинцы, бесленеевцы и абазины не упоминают никогда о покровительстве турецкаго султана; о покровительстве этом толкуют только абадзехи, шапсуги, натухайцы и народы чер-**

кесские, живущие на восточном берегу Ч ернаго моря (выделено нами. – *Т.А.*)» [36: 162].

Для основных носителей военного потенциала страны декларации о «покровительстве» со стороны Порты были лишь элементом политики имперского сдерживания и не выходили за рамки «военно-дипломатической» риторики, адресованной Петербургу. Об этом можно судить хотя бы по четкому обозначению их позиции в связи с «уступкой» османами Черноморского побережья по Адрианопольскому договору 1829 г. Отвергая права султана в стране, черкесы заявляли, «что он не есть и не был их государем никогда, а что он только глава религии» [36: 162]. Показательно, что кабардинцы (вместе с устойчиво находившимися под их влиянием бесленеевцами и вассальными абазинами), реализуя свою политическую программу под «маской религии», уклонялись от доминирующего тренда в кяхской Черкесии, апеллировавшего, по крайней мере, к конфессиональной солидарности с могущественной Портой. Это тем более удивительно, что совокупный военный потенциал акторов Западной Черкесии во много раз превосходил ресурсы хаджретской Кабарды, а вероятность того, что словесные экзерциции по манифестированию своей приверженности османам могли впоследствии быть использованы последними при «потенциальной» (ре)экспансии, уже давно и прочно была очень низкой.

Такой зримый выбор категоричного неприятия каких-либо проявлений внешних источников легитимации со стороны хаджретов обнаруживает, по меньшей мере, высокую самооценку, опирающуюся на укорененное в историческом сознании представление о своей значимости в регионе, так или иначе предполагавшее собственный политический проект. Думается, что предельное напряжение и выбор крайней Альтернативы в условиях столкновения с колоссальной мощью Российской империи не могли быть мотивированы амбициями меньшего порядка. В этом плане не случайно жители побережья на пике своей военной активности все-таки продолжали рассматривать кабардинцев как «главную часть черкесов» [50: 141].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 347. Оп. 1. Д. 33. Л. 22.
2. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М., 2004.
3. *Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.

4. Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления. Материалы круглого стола. Нальчик, 2013.

5. Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века. Исследования и материалы / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик, 2008.

6. Lettre du pere Duban sur le nouvel etablissement des missions dans la Crimée // Lettres édifiantes et curieuses concernant l'Asie, l'Afrique et l'Amérique. Paris, 1838. Т. 1. Рр. 97–113.

7. Промемория Блистательной Порте от российского резидента Неплюева, августа 10-го дня 1731-го году в Константинополе // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: в 2 т. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 43–45.

8. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. СПб., 1869.

9. Архив внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ). Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/1. Д. 1. Л. 2–4.

10. АВПРИ. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/2. 1762–1778. Д. 8. Л. 112–113.

11. Грабовский Н.Ф. Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость. Нальчик, 2008.

12. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. II. СПб., 1869.

13. Туганов Р.У. Шариатское движение в Кабарде против царизма в 1799–1807 гг. // Живая старина. Нальчик, 1991. № 1.

14. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 50. Л. 365.

15. Кажаров В.Х. Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 29–86.

16. Алоев Т.Х. Вопрос о закубанских территориях Кабарды в контексте миграции кабардинцев в первой четверти XIX века // Исторический вестник. Вып. III. Нальчик, 2006. С. 258–270.

17. Акты Кавказской археографической комиссии (Далее – АКАК). Т. II. Ч. II. Тифлис, 1868. 18. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М., 1991.

19. Потто В.А. Кавказская война: В 5 т.: Т. II. Ермоловское время. Ставрополь, 1994.

20. Люлье Л. Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними горскими народами // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 47–62.

21. Отчет гр. Евдокимова о военных действиях, исполненных в Кубанской области в период времени с 1-го июля 1863 года по 1-е июля 1864 года // Ку-

мыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию вследствие Кавказской войны. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 47–113.

22. *Жиль Ф.А.* Письма о Кавказе и Крыме / Сост. и пер. с франц. языка К.А. Мальбахова. Нальчик, 2009.

23. *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М., 2005.

24. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов (Далее – НПИНА) / Под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. II. — М., 1990.

25. Басхэгъ Гъариб и уэрэд // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005.

26. *Паштова М.М.* Кавказская война в «классических» формах фольклора и современном социокультуром дискурсе черкесской диаспоры // Кавказская война: события, факты, уроки. Материалы международной научной конференции (г. Нальчик, 15–19 окт. 2014 г.). Нальчик: Изд. отд. КБИГИ, 2014. С. 155–165.

27. Информант Шигалуга (Шыгъэлыгъуэ) Хаджи-Хайдар, житель г. Пынарбаши, ил (провинция) Кайсери, Турецкая Республика. Запись 1993 г. Из личного архива Думанишева Ауладина.

28. Сказания о Жабаги Казаноко / Сост., подгот. к печати, коммент. и прил. З.М. Налоева, А.М. Гугова. Нальчик, 2001.

29. *Алоев Т.Х.* «Беглые» кабардинцы: формирование в Закубанье массива кабардинского населения и его участие в Кавказской войне в 1799–1829 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2006. 26 с.

30. АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875.

31. *Филонов С.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. Тифлис, 1894. Т. XV.

32. АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878.

33. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 1. Ставропольская губерния // Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. М., 2008.

34. Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья XIII–XIX вв.: Сборник документов и материалов / Сост. С.Х. Хотко. Майкоп, 2009.

35. *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. В 2 т.: Т. 1. Майкоп, 2006.

36. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. XXI.

37. АВПРИ. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/2. Д. 21. Л. 39.

38. НПИНА. Т. III. Ч. I. М., 1986.

39. *Хан-Гирей.* Бесльный Абат // Хан-Гирей. Избранные произведения / Подгот. текста и вступ. ст. Р.Х. Хашхожевой. Нальчик, 1974.

40. *Алоев Т.Х.* Особенности динамики военно-политического положения хаджретской Кабарды в условиях трансформации международного статуса

Закубанья (середина 1829–1830 годы) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2011. № 2 (162). С. 25–29.

41. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999.

42. *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.

43. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». СПб., 2003.

44. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии / Вступ. ст. и подгот. текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик, 2008.

45. *Гордин Я.А.* Кавказ. Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000.

46. *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов / Пер. с англ. В.М. Аталикова. Нальчик, 2002.

47. Адыгэ хьыбархэр / Зэхэзыльхьар, пэублэ тхыгъэр, комментарийэр зытхар Мыжей Михаилщ. Черкесск, 1986.

48. *Гейнс К.* Пшехский отряд (с октября 1862-го по ноябрь 1864 года) // Материалы для истории покорения Западного Кавказа. Нальчик, 2013.

49. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 242. Л. 6.

50. *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов: в 2 т. Т. 1. / Пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик, 2007.

Научное издание

Алоев Тимур Хазраилович

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ХАДЖРЕТСКОЙ КАБАРДЫ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Подписано к размещению 21.12.17
Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 7,3. Заказ 199

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: 8 (8662) 42-46-97
E-mail: kbigi@mail.ru